

ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

3/2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 14, № 3

Июль – сентябрь 2021

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силян А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 14, No. 3

July – September 2021

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriiliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Баикина Ю. О., Колтунов А. Л. Проблемы использования материнского капитала в целях улучшения жилищных условий семей	9
Белоножко Л. Н. Особенности социального здоровья населения Арктического региона	24
Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П., Голованова О. И. Государственная политика по формированию социокультурного пространства в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е гг.)	45
Гусева В. Е., Фокина Е. Н. Современные трансформации рынка образовательных услуг в России	58
Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Неуспешные студенты: социологический анализ их человеческого капитала	73
Попкова А. А., Третьякова О. В., Киричук С. М. Местная филантропия в системе развития территории	94
Сухарькова М. П. Взаимодействие волонтеров в социальных сетях: кейс олимпийских волонтеров после игр	108
Толмачева С. В., Толмачева Л. А. Применение технологий виртуальной реальности в обучении: ценностный аспект (по результатам социологического исследования)	123

CONTENTS

Baikina Yu. O., Koltunov A. L. Maternity capital as a measure to improve housing conditions of the family: the problem of its application	9
Belonozhko L. N. Features of social health of the population in the Arctic region	24
Gavrilova N. Yu., Karpov V. P., Golovanova O. I. State policy on the formation of sociocultural environment in petroleum producing regions of Western Siberia (1960-1980s)	45
Guseva V. E., Fokina E. N. Modern transformations of the market of educational services in Russia	58
Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Unsuccessful students: a sociological analysis of their human capital	73
Popkova A. A., Tretyakova O. V., Kirichuk S. M. Local philanthropy in the territorial development system	94
Sukharkova M. P. Interaction of volunteers in social networks: the case of Olympic volunteers after the Games	108
Tolmacheva S. V., Tolmacheva L. A. Application of virtual reality technologies in learning: the value aspect (according to the results of a sociological study)	123

УДК 351.778.532

Проблемы использования материнского капитала в целях улучшения жилищных условий семей

Юлия Олеговна Баикина, Анатолий Львович Колтунов

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Поддержка семей на государственном уровне — одна из приоритетных задач Правительства РФ. Улучшение демографической ситуации в России напрямую связано с поставленной задачей. Статья посвящена реализации программы материнского капитала в Тюменской области. Основу материала для статьи составляет статистическая и социологическая информация, полученная в ходе анализа официальных источников и социологического исследования, проведенного нами среди жителей г. Тюмени и Тюменской области, которые обращались в ведущие агентства недвижимости за консультацией по вопросу приобретения жилья. В результате исследования было выявлено отношение жителей к программе материнского капитала, подтверждены значимость и необходимость продления исследуемой программы. Определены механизмы использования сертификатов материнского капитала на предусмотренные законом цели. Особое внимание уделено использованию материнского капитала на улучшение жилищных условий. Выявляются предпочтения по расширению установленного перечня у жителей г. Тюмени и Тюменской области.

Ключевые слова: семья, материнский капитал, жилье, цели использования средств материнского капитала.

Maternity capital as a measure to improve housing conditions of the family: the problem of its application

Yulia O. Baikina, Anatoly L. Koltunov

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Russia

Abstract. Supporting the family at the state level is one of the priority tasks of the Government of the Russian Federation. Improving the demographic situation in Russia is directly related to this task. The article is devoted to the use of maternity capital in Tyumen region. The content of the article is based on statistical and sociological information, which was obtained in the course of an analysis of official sources, and a sociological study, which was conducted by us among residents of Tyumen and Tyumen region, who had contacted leading real estate agencies for advice on housing purchase. As a result of the study, we revealed the attitude of residents to maternity capital; the importance and necessity of extending maternity capital are confirmed. The mechanisms for using maternity capital certificates for

the purposes are determined. Particular attention is paid to the use of maternity capital to improve housing conditions of the family. We also identified preferences among residents of Tyumen and Tyumen region to expand the established list of options for using maternal capital.

Keywords: family, maternity capital, housing, purposes of using maternity capital.

Введение

Появление ребенка в семье — событие не только радостное, но и весьма затратное. Самая тяжелая финансовая нагрузка у родителей приходится на оплату образования уже выросших детей и на приобретение жилья.

Семья — это малая социальная группа, члены которой связаны браком, родительством и родством, общностью быта, общим бюджетом и взаимной моральной ответственностью. Важнейшие функции семьи: социальная, репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-экономическая, рекреационная, медицинская [1].

Любое общество характеризуется сменой поколений. Это направление развития общества осуществляется непосредственно через репродуктивную функцию семьи.

По определению Н. Я. Соловьева, Я. С. Ломизе, семья — это малая социальная группа общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и другими родственниками, живущими и ведущими общее хозяйство [2].

А. В. Петровский, рассматривая семью с социально-психологической точки зрения, определяет ее как социальную группу, соответствующую нормам и ценностям данного общества, объединенную формируемой в совместной деятельности совокупностью межличностных отношений: супругов между собой, родителей к детям и детей к родителям и между собой, которые проявляются в любви, привязанности, интимности [3].

Материнский (семейный) капитал — это мера государственной поддержки семей, в которых в период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2026 года родился или был усыновлен второй (третий и последующий) ребенок; либо, начиная с 1 января 2020 года, родился (был усыновлен) первый ребенок [4].

Наряду с финансовой обеспеченностью жилищные условия также относятся к составляющим уровня жизни.

Жилищные условия — совокупность показателей, характеризующих местоположение, величину жилой площади на человека, степень благоустройства жилья [5].

Если рассматривать комплекс качества жизни населения, то стоит выделить жилищные условия как один из самых существенных составных элементов. Хотя тут стоит признать, что индекс обеспеченности комфортным проживанием на сегодняшний день не находится в полном соответствии с запросами большего числа населения. Более того, до сих пор не существует четких критериев, характеризующих уровень комфортного проживания.

Большинство ученых и политиков полагают, что рассматривать жилищную политику следует как одну из ценностных характеристик идеологии социально-экономической политики государства. По их мнению, государство декларирует социальные ценности, при этом все заботы об улучшении жилищных условий должны быть переложены на плечи населения в организационном и финансовом смыслах. Государство выделяет лишь отдельные группы населения, которые могут получить льготы для приобретения жилья или вовсе стать его обладателем бесплатно. Формируя перечень граждан, имеющих право на льготное приобретение жилья, государство, в свою очередь, используя экономические механизмы, возлагает на себя ответственность по обеспечению населения минимальным стандартом жилищных условий и условий безвозмездного предоставления жилья определенным социальным группам. Суть жилищной политики государства — обеспечить экономические и организационные возможности населению для улучшения им собственных жилищных условий.

Отмечая, что жилищная политика находится в тесной взаимосвязи с вопросами регулирования иных социальных и экономических проблем, следует честно признать, что попытки государства в вопросах стимулирования улучшения жилищных условий, используемые им в системе управления, сегодня явно недостаточны и в целом выглядят неэффективными.

Проведенный анализ структуры расходов семей с различным уровнем доходов позволил сделать неутешительный вывод: большинство российских семей не располагают ни возможностью приобрести собственное жилье, ни шансом существенно улучшить жилищные условия. Декларируемая государством идеология, послужившая основанием формирования жилищной политики, абсолютно не подкреплена финансовыми возможностями большинства российских семей и нуждается в существенной корректировке.

Характеризуя уровень обеспеченности населения жильем, нельзя не отметить тот факт, что в структуре жилищного фонда, находящегося в собственности граждан, преобладают квартиры с небольшой площадью и количеством комнат. Подобный жилой фонд рассчитан на проживание минимального количества членов семьи, то есть по минимуму отражает запросы на комфортное проживание семьи с одним ребенком.

Подавляющее большинство российских семей с детьми нуждаются в улучшении жилищных условий: испытывают нехватку квадратных метров площади для проживания. Разумеется, проблема качества жилья актуальна не только для семей с детьми, однако именно такие семьи оказываются в наиболее стесненных условиях проживания. Семья должна иметь возможность улучшить свои жилищные условия вариативно: покупка жилья (или уже готового, или на этапе строительства) на собственные средства или путем привлечения кредитных средств банков; аренда. Главное, чтобы были удовлетворены потребности семьи на определенном этапе ее жизненного цикла.

В начале нулевых социально-демографическая ситуация вызывала большую озабоченность: рождаемость в семьях сокращалась; в противовес ей внебрачная росла, как и число родителей юного возраста, неспособных еще обеспечивать не то что детей, самих себя. Росло количество однопородных и бездетных семей. Молодежь массово покидала села (переезжая в город), в результате там значительно ухудшалась возрастная и

трудоспособная структура населения. Возникла острая необходимость поддержки института семьи на государственном уровне.

На реализацию хозяйственно-экономической функции семьи большое влияние оказывают доходы супругов и получаемые от государства социальные гарантии. Снижение уровня доходов, неравномерное распределение доходов между слоями населения, рост безработицы могут привести к росту напряженности в семье и к нарушениям данной функции.

Данная статья посвящена реализации программы материнского капитала. Рассмотрены цели, на которые обладатели материнского капитала собираются его потратить. Особое внимание уделено реализации материнского капитала на улучшение жилищных условий. Очевидно, что жилье играет важную социальную функцию — это место проживания, «среда обитания» людей, и, в частности, семьи как социальной ячейки общества. Жилье является одним из важнейших условий существования человека, то есть жизненно необходимым и первостепенным для него.

Литературный обзор

Следует отметить, что в работах российских и зарубежных ученых, в силу специфики исследовательских задач, стоящих перед ними, преобладает традиционный узкодисциплинарный подход к изучению программы материнского капитала, как правило, с позиций экономики.

Степень разработанности вопросов социальной политики в области семьи напрямую связана со значительным увеличением интереса современной социологической науки к проблемам семьи и ее репродуктивного поведения.

Предложенные Р. Мертоном понятия дисфункции и латентной функции необходимы для описания социальных программ материнского капитала и родовых сертификатов. Столкновение интересов института семьи и государства объясняется при помощи конфликтологического подхода (Р. Дарендорф, Р. Коллинз). Материальные ресурсы являются социальным благом, и неравное их распределение продуцирует социальную эксклюзию малообеспеченных семей (Л. Овчарова, А. Пишняк, Э. Теслюк).

В соответствии с терминологией К. Мангейма материнский капитал и родовые сертификаты представляются как инновационные социальные технологии. Государственная поддержка семей подводит к рассуждению о режимах социальной политики (Г. Эспинг-Андерсен).

В работах отечественных социологов и демографов А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, С. И. Голода, Т. И. Заславской, С. А. Сорокина рассматриваются социологические, социально-психологические аспекты проблем мотивации демографического поведения и разработки действенной социально-демографической политики в России.

Меры социальной поддержки материнства на разных этапах развития России отображены в трудах таких ученых, как С. Айвазова, Л. Бернштейн, Ю. Градскова, Е. Жидкова, Е. Здравомыслова, А. Коллонтай, Ю. Королев, Н. Лебина, М. Рабжаева, А. Темкина, Н. Черняева. Социальная поддержка семей затрагивает вопрос социально-

го капитала (П. Бурдье, Дж. Коулман), который следует считать специфическим видом богатства в современном обществе риска (Э. Гидденс) [6].

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили научные работы, нормативно-правовые акты в исследуемой сфере, экспертные аналитические обзоры Пенсионного фонда РФ и г. Тюмени, а также эмпирические материалы, полученные нами в процессе проведения социологического исследования.

Национальный проект «Демография» — один из национальных проектов в России на период с 2019 по 2024 годы. Материнский капитал — мера государственной поддержки российских семей, входящая в этот национальный проект.

Для поддержки семей, имеющих двух и более детей, в 2007 году был принят Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», который предусматривает выплату материнского (семейного) капитала.

Размер материнского капитала в 2020 году составлял 466 617 рублей при рождении (усыновлении) первого ребенка с 1 января 2020 года, а также при рождении (усыновлении) второго или последующего ребенка с 2007 по 2019 год включительно. 616 617 рублей — при рождении (усыновлении) второго ребенка с 1 января 2020 года, если первый ребенок родился до этой даты; а также при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей с 1 января 2020 года при условии, что раньше право на материнский капитал не возникло [7]. Также выросла сумма, которая ежемесячно выплачивается российским семьям из материнского капитала. «Теперь ее размер равен региональному прожиточному минимуму ребенка за второй квартал прошлого года. В целом по России это 11,4 тыс. руб., что примерно на 1 тыс. руб. больше выплаты прошлого года», — рассказали в пресс-службе Пенсионного фонда РФ [8]. Законом предусматриваются следующие цели использования материнского капитала:

- улучшение жилищных условий; можно приобрести далеко не всю недвижимость, а только жилье (с 2020 года материнский капитал разрешено использовать для строительства индивидуального жилого дома и даже на покупку недостроенного дома; 61 % россиян, решивших распорядиться средствами материнского капитала в 2020 году, использовали деньги для улучшения жилищных условий (339 тыс. семей));
- получение образования ребенком (в том числе платного дошкольного образования), возраст ребенка на дату начала образования — не старше 25 лет;
- формирование накопительной пенсии для матери;
- приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов [8].

Здесь будет уместно перечислить все инструменты улучшения жилищных условий, предлагаемых на сегодняшний день государством для семей как с детьми, так и бездетных.

1. Программа выплаты материнского капитала на второго и каждого последующего ребенка. Реализуется данная программа в соответствии и в рамках

государственной политики «Социальная поддержка граждан». Суть данной программы раскрыта выше.

2. Предоставление ипотечного займа многодетным семьям на приобретение жилья, исходя из ставки кредита не выше 6 %. Причем нужно упомянуть, что банкам делегируется право самостоятельно понижать ставку кредита, а разницу между базовой ставкой и льготной покрывает государство из средств целевых программ.

3. Программа «Молодая семья», предлагающая молодым семьям, которые официально признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий, получить государственную субсидию на приобретение жилья в личную собственность. Выплаты в рамках данной программы осуществляются не в форме кредитования, а являются безвозвратными и рассчитываются в размере 35 % от стоимости жилья для семей с детьми и 30 % — для бездетных семей. Действие данной программы рассчитано до 2025 года.

4. При рождении третьего ребенка у родителей появляется право претендовать на выплату денежной суммы из федерального бюджета в размере 450 тысяч рублей. Данная субсидия является целевой и может быть использована только на погашение ипотеки. Также следует заметить, что помимо гарантированных государственных выплат некоторые регионы устанавливают собственные дополнительные субсидии в размере от 100 до 150 тысяч рублей.

5. Предоставление социального жилья на безвозмездной основе малоимущим семьям при условии, что семья не имеет собственного жилья, либо это жилье не обеспечивает комфортного проживания в нем всех членов семьи. Данное жилье может быть предоставлено на условиях социального найма.

6. Выделение государственной адресной субсидии на приобретение квартиры или частного дома. Выделение данной субсидии может производиться в размере от 30 до 50 %, при условии, что остальную часть средств выплачивает собственник жилья. Субсидия предоставляется один раз.

7. Многодетной семье может быть выделен земельный участок в размере 15 соток на безвозмездной основе. Выделение участка производится по месту проживания семьи всего один раз. Земельный участок может быть использован под следующие нужды: для строительства дачи, либо под фермерство, либо для ведения садоводства.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что материнский капитал является лишь дополнительной и отдельной мерой поддержки семьи и его использование для приобретения загородного дома в деревне не должно влиять на право получения бесплатного жилья по другой программе.

7 ноября 2020 года вступили в силу изменения в постановлении Правительства Тюменской области от 27.12.2011 № 503-п «О региональном материнском (семейном) капитале».

В Тюменской области 2 900 семей получили введенную ежемесячную денежную выплату на третьего и последующих детей, рожденных с 01.01.2020 (при софинансировании из федерального бюджета). Также на условиях софинансирования была введена и ежемесячная денежная выплата на ребенка от трех до семи лет — за 11 месяцев 2020 года выплачено на 57,2 тыс. детей.

Согласно информации от департамента социального развития Тюменской области, всего в 2020 году на реализацию регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» выделено 2 866,8 млн руб., из них 1 354,4 млн руб. — средства федерального бюджета [9].

Такая поддержка необходима для всех семей. Особенно она важна для малообеспеченных граждан. Государственная социальная помощь — система мер по оказанию помощи действительно нуждающимся лицам (малоимущим семьям и отдельным малоимущим гражданам) в виде денежных выплат, натуральной, гуманитарной помощи, услуг и льгот для преодоления или смягчения жизненных трудностей, для поддержания их социального статуса и полной жизнедеятельности, а также для адресного и рационального использования бюджетных средств [10].

Однако нельзя не отметить, что регламентируемые законом цели, являющиеся легитимными с точки зрения закона о материнском капитале, на практике не устраивают больше 50 % семей, имеющих детей. Так, например, около 40 % матерей выразили свое желание в получении средств материнского капитала в наличной форме. Примерно такие данные опросов приводят в результате своих исследований такие организации, как Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию» и АНО «Центр правовой поддержки «Мама в праве».

Суммируя итоги их исследований, по результатам опроса выяснилось, что чуть менее 20 % уже воспользовались этой государственной выплатой. Однако более 50 % семей, то есть добрая половина опрошенных, заявили, что цели использования материнского капитала, закрепленные в законе, выглядят зачастую для них «туманными» либо просто неконструктивными. При опросе респондентов в количестве 20 % от опрашиваемых было и вовсе установлено, что они не имеют представления, как программа материнского капитала реализуется на практике.

Совсем уж нетрадиционными выглядят пожелания опрошенных потратить средства материнского капитала на приобретение автомобиля, улучшение здоровья, лечение, отдых детей, да и просто на ежедневные траты по содержанию и воспитанию детей.

«Опрос показал, что закрепленные в законе меры социальной поддержки семей, имеющих детей, должны быть расширены таким образом, чтобы материнский капитал мог обеспечивать все действительно важные потребности молодой семьи», — прокомментировала результаты опросов руководитель АНО «Центр правовой поддержки «Мама в праве» Елена Гринь.

Также необходимо уточнить в связи с этим упомянутую «туманность», иными словами расплывчатость некоторых формулировок в законе. Ярким примером такой расплывчатости может служить положение закона о материнском капитале, именуемое как «улучшение жилищных условий». Так, если участники программы материнского капитала воспользуются им для оплаты текущего или капитального ремонта уже принятых в эксплуатацию дома или квартиры, а равно запланируют подключение их к коммуникациям, то они могут столкнуться не только с неодобрением траты средств материнского капитала со стороны местных отделений Пенсионного фонда РФ, но и с конкретными отказами в трате средств на эти цели. Здесь мы наблюдаем однозначную

трактовку закона: «улучшение» касается только лишь увеличения жилой площади, но не улучшение качественных характеристик жилья, уже находящегося в собственности.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, некоторые семьи готовы воспользоваться услугами многочисленных организаций по обналичиванию средств материнского капитала либо перенаправлению этих средств на оплату непрофильных целей, указанных в законе. Как итог, участники этих манипуляций теряют часть выделенных средств за оплату так называемых услуг и попадают под действие ст. 33 Уголовного кодекса РФ, так как намеренно осуществляют действия по использованию преступных схем, которые содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса РФ (мошенничество).

Усматривая «острые углы», а то и вовсе непреодолимые препятствия в распоряжении материнским капиталом, можно определить проблематику положений программы помощи многодетным семьям, а также трактовки тех законов, которые контролируют ее исполнение. Только тогда можно составить своеобразный документ с перечнем всех нюансов, которые имеют особую важность с точки зрения данной проблемы.

Учитывая все вышесказанное, можно представить перечень выводов по проблематике заявленной темы.

1. С нашей точки зрения, главной и наиболее непреодолимой проблемой использования материнского капитала является жилищное законодательство. Поскольку жилье выступает основной целью траты средств материнского капитала, то именно в этой сфере наблюдается большее число нарушений и злоупотреблений в использовании указанных средств. Учитывая все это, можно сделать однозначный вывод относительно корректировки или изменений положений жилищного законодательства.

2. Абсолютно невозможно считать приемлемыми выводы судебных заседаний о том, что матери, зачастую имеющие несколько детей или находящиеся в положении, рассматриваются как субъекты преступных действий. Ведь на самом деле они хотели получить то, что, по их мнению, является разумным и логичным, социально обоснованным.

В статье была сделана попытка рассмотреть и сопоставить ожидания участников программы материнского капитала с реальными возможностями тех ресурсов и механизмов, входящих в государственный пакет адресной помощи многодетным семьям.

Основу материала для статьи составляет статистическая и социологическая информация, полученная в ходе анализа официальных источников, на базе результатов которого проведено эмпирическое исследование об отношении жителей г. Тюмени и Тюменской области к программе материнского капитала. Наиболее известными методиками по оценке инициатив государства, касающихся социально-экономического благополучия российских семей, являются опросы, регулярно проводимые Всероссийским центром изучения общественного мнения.

Результаты и обсуждение

Социологическое исследование проводилось путем анкетирования жителей г. Тюмени и Тюменской области, посетителей крупных агентств недвижимости, которые обраща-

лись за консультацией по вопросу приобретения жилья (октябрь 2020 г.). Для формирования выборки использован простой случайный отбор. Объем выборки для обеспечения уровня доверительности $\gamma = 95\%$ и с учетом предельно допустимой ошибки 5% составил 386 человек. Критерии отбора выборки: возрастные ограничения (от 18 до 60 лет и старше), наличие цели приобретения жилой недвижимости.

В опросе приняли участие $62,4\%$ женщин и $37,6\%$ мужчин. Большая часть респондентов в возрасте 25–34 года ($47,4\%$), 18–24 года — $11,1\%$, 35–44 года — $25,3\%$, 45–59 лет — $9,1\%$, 60 лет и старше — $7,1\%$.

Вопросы анкеты касались осведомленности жителей г. Тюмени о программе материнского капитала, об их отношении в целом к этой программе, о предпочитаемой цели использования средств материнского капитала. По результатам исследования более половины респондентов (52%) хорошо осведомлены об этой программе. 3% опрошенных никогда о ней не слышали даже. Остальные 45% респондентов имеют о ней представление, но никогда не вдавались в ее подробности.

На вопрос о том, воспользовались ли респонденты лично материнским капиталом или же кто-то из их близких родственников, 18% ответили, что получили материнский капитал лично, 47% ответили, что их близкие родственники получили материнский капитал. Таким образом, почти $2/3$ респондентов так или иначе сталкивались с программой материнского капитала.

В феврале 2020 года В. Путин предложил продлить программу материнского капитала до 2026 года. Им также был предложен ряд инициатив, которые, по его мнению, должны простимулировать молодежь, вступающую в семейную жизнь, рожать детей, не ограничиваясь единственным ребенком. В среднестатистической российской семье 1–2 ребенка. В последнее десятилетие формируется тенденция к семейной модели с двумя детьми. Это обусловлено такими факторами, как реализация федеральной программы «Молодая семья» и выплата материнского капитала семьям с двумя и более детьми, а с 2020 года еще и семьям с одним ребенком. Снижение демографического показателя младенческой смертности и увеличение детородного возраста рожениц (уже не редкость, когда женщины рожают после 40) в силу развития медицины, ну и, конечно же, доступность детских дошкольных учреждений (женщины меньше стали бояться засидеться дома без работы из-за нехватки мест в детских садах) — все это тоже факторы стимулирования рождаемости. Помимо сертификатов на первого и последующих рожденных детей, президент предложил оказать дополнительную помощь многодетным семьям, имеющим ипотечный кредит: при рождении ими третьего ребенка государство будет само гасить этот кредит на сумму 450 тысяч рублей.

Принимая во внимание вышеуказанные нововведения для семей с детьми, вполне логичными представляются ответы респондентов. На вопрос «Считаете ли Вы, что программа материнского капитала стимулирует российские семьи заводить второго или последующего ребенка?» 63% опрошенных согласились с этим утверждением, причем чаще всего положительный ответ наблюдался в возрастной категории респондентов от 18 до 24 лет. В число тех, кто не считает эту программу эффективной для стимулирования, попало почти равное количество в возрасте как 25–34 года, так и 35–44 года (по 38%).

78 % опрошенных согласны с утверждением, что материнский капитал помогает улучшить материальное положение семей. Лидерами по положительному ответу были респонденты, относящиеся к возрастной группе 60+ (чуть более 80 %). Считается, что когда программа только начиналась, в 2007 году, была совсем другая ситуация в экономике, в которой наблюдался экономический рост. Сейчас наблюдается стагнация в экономике и доходах граждан. Поэтому постоянно индексируемые суммы материнского капитала оказываются весьма кстати для участников этой программы. Не согласны с утверждением в этом вопросе анкеты более 22 % респондентов, в основном это молодежь 18–24 года (31 % от всех опрошенных).

В настоящее время рождают детей немногочисленное поколение 90-х годов, отсюда и логичное снижение рождаемости в целом. Суммарный коэффициент рождаемости в прошлые годы был 1,5 (для сравнения: во время Второй мировой войны аналогичный показатель рождаемости был равен 1,3). Сейчас правительство планирует поднять его благодаря всем вносимым изменениям в программу, а также продлив ее, до 1,7. «Не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны», — обозначил задачу президент.

Следующим в анкете идет утверждение: «Материнский капитал стимулирует рождаемость преимущественно в малообеспеченных семьях». Кроме расширения программы выдачи материнского капитала правительством было предложено для малообеспеченных семей ввести ежемесячные выплаты на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно. Право на эту помощь получили семьи с доходом не выше одного прожиточного минимума на человека. В числе других мер господдержки рождаемости — бесплатное горячее питание в школах. Самая многочисленная возрастная группа, ответившая на него утвердительно, это респонденты в возрасте 60+ (76 % в общем процентном соотношении согласившихся с ним 70 % опрошенных). Как и в предыдущем вопросе, молодежь в возрасте 18–24 года категорически не согласна с данным утверждением. Таковых 35 % из общего количества 27 % респондентов, ответивших отрицательно. Многие россияне считают, что в таких семьях заводят детей только ради денег от государства, потратив их на определенные цели, прописанные в законе; в малообеспеченных семьях не решается проблема увеличения доходов в целом. Директор Института демографии Высшей школы экономики Анатолий Вишневский считает: «Во-первых, увеличится количество людей, которые будут жить не на трудовые доходы, а на пособие. С точки зрения рядового обывателя, это не так уж и плохо, но с точки зрения всей экономики люди получают зарплаты, которые должны в том числе позволять им рожать и воспитывать детей, а не переключаться на социальные выплаты». В 2019 году бедность (число людей с доходами ниже 10 000 руб.) выросла — по итогам трех кварталов такой доход был у 13,1 % россиян (19,2 млн человек) против 13 % (19,1 млн человек) за аналогичный период 2018 года. Выросла и субъективная бедность — доля людей, которые оценивают свое положение как «плохое» и «очень плохое», увеличилась с 23,3 до 26,5 %, о чем свидетельствуют данные аналитиков РАНХиГС. При этом бедность должна сократиться вдвое уже к 2024 году — такова одна из целей майского указа президента.

Ответы респондентов на вопрос «На какие цели Вы собираетесь потратить средства материнского капитала?» распределились следующим образом: 78 % ответили, что потратят их на улучшение жилищных условий. Лидерами здесь были возрастные группы 25–34 года и 35–44 года. Вторым по популярности был ответ «на образование детей» (13 %), на накопительную пенсию матери потратят средства лишь 3 % опрошенных.

Весьма кстати премьер-министр Михаил Мишустин подписал постановление, которым упростил правила направления средств материнского капитала на улучшение жилищных условий в России. Документ опубликован на сайте правительства России. С 2021 года размер материнского капитала составляет 483 882 руб. на первого ребенка и 639 432 руб. — на второго.

Речь идет о случаях, когда средства материнского капитала направляются на компенсацию затрат при строительстве или реконструкции жилого дома. Раньше для этого нужно было предоставлять в Пенсионный фонд РФ сведения из акта выполненных строительных работ, теперь же будет достаточно выписки из Росреестра о том, что земельный участок и дом, который на нем построен, находятся в собственности [11].

80 % респондентов на вопрос «Стоило ли продлить программу до 2026 года?» ответили утвердительно. 16 % считают, что это нужно было сделать только для малообеспеченных семей; по 2 % пришлось на тех, кто считал, что программу нужно было закрывать, и тех, кто затруднился с ответом. Наиболее заинтересованными в продлении программы оказались респонденты в возрастной группе 25–34 года. Именно этот возраст самый репродуктивный, особенно для второго и последующих детей. И наверняка в этой категории много таких семей, которые еще только планируют рожать. Ведь тенденция наших дней такова, что семейные пары не торопятся обзаводиться первенцами, в приоритете у молодежи сначала «встать на ноги», обзавестись самостоятельным жильем, привлекая ипотечные средства, чтобы впоследствии воспользоваться материнским капиталом именно для погашения весомой части кредита. Хотя были и респонденты из этой же возрастной группы, и из группы 18–24 года, высказавшиеся за закрытие программы, но их меньшинство (4 % от общего количества респондентов в 2 %).

У респондентов сформировалось мнение, что воспользоваться средствами материнского капитала сложно. Об этом утвердительно говорят 47 % ответивших. Чуть меньше (41 %) не согласны с подобным утверждением. С 15 апреля 2020 года сертификат на материнский капитал оформляется автоматически. И возможно, количество ответивших, что «воспользоваться средствами сложно», значительно уменьшится. Информация о получении семьей материнского капитала направляется в личный кабинет владельца сертификата на сайте Пенсионного фонда РФ или на портале госуслуг в электронной форме в беззаявительном порядке. Это заметно облегчает процесс использования данного сертификата, минимизируя временные ресурсы обладателей сертификата и лишняя раз заботясь об их здоровье в связи с новой коронавирусной инфекцией. Прежние условия получения сертификата сохраняются только для семей с приемными детьми, поскольку сведения об усыновлении, необходимые для получения материнского капитала, могут представить только сами приемные родители.

На вопрос «Если бы была возможность добавить единственный пункт к этому перечню, что бы Вы выбрали?» лидировал ответ «на лечение матери или ребенка» — 48 %, «на ремонт жилья» хотели бы потратить средства материнского капитала 18 % опрошенных. Примерно одинаковое количество в процентном соотношении набрали ответы «на отдых в региональных санаториях», «на переезд в другой регион», «на покупку автомобиля» и «затрудняюсь с ответом» — от 2 до 4 %. Действительно, лечение тяжелых патологий стоит сейчас огромных денег. У большинства среднестатистических семей, а уж тем более у семей малообеспеченных средств на него нет. И если примут поправку, в которой разрешат распорядиться средствами материнского капитала именно на такую цель, это будет реальной поддержкой детям и их родителям.

Выводы

В целом проведенное исследование показало, что программа материнского капитала — необходимая поддержка со стороны государства. Респонденты не остались равнодушными к факту ее продления, что подтверждается статистической информацией, приведенной нами в данной статье. Основная часть обладателей материнского капитала планирует реализовать его на улучшение жилищных условий. Помимо рассмотренной в статье программы материнского капитала, стоит упомянуть еще об очень важных инициативах господдержки семей с детьми:

- льготная ипотека под 6 %, воспользоваться которой могут семьи с двумя и более детьми, решившие приобрести жилье на первичном рынке;
- субсидии для молодых семей, в которых супругам нет еще 36 лет, для улучшения жилищных условий;
- детские пособия, так называемые путинские выплаты, для семей с доходом не более двух прожиточных минимума на человека в месяц;
- погашение ипотеки для многодетных семей, которые родят третьего ребенка с 2019 по 2022 год, в размере 450 тысяч рублей.

Очевидно, что подобные меры поддержки семей с детьми и программа материнского капитала очень действенны и заметны для россиян. Государство видит в этом частичное решение проблемы демографии, над которой уже сейчас необходимо задумываться, принимая во внимание не радужные прогнозы на последующие периоды. Начиная с 2017 года, в стране наблюдается откат по коэффициенту рождаемости после роста рождаемости в первые 10 лет после реформы. Тем не менее рождаемость все еще выше дореформенного уровня на четверть. Таким образом, в результате реформы у нас до сих пор достаточно высокий коэффициент рождаемости, то есть количество рожденных на одну женщину. Программа имела и другие важные последствия для экономики и общества: например, по данным Минобрнауки, число детей, оставшихся без попечения родителей, снизилось с более чем 140 тыс. в 2006 году до менее чем 50 тыс. в 2018 году [12]; сократилось и число матерей-одиночек. Кроме того, материнский капитал стимулировал рынок жилья.

«Идея выдавать материнский капитал на первенца совершенно правильная, но очень запоздавшая», — обращает внимание профессор кафедры социологии семьи и

демографии социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Александр Синельников. Он считает, что «то падение рождаемости, которое происходит в последние 3–4 года, идет по той же схеме, что и в 90-е годы. Падает сначала число браков, а затем и число первенцев».

Но нельзя делать ставку только на денежные выплаты в решении этой проблемы.

Прежде всего, необходимы изменения в правовом поле использования материнского капитала. По нашему мнению, логичными и своевременными выглядели бы следующие предложения.

1. Внести изменения в ст. 51 Жилищного кодекса РФ, в соответствии с которыми недвижимое имущество, приобретенное на средства материнского капитала, не превышающее по стоимости размера материнского капитала, не должно учитываться при расчете нуждаемости семьи или членов семьи в дополнительном жилом помещении.

Говоря иными словами, необходимо законодательно установить, что семьи, которые определены на основании ст. 51 Жилищного кодекса РФ в качестве нуждающихся в жилых помещениях, истратив средства материнского капитала на покупку недвижимости в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», не могут быть принудительно сняты с учета в качестве нуждающихся на улучшение жилищных условий.

2. Закрепить в Федеральном законе от 29.12.2006 № 256-ФЗ возможность получения и использования многодетными семьями наличных денежных средств в счет материнского капитала, в случаях возникновения такой нужды, и прописать конкретные случаи подобных выплат. Выплаты материнского капитала наличными средствами могут быть произведены по заявлению получателя в порядке, разработанном для каждого конкретного случая.

3. Эти изменения и дополнения действующего законодательства по выплате материнского капитала числа законных методов получения и использования материнского капитала будут весьма целесообразными и позволят преодолеть многочисленные проблемы и недостатки, а также позволят избежать правовых коллизий.

Обозначенные изменения в жилищном законодательстве в части использования материнского капитала, по нашему мнению, будут способствовать полному учету всех законных интересов многодетных семей и позволят избежать большинства криминальных схем использования материнского капитала.

Необходимо системное изменение сегодняшних условий для устойчивого развития общества, в котором нужно помогать не только семьям с детьми. Другие способы повысить рождаемость включают расширение доступа к уходу за ребенком, более длительный и высокооплачиваемый отпуск по беременности и родам, поощрение совмещения работы и воспитания детей. Влияние материнского капитала на число родившихся детей связано не с тем, что выросло среднее число детей в семье, а с тем, что сдвинулись сроки их рождения. Некоторые женщины, которые планировали родить ребенка через несколько лет, узнав о материальной поддержке, решили не откладывать этот ответственный шаг на долгие годы.

Конечно же, размер материнского капитала не настолько велик, чтобы решить все насущные проблемы семьи, полностью закрыть жилищный вопрос, особенно в ме-

гаполисах. Но если учесть низкий уровень социальных гарантий, недостаточный объем бесплатных медицинских услуг, то для всех семей, а особенно малообеспеченных, любая поддержка семейного бюджета будет нелишней.

Для каждого человека важно иметь возможности для достойной жизни и саморазвития. И если это станет реальным, то рождение детей станет не выполнением задачи правительства по повышению рождаемости, а естественной формой счастливых взаимоотношений, без привязки к количеству детей и суммам государственных выплат.

Библиографический список

- [1] Харчев, А. Г. Социология семьи : проблемы становления науки / А. Г. Харчев. – Москва : Центр социального прогнозирования, 2003 (Люберцы (Моск. обл.) : ПИК ВИНТИ). – 342 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 652 с. – (Золотой фонд психотерапии). – Текст : непосредственный.
- [3] Петровский, А. В. Психология и время / А. В. Петровский. – Москва : Питер, 2007. – 448 с. – (Мастера психологии). – Текст : непосредственный.
- [4] ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал : сайт. – Москва, 2014. – URL : http://www.garant.ru/actual/posobiya/posob_deti (дата обращения: 01.03.2021). – Текст : электронный.
- [5] Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / Федеральное собрание Российской Федерации, Гос. Дума ; сост. Р. С. Киракозов, А. А. Ковин, О. А. Борзунова [и др.]. – Москва : Издание Государственной Думы, 2013. – 800 с. – URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eGfOzeOhJ8f0nSDsJO5JLCKOk0yZrvDC.pdf>. – Текст : электронный.
- [6] Грек, Н. В. Социальная поддержка материнства в России : гендерный анализ современных социальных реформ : на примере материнского капитала и родовых сертификатов : специальность 22.00.04 : «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Грек Наталья Владимировна ; Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина. – Саратов, 2012. – 150 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Российская Федерация. Законы. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон № 256-ФЗ : [принят Государственной думой 22 декабря 2006 года : одобрен Советом Федерации 27 декабря 2006 года]. – Москва : Проспект, 2017. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902021711>. – Текст : электронный.
- [8] Пенсионный фонд Российской Федерации : сайт. – URL : <https://pfr.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2021). – Текст : электронный.
- [9] Тюменская линия : информационное агентство : сайт. – URL : <https://t-l.ru> (дата обращения: 25.02.2021). – Текст : электронный.

- [10] Российская Федерация. Законы. О государственной социальной помощи : Федеральный закон № 178-ФЗ : [принят Государственной думой 25 июня 1999 : одобрен Советом Федерации 02 июля 1999 года]. – Москва : Проспект, 2020. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901738835>. – Текст : электронный.
- [11] КОММЕРСАНТЪ : публичная компания : сайт. – URL : <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 27.03.2021). – Текст : электронный.
- [12] РБК : публичная компания : сайт. – URL : <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 02.03.2021). – Текст : электронный.

References

- [1] Kharchev, A. G. (2003). *Sotsiologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki*. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya, PIK VINITI Publ. 342 p. (In Russian).
- [2] Eidemiller, E. G., & Yustitskis, V. (2002). *Psihologiya i psihoterapiya sem'i*. 3rd edition. St. Petersburg, Piter Publ., 652 p. (In Russian).
- [3] Petrovskiy, A. V. (2007). *Psikhologiya i vremya*. Moscow, Piter Publ., 448 p. (In Russian).
- [4] GARANT.RU: informatsionno-pravovoy portal. (In Russian). Available at: http://www.garant.ru/actual/posobiya/posob_deti
- [5] Kirakozov, R. S., Kovin, A. A., Borzunova, O. A., Bumazhkina, N. M., Minakova, E. V., Pakhareva, G. V.,... Pleshakova, O. V. (2013). *Slovar' terminov, ispol'zuemykh v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii*. Moscow, 800 p. (In Russian). Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/eGfOzeOhJ8f0nSDsJO5JLCKOk0yZrvDC.pdf>
- [6] Grek, N. V. (2012). *Sotsial'naya podderzhka materinstva v Rossii : gendernyy analiz sovremennykh sotsial'nykh reform: na primere materinskogo kapitala i rodovyykh sertifikatov*. Diss. ... kand. sotsiol. nauk. Saratov, 150 p. (In Russian).
- [7] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O dopolnitel'nykh merakh gosudarstvennoy podderzhki semey, imeyushchikh detey: Federal'nyy zakon No 256-FZ. (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902021711>
- [8] Pension Fund of the Russian Federation. (In English). Available at: <https://pfr.gov.ru/en/>
- [9] Tyumenskaya liniya: informatsionnoe agentstvo. (In Russian). Available at : <https://t-l.ru>
- [10] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi: Federal'nyy zakon No 178-FZ. (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901738835>
- [11] КОММЕРСАНТЪ: publichnaya kompaniya. (In Russian). Available at : <https://www.kommersant.ru>
- [12] RBC: publichnaya kompaniya. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru>

Получена / Submitted: 31/03/2021

Доработана / Revised: 02/06/2021

Принята к публикации / Accepted: 07/07/2021

УДК 316.62(1-922)

Особенности социального здоровья населения Арктического региона

Лидия Николаевна Белоножко

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия все больше внимания уделяется изменениям, происходящим в Арктическом регионе. Прежде всего это связано с быстрыми изменениями климата, таянием льдов и потенциальными более широкими возможностями для экономической деятельности в Арктике, связанной в первую очередь с добычей ресурсов. Однако проживание все большего количества людей в экстремальных геофизических условиях будет требовать обращать большее внимание не только на здоровье людей как отдельных индивидуумов, на что традиционно нацелена медицина, но и на социальное здоровье населения Арктического региона, что потребует совместных усилий специалистов разных отраслей, а также создания слаженного долгосрочного механизма взаимодействия государства, местных властей, бизнеса и населения. В связи с этим данная статья направлена на выявление особенностей социального здоровья населения Арктического региона, фокусирование внимания на наиболее острых социальных проблемах проживания населения в Арктическом регионе, адаптации мигрантов к условиям Арктики, а также на положительных примерах их решения. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является обобщение первичного анализа исследований в различных сферах науки, что позволило комплексно рассмотреть особенности и выявить проблемные сферы социального здоровья населения Арктического региона. Материалы статьи представляют практическую ценность для органов государственного управления и местного самоуправления при принятии управленческих решений, для учебных заведений не только в плане отражения данной темы в учебном процессе, но и в заимствовании новых образовательных практик для повышения уровня образования населения Арктического региона, для бизнеса с целью понимания особенностей ведения бизнеса в Арктическом регионе с учетом влияния экстремальных геофизических факторов на здоровье работников и их психоэмоциональное состояние.

Ключевые слова: социальное здоровье, Арктический регион, здравоохранение, экология, жилищные условия и санитария, обеспеченность питьевой водой, изменения климата.

Features of social health of the population in the Arctic region

Lidia N. Belonozhko

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that in recent decades more and more attention is paid to the changes taking place in the Arctic region. This is primarily due to rapid climate change, ice melting and potential broader opportunities for economic activity in the Arctic, associated primarily with the extraction of resources. However, the living of an increasing number of people in extreme geophysical conditions will require paying more attention not only to the health of people as individuals, which is traditionally aimed at medicine, but also to the social health of the population of the Arctic region, which will require joint efforts of specialists from different industries, as well as the creation of a well-coordinated long-term mechanism of interaction between the state, local authorities, business and the population. In this regard, this article is aimed at identifying the characteristics of the social health of the population of the Arctic region, focusing attention on the most acute social problems of the population in the Arctic region, adaptation of migrants to the conditions of the Arctic, as well as on positive examples of their solution. The leading approach to the study of this problem is the generalization of the primary analysis of research in various fields of science, which makes it possible to comprehensively consider the features and identify problem areas of social health of the population of the Arctic region. The text is of practical value for government bodies and local self-government when making managerial decisions, for educational institutions not only in terms of reflecting this topic in the educational process, but also in borrowing new educational practices to improve the educational level of the population of the Arctic region, for business with the aim of understanding the specifics of doing business in the Arctic region, taking into account the influence of extreme geophysical factors on the health of workers and their psychoemotional state.

Keywords: social health, Arctic region, health care, ecology, housing and sanitation, drinking water supply, climate change.

Введение

Понятие «социальное здоровье» используется во многих науках: медицине, философии, экономике, психологии, экологии, социологии, и в каждой науке данная категория трактуется по-разному. С точки зрения социологической науки существует несколько подходов и моделей к пониманию социального здоровья, а именно: социально-нормативный подход, адаптационная модель, средовая модель, ценностно-социальная модель, функциональная модель. Наиболее емким, междисциплинарным, интегрирующим различные подходы к здоровью человека в социуме является определение здоровья Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Оно описывает наилучшее состояние здоровья человека и призывает нас стремиться к такому состоянию. Так, здоровье в целом определяется ВОЗ как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов, позволяющее индивиду выполнять свои личные, трудовые, общественные и семейные функции в полном объеме» [1]. По мнению ВОЗ, общество будет социально здоровым и благополучным лишь тогда, когда отдельно взятый человек начнет заботиться о своем здоровье не только когда он заболел. Индивиду следует на протяжении всей своей жизни вести активный образ жизни, всесторонне развиваться и реализовываться в обществе.

Значимость социального здоровья огромна как в жизни отдельного человека, так и общества в целом, потому что оно определяет уровень социальных взаимоотношений, влияет на психическое и физическое здоровье человека, сказывается на всем здоровье. Оно является необходимым условием для нормальной и полноценной жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, участия в трудовой, экономической, культурной, научной деятельности и социальной жизни [2].

Ведущую роль в воздействии на уровень социального здоровья населения играют социально-экономические факторы, куда входят жилищно-бытовые условия, в том числе размер и качество жилья, наличие централизованного теплоснабжения, водоснабжения и канализации; благоустройство территории; степень урбанизации территории; качество рекреационных ресурсов; вредные привычки — алкоголизм, курение, наркомания; количество и сбалансированность пищевых рационов; величина доходов населения; развитие социальной помощи нуждающимся группам населения; наличие или отсутствие достойной работы; доступность и качество образования; напряженность информационного поля в среде обитания — воздействие «информационного шума» на психику людей; проблемы семьи и нравственности — разводы, аборт, суициды, преступность, в том числе убийства; миграционная подвижность (например, переезд из сельской местности в город или наоборот); специфика образа жизни в регионах с различными природными, социальными, этническими, религиозными особенностями [3].

Степень воздействия этих факторов на социальное здоровье населения возрастает в регионах с экстремальными климатическими и геофизическими условиями, каким и является Арктический регион. Арктический регион оказался в мировом фокусе внимания в последние десятилетия в силу быстрых изменений климата, таяния арктических льдов, что делает более доступным судоходство в северных морях и облегчает доступ к добыче огромных минеральных и природных ресурсов Арктики. Так, только в Российской Федерации Арктическая зона обеспечивает добычу более 80 % горючего природного газа и 17 % нефти (включая газовый конденсат) [4].

Однако развитие экономического освоения Арктики сталкивается с проблемой поддержания и улучшения здоровья населения Арктического региона, как приехавшего в разное время из других регионов, так и коренных народов. Именно на это в последние десятилетия направлены усилия исследователей разных стран, особенно арктических, правительств, местных органов власти. Эти усилия направлены на то, чтобы развитие социальной среды помогало смягчить негативное воздействие природных факторов на человеческий организм. Среди этих факторов следует выделить неспецифические факторы, которые отличаются от подобных в других регионах количественными показателями, и специфические, присущие только высокоширотным условиям Арктики. К неспецифическим факторам следует отнести климатические факторы — холод, резкие перепады атмосферного давления, сильные ветра, высокая относительная влажность воздуха. К специфическим факторам высоких арктических широт относят резкие геомагнитные и электромагнитные возмущения, наличие корпускулярного излучения, изменение фотопериодизма во время полярного дня и полярной ночи,

дефицит ультрафиолетового облучения и кислорода. В комплексе воздействие этих факторов приводит к особому протеканию известных болезней, воздействию лекарственных средств, психологическому напряжению и психическим расстройствам, в результате чего наблюдается более высокий по сравнению с другими регионами стран Арктического региона уровень смертности в трудоспособном возрасте, в том числе в результате суицидов.

Представленные здесь в сжатом виде характеристики особенностей здоровья населения Арктики присутствуют в подавляющем большинстве исследований в различных областях знаний.

Ведется работа разных стран мира с разной широтой и интенсивностью над реализацией принятого Организацией Объединенных Наций (ООН) в 1992 году документа «Повестка дня на XXI век» [5], призвавшего все страны действовать для достижения устойчивого развития как состояния баланса между социумом, экономикой и окружающей средой для поддержания и воспроизводства всех компонентов в здоровом состоянии. В 2015 году ООН обновила и расширила перечень целей устойчивого развития мира до 2030 года [6].

Учитывая особенности Арктического региона, арктические страны (США, Канада, Норвегия, Финляндия, Швеция, Российская Федерация, Дания, Исландия) создали в 1996 году Арктический совет, призванный содействовать сотрудничеству в области охраны окружающей среды и обеспечения устойчивого развития приполярных районов (Arctic Council), руководствующийся Целями устойчивого развития ООН (ЦУР) и решения которого носят рекомендательный характер. Сотрудничество между циркумполярными странами призвано способствовать совместному подходу к устойчивому развитию Арктического региона с учетом его климатических, демографических особенностей, особенностей строительства и развития транспортной инфраструктуры и пр. Так, например, Арктический совет несколько лет работает над созданием системы индикаторов устойчивого развития Арктики, которые учитывают ее специфику и отличаются от индикаторов устойчивого развития, разработанных ООН.

В рамках Арктического совета создана группа экспертов SDWG (Рабочей группы по устойчивому развитию) по арктическому здоровью человека (АННЕС) как интегрированное исследовательское сообщество, занимающееся здоровьем и благополучием циркумполярного сообщества [7].

Под эгидой этой Рабочей группы страны иницируют и реализуют различные проекты, касающиеся социального здоровья населения Арктического региона. Так, США, Канада и Финляндия реализуют проект «One Arctic, One Health» [8], направленный на сохранение баланса между здоровьем людей, животных и окружающей средой.

В 2020 году начато исследование «Цели устойчивого развития в Арктике: Связь между водой, энергией и едой (WEF)», Канада. Это исследование будет изучать связь между ЦУР 2 — Покончить с голодом и достичь продовольственной безопасности для всех; ЦУР 6 — Обеспечение доступности и устойчивого управления водой и санитарией для всех; а также ЦУР 7 — Обеспечение доступа к доступным, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех [9].

Материалы и методы

В методологии социологии, так же как в медицине, при организации исследовательского процесса используется следующая последовательность: болезнь (постановка проблемы) — диагноз (выявление причин проблемы) — лечение (рекомендации). В большинстве случаев вопрос об особенностях социального здоровья населения Арктического региона и его состояния находится на стадии постановки проблемы. Эти вопросы долгое время находились на периферии научных исследований, которые велись фрагментарно представителями различных научных дисциплин, поэтому часто их результаты были разобщены и не использовались представителями других дисциплин. Различные аспекты социального здоровья населения Арктического региона изучались географами, экономистами, медиками, биологами, и в последние десятилетия социологами, демографами, философами и т. д.

Потепление климата, особенно быстрое в Арктическом регионе, его влияние на глобальный климат сфокусировало внимание исследователей многих стран мира на проблемах Арктики в условиях быстро меняющегося климата, и в частности — на вопросе особенностей социального здоровья населения Арктического региона. Различные районы Арктики отличаются друг от друга не только разными геофизическими характеристиками, но и развитием социально-экономической инфраструктуры, демографическими и культурными особенностями, относительным богатством/бедностью минеральных ресурсов и т. д. Чтобы понять и выделить особенности социального здоровья Арктического региона, их отличия от других регионов циркумполярных стран, нужны многочисленные исследования как многих количественных параметров природной среды Арктического региона, так и качественных параметров на основе статистических исследований различного уровня и социологических опросов. Проведение таких первичных исследований связано с большими сложностями, тем не менее они ведутся. Исследователи все больше подходят к необходимости и возможности системной междисциплинарной координации своих исследований.

В данной статье был широко использован индуктивный метод для обобщения аналитических данных, полученных в результате работы (преимущественно исследователей из циркумполярных стран) с данными первичных эмпирических исследований [2; 7; 10–16]. Также был использован большой аналитический обзор научной литературы и отчетов различных международных и национальных организаций, касающихся воздействия климата и быстро изменяющейся окружающей среды на здоровье населения циркумполярного Севера [17], который помог сгруппировать особенности социального здоровья населения Арктического региона, уже отмеченные рядом исследователей.

Кроме того, в статье представлены положительные примеры решения отдельных проблем, решение которых является социально значимым, но требует технических знаний, определенной социальной организации и адекватных управленческих решений даже на локальном уровне [14; 18].

Исследование экспертной группы по вопросам здоровья населения Арктики (АННЕР) Арктического совета и одной из его программ — «One Arctic, One Health» [7] показало методологические подходы, которыми руководствуется Арктический совет, акцентировано направляя свою деятельность на достижение Целей устойчивого развития до 2035 года, принятых ООН. Программа ООН «Повестка дня на XXI век» [5] стала методологической основой оценки особенностей социального здоровья населения Арктического региона и комплекса факторов, на него влияющих.

Исходя из этой методологической основы, а также с учетом результатов анализа данных первичных исследований в статье сгруппированы по доминантному признаку и обозначены наиболее характерные особенности социального здоровья населения Арктического региона. Также выявлены, сгруппированы и обозначены ряд явных и пока не очевидных потенциальных угроз социальному здоровью населения Арктического региона. Дальнейшее развитие таких исследовательских подходов даст возможность теоретически осмыслить развивающуюся ситуацию в условиях быстро меняющегося климата, чтобы положить их результаты в основу принятия управленческих действий, адекватных глобальному вызову изменений климата.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование особенностей социального здоровья населения Арктического региона позволяет сделать вывод, что есть две группы особенностей. К первой группе относятся особенности, зависящие от сложных климатических, геофизических условий, развития социальной инфраструктуры, уровня занятости населения, доступности и качества медицинских услуг. Ко второй группе относятся особенности, вызванные быстро меняющимся климатом, нарастанием неопределенности развития глобальных процессов и актуализацией фактора адаптации к ним всех групп населения Арктического региона.

Анализируя воздействие климатических и геофизических условий, исследователи указывают на низкие температуры, резкие скачки атмосферного давления и геомагнитного поля, низкий уровень кислорода в атмосфере, изменение фотопериодизма во время полярного дня и полярной ночи, резкие ветра, что усложняет адаптацию к этим условиям некоренного населения, меняет характер протекания известных болезней и воздействия лекарств при их лечении, вызывает психологические и психические расстройства у всего населения, требует особого рациона питания, богатого здоровыми жирами, причем отмечается хорошая усваиваемость витаминов в жирорастворимых формах и очень низкая усваиваемость в других формах [8; 10–12]. Предлагается учитывать индивидуальные адаптивные свойства организма будущих мигрантов в Арктический регион [12].

Исследователи разных Арктических стран отмечают схожесть проблем состояния социально-экономической среды, влияющей на здоровье населения Арктического региона. Так, удовлетворительные или хорошие условия проживания с постоянным наличием хорошей питьевой воды и здоровой санитарией характерны для поселений преимущественно вблизи предприятий горнодобывающей промышленности.

Если в других странах, где выполнение программ устойчивого развития идет уже около тридцати лет, многие проблемы условий проживания в городских поселениях решены, то в Российской Федерации бытовая скученность населения в населенных пунктах Арктического региона является фактором развития такого заболевания, как туберкулез [10].

Для всех стран Арктического региона в большей или меньшей степени характерен более высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха и вредных выбросов в местах добычи минеральных ископаемых [3; 10; 19].

Для всех стран Арктического региона также характерен миграционный отток населения выше, чем в остальных регионах этих стран, а также выше уровень самоубийств среди людей трудоспособного возраста, о чем свидетельствуют многие исследователи [10–13; 15; 17].

Также характерной чертой для всех стран Арктического региона является проблема доступности и качества медицинского обслуживания, особенно для негородских поселений ввиду необходимости преодолевать большие расстояния для получения квалифицированной, особенно специализированной медицинской помощи (здесь стоит отметить и высокую текучесть медицинских кадров, и непонимание медиками, приехавшими из других регионов, арктической специфики, часто даже языковой барьер с представителями коренных народов). Частично эта проблема решается через реализацию просветительских программ относительно сохранения здоровья для населения отдаленных поселений, через развитие в последние годы телемедицины, через подготовку медицинского персонала из представителей коренного населения, интегрированного в местную жизнь, чтобы уменьшить миграционный отток медицинского персонала. Об этом говорят в своих исследованиях и некоторые авторы [2; 10–13; 15; 18].

Положительным примером является пример сотрудничества Арктического университета Норвегии с местным населением округа Финнмарк по подготовке медицинских сестер из числа коренных народов. В трехлетнем бакалавриате 50 % программы занимают теоретические и 50 % — практические занятия в органах местного самоуправления, в службе здравоохранения и больницах. Студенты находятся регулярно под наблюдением преподавателей курсов во время их практики в больницах и службах первичной медико-санитарной помощи, которые включают дома престарелых и психиатрические больницы. Часть участников программы обучаются дистанционно, не отрываясь от привычной среды проживания. Из числа подготовленных медсестер только одна через некоторое время уехала за пределы округа. Такая гибкая система подготовки медицинского персонала признана эффективной и частично решает проблему догоспитальной медицинской помощи [18].

Все вышеперечисленные проблемы социального здоровья населения Арктического региона для коренного населения Арктики характерны в гораздо большей степени, чем для некоренного населения в силу господствующего ранее колонизаторского подхода к освоению Арктики. Их голос практически не был слышен и не учитывался при принятии управленческих решений. Только в последние десятилетия в ходе реализации программы ООН «Повестка дня на XXI век» участие местного населения в обсуждении различных проектов, вовлеченность в их реализацию

становится обязательным условием. Исследователи все больше изучают жизнь коренных народов Арктического региона, их проблемы, опыт адаптации к изменчивой среде, акцентируя внимание на том, что это может стать большим вкладом в повышение уровня социального здоровья всего населения Арктического региона [2; 10–13; 15–17; 20].

Быстро меняющийся климат в Арктическом регионе не только открывает новые возможности для добычи природных ресурсов, но и создает новые проблемы для социального здоровья как коренного, так и некоренного населения. Таяние вечной мерзлоты, неблагоприятная ледовая обстановка на реках ставят под угрозу традиционные маршруты передвижения по льду и рекам, эрозия береговой линии делает эти маршруты зачастую недоступными. Под угрозу разрушения попадают и дороги с твердым покрытием, которые строились прежде для условий вечной мерзлоты. Это еще больше затрудняет доступ к медицинским услугам, а также промышленным разработкам, дающим населению рабочие места. Кроме того, таяние вечной мерзлоты создает угрозу разрушения ранее созданному жилищному фонду в городских поселениях, обеспеченному питьевой водой и безопасной санитарией. Засоление местных источников питьевой воды делает проблему ее довоза особенно острой не только для небольших поселений, но и для городов. Автономизация и обезвреживание биологических отходов также становятся все более острой проблемой, особенно в условиях быстро меняющейся эпидемиологической обстановки с угрозами зоонозных заболеваний. Потепление климата сокращает сроки хранения продовольственных запасов в ледовых погребах, что ставит под угрозу само выживание и сохранение здоровья значительной части населения — об этом говорят исследователи [11; 12; 16; 17]. Некоторые способы решения проблем с водой и санитарией в условиях меняющегося климата представлены в статье [14], где основной упор делается на довоз питьевой воды, создание резервуаров для ее хранения и доступного забора, на автономизацию сбора биологических отходов в специальных контейнерах с последующей их безопасной переработкой.

Для добычи и хранения воды и продуктов питания в условиях быстрого потепления в Арктическом регионе, для получения дистанционно медицинских консультаций, для децентрализованного дистанционного обучения и создания более комфортных условий проживания, особенно для людей пожилого возраста, чтобы они не покидали Арктику, необходимо обеспечение населения доступными дешевыми источниками энергии. Централизованные трубопроводы и электросети в силу больших расстояний строить дорого и не всегда целесообразно. Ориентироваться на автономное энергообеспечение, где основным источником является дизельный генератор, тоже дорого, к тому же они загрязняют окружающую среду. Найти подходы к этой проблеме призван пилотный проект в рамках Арктического совета [21].

Среди стран Арктического региона особо следует выделить Российскую Федерацию, на арктических территориях которой проживает более 2,5 млн человек [13]. В утвержденной Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645 от «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [22] при перечислении новых возможностей в освоении Арктики в п. 7 перечислены также и опасности, вызовы и угрозы, формирующие риски

для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности. Весь этот перечень опасностей представляет собой не что иное как перечень опасностей для социального здоровья населения Арктического региона, для устойчивого развития региона, предполагающего обеспечение жизнедеятельности здорового населения в условиях меняющейся среды обитания. И хотя в тексте Стратегии можно найти посылы относительно реализации Целей устойчивого развития до 2035 года, это выглядит как некий ритуальный момент, так как РФ является единственной страной Арктического региона, которая не имеет стратегии устойчивого развития, отвечающей критериям, принятым ООН. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента РФ в 1996 году тоже была только формальным элементом сотрудничества с ООН и другими международными организациями. Формальным потому, что Россия на Конференции ООН по окружающей среде и развитию одобрила «Повестку дня на XXI век» [5] и наряду с другими странами обязалась принять аналогичный документ на национальном уровне. Поскольку Конференция была посвящена окружающей среде, то и национальная Концепция основывалась преимущественно на природоохранных идеях. Приняв Концепцию, Россия посчитала свои обязательства выполненными, забыв о предполагаемом в «Повестке Дня на XXI век» развитии. То есть инерция отношения к человеку, его потребностям, к природе как к чему-то второстепенному возобладала. А многие страны о развитии не забыли и упорно на протяжении почти тридцати лет создавали институты, технологии, нарабатывали новые экономические и социальные механизмы, готовясь к качественному переходу на новый этап развития, о чем свидетельствуют уровень и тематика научных исследований в сфере социального здоровья населения Арктического региона, проводимых в других странах этого региона.

Арктический регион достаточно неоднороден, тем не менее существует много общих проблем, связанных с суровыми природно-климатическими условиями проживания населения, преимущественно моноотраслевой экономической средой, связанной с добычей природных ресурсов, большими расстояниями между поселениями, проблемами с организацией медицинской помощи и медицинского обслуживания, неудовлетворительной инфраструктурой, проблемами с обеспечением качественной питьевой водой и безопасной санитарией, наличием двух групп населения — коренных народов, в значительной мере ведущих традиционный способ жизни, и мигрантов, экономическая деятельность которых связана с промышленной добычей природных ресурсов, отличающихся преимущественно более высоким уровнем образования. Эти особенности указываются почти всеми исследователями различных аспектов жизни населения Арктики.

Среди факторов, определяющих общественное здоровье, применительно к «северному здоровью» сгруппированных в доминанты здоровья, выделяют следующие: «социально-экономическая, средовая, медико-организационная, поведенческая (образ жизни) и наследственная» [10]. Количественно социально-экономическая доминанта измеряется такими показателями, как региональный валовой продукт на душу населения, доходы населения, занятость, уровень бедности, безработица и др. Причем отмечается существенное неравенство в доходах арктического населения Российской

Федерации, занятого в углеводородном производстве, и населения более бедных малонаселенных районов, что отражается и на показателе ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) для мужчин. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе за 2004–2006 гг. ОПЖ для мужчин, живущих в районах добычи углеводородов, составляла от 66 до 68,2 лет при среднем показателе по округу 63,1 года [10]. Повышение уровня безработицы увеличивает риск психических расстройств и наркотической зависимости в той или иной популяционной группе, чаще регистрируются нарушения основных систем организма, обостряются хронические заболевания. Низкие температуры и бытовая скученность из-за плохих жилищных условий влияют на уровень заболеваемости туберкулезом. Среди факторов средовой доминанты, кроме природно-климатических, следует отметить высокий уровень загрязнения питьевой воды и атмосферного воздуха в промышленных и «угольных» городах российской Арктики, что отражается на состоянии здоровья. В частности, канцерогенные риски атмосферного воздуха отмечаются в городах Мончегорске и Норильске [10]. К факторам, определяющим эффективность работы системы здравоохранения, помимо расходов на здравоохранение, относятся плотность населения и плотность сети с твердым дорожным покрытием, а также обеспеченность медицинских учреждений врачами и средним медицинским персоналом. В Арктическом регионе особенности образа жизни в большей степени, чем на других территориях России зависят от социально-экономических факторов. В первую очередь это несбалансированное питание с дефицитом овощей и фруктов, зависимость некоторых территорий от «северного завоза». Личностные, поведенческие факторы риска (курение, употребление алкоголя, наркотиков, малая физическая подвижность и др.) тесно связаны с экономическими условиями [10].

Анализ социального самочувствия населения Арктического региона Российской Федерации как интегрированного показателя общей удовлетворенности жизнедеятельности населения показал, что на первых местах среди опасностей и незащищенности опрошенные назвали бедность — 35,5 % и преступность — 36,3 %. Так, по данным опроса, проводимого в Ямало-Ненецком автономном округе, 17 % респондентов считают, что денег хватает только на приобретение продуктов, а 5 % — указывают на нехватку даже на питание. В ходе социологического исследования 2011–2013 гг. в Мурманской области среди наиболее важных проблем качество инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт, здравоохранение и др.) назвали в 2011 году 31,6 % из числа опрошенных, а в 2013 году — уже 49,5 %. Примерно такая же ситуация характерна и для других североарктических территорий. Особенно люди страдают от недополучения врачебной медицинской помощи в удаленных населенных пунктах. Промышленно-транспортное освоение арктических территорий создает угрозу сокращения традиционных отраслей хозяйства (оленоводства, рыболовства, охоты), а следовательно, ведет к снижению уровня жизни коренных малочисленных народов Севера. Просматривается тенденция исчезновения языков малочисленных народов, даже при увеличении их численности. Так, количество ненцев за 1926–2010 гг. возросло в 2,4 раза и составило 44 640 человек. А по переписи 2010 года владеют ненецким языком менее половины — 19 567 ненцев. Отмеченные сбои в механизме социального

самочувствия населения возвращаются в виде экономических потерь и социальных рисков. Лидером потерь является убыль населения — не только естественная, но особенно миграционная. Только в 2001–2015 гг. более 10 % населения потеряли Республика Коми (17,1 %), Архангельская область (14,2 %), Мурманская область (14,2 %), Чукотский автономный округ (11,8 %). Среди причин возможной миграции в другой регион преобладают не природно-климатические, а в совокупности социально-психологические и социально-экономические. Они составляют в Архангельской области 55,8 % от числа изъявивших желание уехать, в Мурманской области — 62,4 %, в Ненецком автономном округе (НАО) — 56,0 %.

Для анализа использовались социологические исследования, опросы в 2011–2015 гг., проводившиеся учеными арктической зоны, прежде всего, Архангельской и Мурманской областей, Якутии [13].

Быстро меняющиеся климатические и социально-экономические условия проживания человека в Арктическом регионе создают высокий уровень неопределенности развития ситуации. Это требует принятия стратегических управленческих решений, чтобы предотвратить негативное развитие событий. Для этого разрабатываются различные сценарии с учетом многофакторности процессов, несущих потенциальные угрозы социальному здоровью населения Арктического региона [11]. Исследователи отмечают, что при разработке таких сценариев в последние годы все больше привлекают представителей местного населения, чтобы охватить больше факторов, которые ранее не учитывались исследователями. Предполагается, что при оценке крупных бизнес-проектов также будет использоваться сценарный метод прогнозирования его воздействия на социальное здоровье и окружающую среду. Однако при этом существует ряд проблем — не всегда органы управления при высокой текучести кадров хотят учитывать многофакторность угроз при принятии управленческих решений. Второй проблемой является то, что к разработке сценариев воздействия на социальное здоровье привлекаются те представители местного населения, которые уже имеют доступ к ресурсам, что снижает уровень видения реально существующих проблем. Зачастую участники обсуждения возможных сценариев исходят из прошлого опыта развития подобных ситуаций, экстраполируя их на будущее, что не всегда может учитывать климатические изменения как новый вызов, или уделяют больше внимания текущим проблемам, которые могут быть незначительными по влиянию на социальное здоровье. Авторы акцентируют внимание на том, что большинство социально-экономических сценариев Арктики почти всегда включали изменение климата в качестве одного уровня и руководство или управление природными ресурсами в качестве второго уровня, со сдвигом в последние годы в сторону политических факторов. Такой двумерный подход предполагает риск недооценки роли других факторов. Использование сценарного подхода направлено на содействие положительной динамики населения в региональном масштабе, поскольку такая информация необходима для оказания поддержки для экономического и социального развития. В некоторых странах сценарии обычно используются в региональном стратегическом планировании, но часто без учета конкретных условий

Арктики, таких как колебания, которые часто связаны с монопрофильной экономикой, основанной на добыче природных ресурсов [11].

На приполярном Севере, где способы пропитания тесно связывают людей друг с другом и с землей, изменение климата резко меняет сушу и моря, ставящие под угрозу традиционный образ жизни, индивидуальную жизнь, и устойчивость сообщества коренных народов Арктики. Ряд исследователей предлагают внедрять инициативу ВОЗ One Health в Арктическом регионе. Эта инициатива определяет здоровье шире, чем отсутствие болезней, признавая взаимосвязи между человеком, животными и окружающей средой [12]. Исследования, проводимые по широкому спектру дисциплин, подтверждают взаимозависимость воздействия изменения климата на физические, биологические и социальные процессы в Арктике и необходимость целостного подхода к пониманию и устранению этого воздействия.

В 2015 году две связанных со здоровьем экспертные группы Арктического совета определили One Health как жизненно важную инициативу для сотрудничества, а в 2019 году была одобрена к реализации программа «One Arctic, One Health», которую реализуют США, Канада и Финляндия [8]. Влияние изменения климата на окружающую среду Арктического региона, включая таяние морского льда, повышение уровня моря, усиление штормов, нагоны, наводнения, засоление грунтовых вод, закисление океана катионами, повышенное количество осадков, таяние вечной мерзлоты, менее предсказуемые речные ледяные условия, смена растительности, лесные пожары увеличивают опасности, связанные с натуральным хозяйством в регионе, что значительно повышает угрозы непреднамеренных травм, смертности, имеющие более высокие показатели среди коренного населения. Экологические последствия потепления включают изменения в миграции и распространении наземных и морских животных, что подрывает методы их существования. Более того, ученые ожидают появления инфекционных заболеваний, переносимых насекомыми, ранее не встречавшимися в высоких широтах, а также зоонозных заболеваний вследствие быстрого таяния вечной мерзлоты. Во многих областях сложности обеспечения безопасного водоснабжения и санитарии также повышают риск инфекционных заболеваний.

Циркумполярные народы подвержены огромному психологическому стрессу, поскольку их сообщества подвергаются глубоким социальным и культурным изменениям — переход от натурального хозяйства к наемному труду, изменение рациона питания, алкоголизм, отрыв от родных мест, адаптация к современному образу жизни, что вызывает аккультуративный стресс, включая потерю идентичности и самооценки. Негативным последствием этого является высокий уровень самоубийств среди молодых мужчин в возрасте 15–34 лет, что было крайне редким явлением среди коренных народов. Авторы ряда исследований отмечают, что в населенных пунктах Аляски и Северной Канады существует проблема общественной безопасности и нехватки медицинского персонала, для решения которой необходима финансовая поддержка со стороны национальных и субнациональных правительств страны.

Анализируя первичные исследования, они указывают на сложность ведения натурального хозяйства без вовлечения в «денежную экономику», так как нужно купить

транспорт и охотничье снаряжение, а также топливо, что делает добычу природных ресурсов более эффективной. Однако увеличение количества времени, потраченного на зарабатывание денег в нетрадиционных для коренных народов сферах, приводит к потере навыков и знаний, утрате связей между поколениями. Кроме того, повышение температур приводит к изменениям морского и речного льда и условий путей передвижения, а также сокращению сроков хранения мяса и других продуктов в ледяных погребках, что ставит под угрозу безопасность и пропитание северных народов. Риск заражения традиционной пищи из-за воздействия на потребителей загрязняющих веществ, боязнь использования традиционных ресурсов из-за отсутствия продовольственной безопасности увеличивают долю потребления покупных продуктов более низкого качества, что отражается на здоровье. Пищевые продукты промышленного производства, как правило, менее питательны и имеют высокий уровень добавленных вредных сахаров и жиров. Повышение уровня потребления нетрадиционных продуктов, а также более малоподвижный образ жизни, соответствующий уходу от традиционных методов жизнеобеспечения, повлекли за собой такие проблемы со здоровьем, как ожирение, диабет, колоректальный рак, сердечно-сосудистые заболевания, нарушения развития и дефицит питательных веществ [12; 17].

Особого внимания, по мнению авторов, заслуживает тот факт, что конкуренция за ограниченные ресурсы между коренными и некоренными северянами, а также их неравноправное политическое влияние во многих северных регионах могут оставить интересы коренных народов недопредставленными, тем самым угрожая способу жизни коренных народов и социальному здоровью. Парадигма One Health, задействуя точки зрения и знания коренных народов относительно индивидуального и социального здоровья, имеет потенциал для разработки регуляторных политик, которые улучшают здоровье северных народов, животных и окружающей среды. Коренные народы веками существовали в самых сложных в мире арктических условиях выживания благодаря глубокому знанию окружающей среды, способности адаптироваться к изменениям. Учитывая беспрецедентный темп, масштабы и сложность нынешних угроз здоровью северного сообщества, требуется интеграция местного и внешнего опыта наряду с внешними финансовыми и техническими ресурсами [12].

Обширный обзор научной литературы, национальных и международных отчетов, данных различных систем наблюдения относительно здоровья человека в циркумполярном Севере [17] говорит о необходимости развития интегрированных систем наблюдения за окружающей средой и здоровьем, систематического анализа их данных и использования для принятия управленческих решений. Однако авторы обзора отмечают, что немногие исследования систематически анализировали и синтезировали информацию из научной литературы об уже существующих интегрированных системах наблюдения. В обзоре отмечается, что многие авторы обращают внимание на то, что для популяций в арктических и субарктических регионах взаимодействие между изменением климата и другими экологическими, культурными, социальными, экономическими и политическими факторами может привести к проблемам общественного здравоохранения, которые разительно отличаются от уже

существующих в южных регионах. В исследуемых источниках структуры финансирования описываются как компонент интегрированных систем наблюдения. В этом смысле стабильность особенно важна, поскольку системы были разработаны для мониторинга и реагирования как часть благоприятной нормативной и политической среды, которая может способствовать совершенствованию системы в контексте адаптации к долгосрочным климатическим и экологическим изменениям.

Большое внимание в научной литературе уделяется вопросам адаптации (физической и эмоциональной) популяции некоренного населения Циркумполярного Севера к суровым природно-климатическим условиям жизни в Арктике, популяции коренного населения к социально-экономическим изменениям, тех и других к ускоряющимся изменениям климата в регионе. Отмечается, что адаптация должна основываться на местных обычаях, ценностях и процессе принятия решений, чтобы добиться успеха, опираясь на специфические для сообщества способы познания, мониторинга и адаптации к местным условиям окружающей среды. Особое внимание обращается в литературе на эмоциональное благополучие из-за повышенного уровня травматизма, самоубийств и психических расстройств среди жителей Циркумполярного Севера во всех странах по сравнению с другими их регионами. Эмоциональное благополучие, привязанность к месту, а также культурные и духовные аспекты здоровья являются одними из многих нематериальных аспектов здоровья и благополучия, которые получают все большее признание как приоритеты для коренных и некоренных общин на Севере и во всем мире.

Для оценки влияния загрязняющих веществ на здоровье населения Арктического региона в 1991 году была создана Программа арктического мониторинга и оценки (АМАР). По результатам ее нескольких отчетов были усвоены много уроков. Например, стало культурно приемлемым сообщать о рисках, обращая внимание на то, что часто упоминается как «Арктическая дилемма»: балансировка преимущества сбора и употребления традиционных продуктов (часто называемых деревенской едой от таких видов деятельности, как охота, собирательство, отлов и рыбная ловля) с потенциальным риском для здоровья из-за диетического поступления загрязняющих веществ из окружающей среды [16]. Проанализировав эти отчеты, авторы статьи указывают на выявленные пробелы в мониторинге и дают рекомендации, какие вопросы следовало бы отслеживать в дальнейшем. При скоординированном сборе информации о питании населения авторы считают необходимым разработать новые подходы к оценке потребления пищи в контексте изменения моделей потребления из-за сезонности. Особое внимание следует уделить осознанию того, как изменение климата может повлиять на доступность и доступ к пище, а также факторам, которые могут повлиять на обеспечение безопасности пищевых продуктов (например, изменение биодоступности и перемещение загрязняющих веществ, связанных с возбудителями инфекционных болезней в дикой природе, распространенность опасных патогенов или паразитов). Авторы также акцентируют внимание на необходимости междисциплинарных исследований в вопросах загрязняющих веществ (включая выявление источников воздействия), зоонозных заболеваний, таких как, например, сибирская язва, циркумполярной продовольственной, водной и экологической

безопасности, а также потенциального взаимодействия между ними. Эти исследования должны включать вредные последствия потери знаний о традиционном питании и перехода от традиционных продуктов охоты и собирательства на дорогие импортные продукты питания в некоторых арктических регионах. Исследования также должны учитывать возможные взаимодействия между загрязнителями и пищевыми питательными веществами, что поможет смягчить наблюдаемые негативные последствия для здоровья.

Учитывая непредвиденные будущие климатические условия, Арктические экосистемы не могут адаптироваться к изменению климата естественным путем, и это препятствует обеспечению экосистемных услуг, которые обеспечивают основу для традиционных средств к существованию. Федеральные, штатные и местные власти США идентифицируют сегодня почти все 200 деревень коренных жителей Аляски как «под угрозой» или «под потенциальной угрозой» из-за эрозии и/или наводнения. Чтобы решить эти виды вызовов, Арктическим сообществам потребуются полномочия по принятию решений, доступ к информационным и финансовым ресурсам. Ответственность за усиление защиты уязвимых групп, меньшинств и их поддержки по продвижению прав человека несут национальные правительства. Строительство инфраструктуры для переселения жителей угрожаемых местностей в условиях Арктики дорогостоящее, причем переселение связано с необходимостью адаптации к новому месту и условиям жизни, что приводит к утрате традиционных навыков, культуры и социальных связей [20]. Авторы склонны рассматривать это как потери и ущерб, а не проблемы адаптации. Они также указывают на то, что существующие институциональные и финансовые рамки недостаточны для устранения последствий климатических рисков и ударов, приводящих к потерям и ущербу. Кроме того, включение местных сообществ в планирование и принятие решений отсутствует. Авторы считают, что потери и ущерб в Арктике должны быть обсуждены на международной арене в контексте климатической политики. Это включает переосмысление принципов прав человека, идентификацию ролей и обязанностей, ответственности и механизмов компенсации, а также потребность в международной институциональной поддержке для снижения пределов адаптации. В настоящее время отсутствует надлежащая международная институциональная база и существует недостаток местного потенциала для организации переезда.

Следует отметить, что все исследователи, рассматривая вопросы социального здоровья или его отдельных аспектов, как, например, занятость, образование, доступность медицинских услуг и т. п., проводят свои исследования в контексте парадигмы устойчивого развития, которая легла в основу принятой ООН программы «Повестка дня на XXI век», предполагающей достижение и поддержание баланса между экономическими и социальными аспектами жизнедеятельности людей с нанесением минимального ущерба природной среде обитания человека. Все международные организации, упомянутые в данной статье, правительства большинства стран Арктического региона, а также авторы рассматриваемых статей работают именно в этой парадигме. Некоторые из них непосредственно анализируют соответствие направлений Арктической политики в целом и политики отдельных государств

требованиям устойчивого развития, рассматривая его как главную стратегическую цель. Это касается экономической, демографической, экологической, социальной политики в целом и политики в сфере охраны здоровья населения арктического региона, а также вопросов безопасности [19]. Другие, рассматривая отдельные факторы социального здоровья, как, например, влияние управленческих решений в сфере добычи минеральных ресурсов на устойчивость окружающей среды [3] или развитие промышленности в Арктических районах Финляндии в контексте промышленных выбросов, использования невозобновляемых и возобновляемых природных ресурсов, занятости, развития социальной инфраструктуры промышленных территорий [23], указывают на необходимость соответствия всех исследуемых аспектов требованиям обеспечения устойчивого развития.

Выводы

Все исследователи без исключения называют главной характеристикой и главным вызовом Арктическому региону в целом чрезвычайно быстрые темпы изменений климата, повышение атмосферных температур и быстрое таяние льдов и вечной мерзлоты. Это несет угрозу не только традиционному способу жизни коренных народов Арктики, тесно связанных с природной средой, но и построенным ранее на, казалось бы, вечной мерзлоте объектам социальной, транспортной и промышленной инфраструктуры, что делает крайне сложным проживание и экономическую деятельность всего населения Арктического региона. Таяние вечной мерзлоты ведет к изменению гидрологического баланса, что зачастую проявляется в заболачивании обширных территорий, засаливанию грунтов и питьевой воды, изменению растительности и животного мира Арктики, одного из ее ценных природных ресурсов. Кроме повреждения и разрушения социальной инфраструктуры и проблемы питьевой воды для социального здоровья населения Арктического региона угрозу представляют новые для жителей региона инфекционные болезни, принесенные нехарактерными ранее для Арктики видами насекомых, а также старые, проснувшиеся из вечной мерзлоты зоонозные заболевания (например, сибирская язва). Разрушения инфраструктуры и подтопления могут сделать доступ к медицинской помощи еще более затрудненным.

Все эти факторы уже сейчас приводят к миграционному оттоку населения из Арктического региона и к переселению жителей поселений, находящихся под угрозой затоплений, в другие местности страны. Это ослабляет или вовсе разрывает социальные связи, что неблагоприятно отражается на психологическом состоянии коренного и некоренного населения Арктического региона, и так страдающего расстройствами под воздействием геофизических факторов. Сохранение и ускорение наметившихся неблагоприятных тенденций могут привести к потокам климатических беженцев. Поэтому многие исследователи обращают внимание на важность фактора адаптации к новым реалиям для всего населения Арктического региона. Справиться с этим на индивидуальном уровне очень сложно, поэтому проблема адаптации станет в первую очередь проблемой социальной и медицинской адаптации, решать которую должны

помочь национальные и местные органы власти. В силу общности проблемы для всех стран Циркумполярного Севера только их скоординированные совместные усилия могут помочь социальной адаптации живущего там населения. То есть в сложившейся ситуации нужно говорить не столько об особенностях социального здоровья населения Арктического региона, как феномена прошлого опыта, сколько об угрозе самому социальному, физическому и психологическому здоровью, затрагивающей все факторы, его детерминирующие. Быстрота скоординированного ответа Циркумполярных стран на изменения климата станет показателем того, будет ли Арктический регион населенным.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук в рамках научного проекта «МК-2980.2021.2 «Мониторинг социального здоровья населения арктического региона».

Библиографический список

- [1] Устав ВОЗ / Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. – URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 25.06.2021).
- [2] Baron, M. The social determinants of healthy ageing in the Canadian Arctic / M. Baron, M. Riva, C. Fletcher. – Text : electronic // International Journal of Circumpolar Health. – 2019. – Vol. 78, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1630234>. – Published: 24.06.2019.
- [3] Collins, B. Environmental sustainability, decision-making, and management for mineral development in the Canadian Arctic / B. Collins, M. Kumral. – Direct text // International Journal of Sustainable Development & World Ecology. – 2020. – Vol. 27, Issue. 4. – P. 297–309.
- [4] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 25.06.2021). – Текст : электронный.
- [5] Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (1992 год). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 25.06.2021). – Текст : электронный.
- [6] ООН. Цели в области устойчивого развития до 2030 г. – 2015. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.06.2021). – Текст : электронный.
- [7] The SDWG Arctic Human Health Expert Group (AHHEG). – URL: <https://sdwg.org/what-we-do/experts/arctic-human-health/?it=expert-groups/arctic-human-health-expert-group/> (date of application: 25.06.2021). – Text : electronic.

- [8] One Arctic, One Health. – 2019. – URL: <https://sdwg.org/what-we-do/projects/one-health-iii/> (date of application: 25.06.2021). – Text : electronic.
- [9] Arctic Council. – URL: <https://arctic-council.org/en/about/> (date of application: 25.06.2021). – Text : electronic.
- [10] Ревич, Б. А. Детерминанты общественного здоровья населения в Российской Арктике и на приарктических территориях / Б. А. Ревич. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 1 (160). – С. 50–61.
- [11] Towards improved participatory scenario methodologies in the Arctic / A. E. Nilsson, M. Carson, D. S. Cost [et al.]. – DOI 10.1080/1088937X.2019.1648583. – Direct text // Polar Geography. – 2019. – Vol. 44, Issue 2. – P. 75–89.
- [12] One health in the circumpolar North / K. Hueffer, M. Ehrlander, K. Etz, A. Reynolds. – Text : electronic // International Journal of Circumpolar Health. – 2019. – Vol. 78, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1607502>. – Published: 26.04.2019.
- [13] Сметанин, А. В. Социальное самочувствие населения Арктики / А. В. Сметанин, Л. М. Сметанина // Текст : электронный. – URL: <https://goarctic.ru/society/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-arktiki/> (дата обращения: 25.06.2021). – Дата публикации: 22.03.2018.
- [14] Bressler, J. M. Results of an Arctic Council survey on water and sanitation services in the Arctic / J. M. Bressler, T. W. Hennessy. – Text : electronic // International Journal of Circumpolar Health. – 2018. – Vol. 77, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/22423982.2017.1421368>. – Published: 31.01.2018.
- [15] Identifying barriers to healthcare delivery and access in the Circumpolar North : important insights for health professionals / S. Huot, H. Ho, A. Ko [et al.]. – Text : electronic // International Journal of Circumpolar Health. – 2019. – Vol. 78, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1571385>. – Published: 29.01.2019.
- [16] Future directions for monitoring and human health research for the Arctic Monitoring and Assessment Programme / B. Adlard, S. G. Donaldson, J. O. Odland [et al.]. – Text : electronic // Global Health Action. – 2018. – Vol. 11, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/16549716.2018.1480084>. – Published: 26.06.2018.
- [17] Responding to Climate and Environmental Change Impacts on Human Health via Integrated Surveillance in the Circumpolar North : A Systematic Realist Review / A. Sawatzky, A. Cunsolo, A. Jones-Bitton [et al.]. – Text : electronic // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2018. – Vol. 15, Issue 12. – URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph15122706>. – Published: 30.11.2018.
- [18] Eriksen, L. T. The contribution of decentralised nursing education to social responsibility in rural Arctic Norway / L. T. Eriksen, J. E. Huemer. – Text : electronic // International Journal of Circumpolar Health. – 2019. – Vol. 78, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1691706>. – Published: 17.11.2019.
- [19] Poppel, B. Sustainable development and sustainability in Arctic political discourses / B Poppel. – Direct text // The Routledge Handbook of the Polar Regions. – 1st edition. – London : Routledge, 2018. – P. 22–24.

- [20] Landauer, M. Loss and damage in the rapidly changing arctic / M. Landauer, S. Juhola. – Direct text // *Climate Risk Management, Policy and Governance* / Edited by R. Mechler, L. Bouwer, T. Schinko [et al.]. – Springer : Cham, 2019. – P. 425–447.
- [21] Sustainable Development Goals in the Arctic : The Nexus Between Water, Energy, and Food (WEF), 2020. – URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2500> (date of application: 25.06.2021). – Text : electronic.
- [22] Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 25.06.2021). – Текст : электронный.
- [23] Development and piloting of sustainability assessment metrics for arctic process industry in Finland / R. Husgafvel, K. Poikela, J. Honkatukia, O. Dahl. – Text : electronic // *The Biorefinery Investment and Slag Processing Service Cases, Sustainability*. – 2017. – Vol. 9. – URL: <https://doi.org/10.3390/su9101693>. Published: 22.09.2017.

References

- [1] WHO Constitution. (In English). Available at: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution>
- [2] Baron, M., Riva, M., & Fletcher, C. (2019). The social determinants of healthy ageing in the Canadian Arctic. *International Journal of Circumpolar Health*, 78(1) (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1630234>
- [3] Collins, B., & Kumral, M. (2020). Environmental sustainability, decision-making, and management for mineral development in the Canadian Arctic. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 27(4), pp. 297-309. (In English).
- [4] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 26.10.2020 No 645 "O Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda". (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033>
- [5] Agenda 21. (1992). (In English). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml
- [6] 17 Goals to Transform Our World. (2015). (In English). Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
- [7] SDWG Arctic Human Health Expert Group (AHHEG). (In English). Available at: <https://sdwg.org/what-we-do/experts/arctic-human-health/?it=expert-groups/arctic-human-health-expert-group/>
- [8] One Arctic, One Health (2019). (In English). Available at: <https://sdwg.org/what-we-do/projects/one-health-iii/>
- [9] Arctic Council (In English). Available at: <https://arctic-council.org/en/about/>
- [10] Revich, B. A. (2017). Determinants of public health in Arctic and subarctic territories of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, (28(1)), pp. 39-47. (In English).

- [11] Nilsson, A. E., Carson, M., Cost, D. S., Forbes, B. C., Haavisto, R., Karlsdottir, A.,... Pelyasov, A. (2019). Towards improved participatory scenario methodologies in the Arctic. *Polar Geography*, 44(2), pp. 75-89. (In English). DOI: 10.1080/1088937X.2019.1648583
- [12] Hueffer, K., Ehrlander, M., Etz, K., & Reynolds, A. (2019). One health in the circumpolar North. *International Journal of Circumpolar Health*, 78(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1607502>
- [13] Smetanin, A. V., & Smetanina, L. M. (2018). Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya Arktiki. (In Russian). Available at: <https://goarctic.ru/society/sotsialnoe-samochuvstvie-naseleniya-arktiki/>
- [14] Bressler, J. M., & Hennessy, T. W. (2018). Results of an Arctic Council survey on water and sanitation services in the Arctic. *International Journal of Circumpolar Health*, 77(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/22423982.2017.1421368>
- [15] Huot, S., Ho, H., Ko, A., Lam, S., Tactay, P., MacLachlan, J., & Raanaas, R. K. (2019). Identifying barriers to healthcare delivery and access in the Circumpolar North: important insights for health professionals. *International Journal of Circumpolar Health*, 78(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1571385>
- [16] Adlard, B., Donaldson, S. G., Odland, J. O., Weihe, P., Berner, J., Carlsen, A.,... Mulvad, G. (2018). Future directions for monitoring and human health research for the Arctic Monitoring and Assessment Programme. *Global Health Action*, 11(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/16549716.2018.1480084>
- [17] Sawatzky, A., Cunsolo, A., Jones-Bitton, A., Middleton, J., & Harper, S. L. (2018). Responding to Climate and Environmental Change Impacts on Human Health via Integrated Surveillance in the Circumpolar North: A Systematic Realist Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(12). (In English). Available at: <https://doi.org/10.3390/ijerph15122706>
- [18] Eriksen, L. T., & Huemer, J. E. (2019). The contribution of decentralised nursing education to social responsibility in rural Arctic Norway. *International Journal of Circumpolar Health*, 78(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1080/22423982.2019.1691706>
- [19] Poppel, B. (2018). Sustainable development and sustainability in Arctic political discourses. *The Routledge Handbook of the Polar Regions*. 1st edition. London, Routledge, pp. 22-24. (In English).
- [20] Landauer, M., & Juhola, S. (2019). Loss and damage in the rapidly changing arctic. *Climate Risk Management, Policy and Governanc.* Springer, Cham, pp. 425-447. (In English).
- [21] Sustainable Development Goals in the Arctic: The Nexus Between Water, Energy, and Food (WEF), 2020, 2021. (In English). Available at: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/2500>
- [22] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.04.1996 No 440 "O Kontseptsii perekhoda Rossiyskoy Federatsii k ustoychivomu razvitiyu". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>

- [23] Husgafvel, R., Poikela, K., Honkatukia, J., & Dahl, O. (2017). Development and piloting of sustainability assessment metrics for arctic process industry in Finland. The Biorefinery Investment and Slag Processing Service Cases, Sustainability, 9. (In English). Available at: <https://doi.org/10.3390/su9101693>

Получена / Submitted: 14/06/2021

Доработана / Revised: 02/07/2021

Принята к публикации / Accepted: 19/07/2021

УДК 351. 85

Государственная политика по формированию социокультурного пространства в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е гг.)

**Надежда Юрьевна Гаврилова, Виктор Петрович Карпов,
Ольга Ивановна Голованова**

Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Основное внимание в статье уделено анализу политики по формированию социокультурного пространства районов нового промышленного освоения севера Западной Сибири, которые в 1960–1980-е годы становятся центрами нефтегазодобывающей промышленности. Значительную роль в формировании социокультурного пространства в районах Севера выполняли учреждения культуры. Мы анализируем направления региональной культурной политики, которая предусматривала создание материально-технической базы культуры (строительство учреждений культуры); определяла содержание их деятельности, призванной удовлетворять духовные запросы населения и обеспечивать полноценный досуг. Сделан акцент на специфике деятельности учреждений культуры в условиях Севера, разнообразные формы культурного обслуживания, в том числе культурное шефство. Значительное внимание в статье уделено такой форме организации сферы досуга, как кинообслуживание, что во многом было связано со спецификой труда в отраслях нефтегазодобывающей промышленности, предполагающих передвижной характер работы и использование вахтового метода. Рассмотрены изменения в культурной политике на протяжении исследуемого периода, определены новые формы культурного обслуживания в 1980-е годы, учитывающие изменения духовных запросов населения северных городов и поселков.

Ключевые слова: культурная политика, социокультурная среда, учреждения культуры, культурное обслуживание, север Западной Сибири.

State policy on the formation of sociocultural environment in petroleum producing regions of Western Siberia (1960-1980s)

Nadezhda Yu. Gavrilova, Viktor P. Karpov, Olga I. Golovanova

Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. As the title implies the article is devoted to the analysis of the formation of sociocultural environment in regions, which became the centers of the oil and gas industry in the north of Western Siberia in the 1960-1980s. Cultural institutions serve a certain purpose in the formation of social and cultural space in regions of the North. We analyze the directions of the regional cultural policy, which provided for the creation of the material and technical base of culture (the building of cultural institu-

tions); determined the content of their activities, designed to satisfy the spiritual needs of the population and provide full-fledged leisure. We draw attention to the specifics of the activities of cultural institutions in the North, various forms of cultural services, including cultural patronage. Much attention is given to cinema service as a form of organization of the leisure sphere that was largely due to the specifics of labor in the oil and gas industry, which presuppose a mobile nature of work and rotational work. The article considers changes in cultural policy during the study period; new forms of cultural services in the 1980s are identified, taking into account changes in the spiritual needs of residents of northern cities and towns.

Keywords: cultural policy, sociocultural environment, cultural institutions, cultural services, the north of Western Siberia.

Введение

Вторая половина XX столетия вошла в историю Западной Сибири как период активного освоения северных территорий. Открытие здесь крупнейших месторождений углеводородного сырья послужило мощным импульсом к индустриальному развитию региона, что сопровождалось не только созданием нефтегазодобывающих отраслей, но и интенсивными демографическими и урбанизационными процессами. Эти изменения проходили преимущественно на вновь осваиваемой территории. Фактически здесь с нуля создавались не только предприятия разработки нефтегазовых месторождений, но и вся строительная и социальная инфраструктура. Наряду с решением важнейших вопросов (обеспечением вновь прибывающего населения жильем, продовольственными и промышленными товарами, учреждениями здравоохранения, торгового и бытового обслуживания) не менее важной была задача создания такой среды обитания, которая бы позволила обеспечить полноценный отдых и досуг.

Суровые природно-климатические условия, особенности организации труда в отраслях нефтегазодобывающей промышленности накладывали определенный отпечаток на все сферы жизнеобеспечения населения северного региона, включая социокультурную. Это не могло не найти отражения в региональной политике по формированию социокультурного пространства в районах нового промышленного освоения (РНПО). Кроме того, она должна была учитывать и специфику вновь прибывающего в эти районы населения. Миграционный приток основной массы прибывающих в индустриальные районы шел преимущественно с территории Поволжья и Башкирии — традиционных центров нефтедобычи, а также других районов европейской части страны. Особенность этого контингента — молодежный состав и достаточно высокий образовательный уровень, что позволяет говорить о повышенных требованиях к организации сферы досуга в новых поселениях. На учреждения культуры была возложена миссия создания такой среды «социокультурного обитания», которая позволяла преодолеть эмоциональное чувство отчужденности и адаптироваться к северным условиям.

Обращение к истокам формирования социокультурного пространства в суровых условиях Севера продиктовано стремлением воссоздать историю этого процесса для молодого поколения, чтобы отдать дань тем, кто в невероятно сложных условиях (и не только природно-климатических) осваивал северные территории, создавая современные

города. Кроме того, изучение исторического опыта по организации социокультурной среды обитания в РНПО на основе выявления позитивных его составляющих ценно с учетом возможностей их использования в реализации региональной политики в сфере культуры.

Объектом изучения является политика советского государства в сфере культуры в 1960–1980-е годы — период интенсивного освоения северных районов Тюменской области и создания на ее территории Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса (ЗСНГК). Предметом исследования является анализ основных направлений, форм реализации культурной политики по формированию социокультурного пространства в РНПО севера Западной Сибири.

Термин «социокультурное пространство» в последнее десятилетие широко используется в научной литературе социологами, культурологами, философами. Мы придерживаемся трактовки, рассматривающей данную дефиницию «как поле возможностей культурной и социальной деятельности человека» [1]. Синонимом его выступает понятие «социокультурная среда обитания».

В исторической литературе процесс, связанный с организацией социокультурного пространства в РНПО, рассматривался с позиций формирования его материальной и функциональной составляющих, а именно, через создание учреждений культуры и анализ их деятельности по удовлетворению духовных запросов населения [2; 3]. Это предполагало использование иной терминологии, таких категорий, как «культурное строительство», «социокультурные процессы».

Одним из первых серьезных исследований, рассматривающих политику по формированию нефтегазового комплекса через деятельность партийных, советских, хозяйственных, общественных организаций Западной Сибири, стала монография Н. М. Пашкова [4]. Наряду с анализом руководства по созданию материально-технической базы ЗСНГК, формированием кадров в работе значительное внимание уделено развитию социальной сферы. Вместе с тем аспекты, связанные с развитием культуры, не нашли должного отражения. Автор обращает внимание на такое направление деятельности профсоюзных организаций, которое предполагало поддержку инициативы «снизу», в частности, привлечение населения новых поселений к участию в сооружении объектов культуры (клубов, кинотеатров) методом «народной стройки». Чаще всего это инициировалось «сверху» в связи с подготовкой к различным юбилейным датам и позволяло завершить строительство учреждений культуры и образования.

Характеристика деятельности учреждений культуры в Тюменской области в исследуемый период и их роль в культурном обслуживании населения РНПО нашла отражение в одной из глав коллективной монографии «Очерки истории Тюменской области» [5]. Организация культурного обслуживания в нефтегазодобывающих районах Тюменской области являлась предметом исследований Е. В. Штубовой [6]. Основное внимание было обращено на различные формы культурного шефства — новой модели культурного обслуживания, связанной с организацией культурно-зрелищных мероприятий, которые проводили как областные учреждения культуры и искусства, так и профессиональные коллективы столичных городов.

Развитию системы культурного обслуживания в северных округах в период их интенсивного промышленного освоения посвящены публикации М. И. Ташлыковой [7; 8]. В работах сургутского историка детально рассмотрено материально-техническое состояние учреждений культуры и искусства с 1965 по 1991 годы, их кадровое обеспечение, формы и методы по обслуживанию различных категорий населения как сельской местности, где проживало коренное население Севера, так и новых городских поселений.

Государственная политика в сфере социально-бытового и культурного обеспечения в Сибири в 1950–1980-е гг. была проанализирована в работе А. И. Тимошенко [9]. Рассматривая процессы формирования и развития социальной инфраструктуры в РНПО Сибири, в том числе в северных районах Тюменской области, автор акцентирует внимание на значительном влиянии социальной сферы на адаптационные процессы, связанные с формированием и закреплением населения. В монографии изучена роль государственных и общественных организаций в создании новой социокультурной среды обитания, дана характеристика системы ценностей, которая доминировала в сознании молодого населения городов-новостроек.

Вопросы организации социального пространства осваиваемой территории в контексте процессов урбанизации, с учетом новой поселенческой структуры, нашли отражение в работах философов и социологов В. В. Трушкова [10], Г. Ф. Куцева [11], М. Г. Ганопольского [12], Е. А. Волосняковой [13]. Философско-социологический подход, объединяющий эти исследования, позволил проследить влияние пространственно-временной и производственной организации на формирование образа жизни населения районов индустриального освоения и их менталитет.

Обзор литературы по данной проблеме позволяет утверждать, что в исторических исследованиях значительное внимание уделено процессам создания и развития учреждений культуры в РНПО, их материально-техническому обеспечению; отражены формы и методы их деятельности; определены основные проблемы в культурном обслуживании населения Тюменского Севера. Вместе с тем не получил должного отражения анализ культурной политики по организации социокультурного пространства северного региона. Работы философов и социологов, анализирующие как факторы, влияющие на формирование новых социальных общностей, так и определяющие их специфические черты через призму ментальности, послужили своеобразной методологической основой данной публикации.

Материалы и методы

Эмпирической основой исследования послужила делопроизводственная документация двух государственных архивов Тюменской области — ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области) и ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Делопроизводственная документация, хранящаяся в фондах архивов, позволила определить основные направления политики по организации социокультурной среды нефтегазодобывающих районов, проанализировать количественные и качественные параметры развития системы культурного обслуживания

населения, выявить основные проблемы в деятельности учреждений культуры. Основным источником для анализа количественных параметров развития учреждений культуры, включая объемы финансирования и темпы развития материально-технической базы, стали опубликованные сборники статистики по Тюменской области и автономным округам.

Методологической основой исследования стали научные принципы познания: объективность, системность, историзм. Междисциплинарная специфика исследования обусловила использование историко-генетического, компаративного и статистического методов.

Историко-генетический метод позволил в динамике проследить процессы социокультурного развития РНПО в исследуемый период, системный — во взаимосвязи и взаимообусловленности социально-экономических и социокультурных факторов освоения северного региона. Использование статистического и компаративного методов позволило проанализировать развитие материальной составляющей социокультурного пространства, сопоставляя результаты с республиканскими и союзными показателями.

Результаты и обсуждение

Создание социокультурной среды в северных районах Тюменской области, как и сами процессы промышленного освоения, стартовали по сути с чистого листа. К началу индустриализации в этих районах, по данным статистики, насчитывалось 1 192 клубных учреждения всех министерств и ведомств, 971 библиотека с книжным и журнальным фондом 7,2 млн экземпляров, 1 522 киноустановки с платным показом [14]. 90 % учреждений культуры находились в сельской местности. Их материальная база с трудом удовлетворяла запросы населения. Так, по данным архивов, в ХМАО на одно клубное учреждение приходилось 1 500 жителей, в ЯНАО — 1 200. Две трети имевшихся там клубных помещений могли вместить от 50 до 100 человек. Из 52 клубов Министерства культуры в автономных округах 32,7 % находились в приспособленных помещениях, 13,5 % — в аварийном состоянии, 19,2 % требовали капитального ремонта [15]. Именно поэтому с самого начала вопросы сооружения учреждений культуры в РНПО решались параллельно с проблемами обеспечения жильем, торговым и бытовым обслуживанием.

Вопросы организации досуга вновь прибывающего населения, как свидетельствуют документы тех лет, были предметом многократного обсуждения на заседаниях Тюменского облисполкома, бюро обкома КПСС и горкомов городов-новостроек. Так, IX пленум Тюменского обкома КПСС в августе 1964 года, рассматривая вопрос «О состоянии и мерах по улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих, ИТР, служащих нефтяной, газовой, лесной, рыбной промышленности, геолого-разведочных экспедиций и строительных организаций», принял решение о персональной ответственности руководителей всех рангов за выполнение планов строительства объектов культуры в РНПО [16].

Такое внимание областного руководства к организации культурного обслуживания населения северных районов Тюменской области во многом объяснялось самой спецификой прибывающих, поскольку важнейшей характеристикой городов-новостроек был их молодежный состав. Средний возраст населения городов ХМАО в

1979 году составлял 26 лет. В базовых городах нефтяного края: Сургуте — 26,3; Нижневартовске — 25,5, Нефтеюганске — 25,5; Урае — 26,2 [17].

С одной стороны, высокий уровень запросов к организации социокультурной среды был предопределен возрастной спецификой населения новых городских поселений. С другой стороны, суровые условия Севера, а также особенности трудовой деятельности, связанной с тем, что большая часть рабочего времени проходила не в помещении, а на открытом воздухе, объективно предъявляли повышенные требования к обеспечению полноценного отдыха и организации сферы досуга. Отнюдь не случайно в качестве одного из мотивов потенциальной миграции до 30 % участников социологических опросов, проводимых в северных городах РНПО, называли неудовлетворительную работу учреждений культуры [2].

На начальном этапе освоения северного региона, когда первоочередной задачей являлось обеспечение стремительно растущего населения жильем, изыскивались разнообразные способы сооружения учреждений культуры путем использования различных финансовых источников и возможностей, в том числе трудового энтузиазма населения новых городских поселений. По данным архивных документов, в обоих округах Тюменского Севера только за 1968–1970 гг. было построено 28 домов культуры и клубов на 5 720 мест. Чаще всего эти объекты культуры сооружались хозспособом, то есть путем использования финансовых и материальных ресурсов предприятий, участвующих в нефтегазовом освоении региона. Подобным образом сооружались дома культуры в Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Нефтеюганске; методом «народной стройки» в Сургуте были построены кинотеатр и клуб в поселке нефтяников [18].

В большинстве случаев строительство объектов культуры осуществлялось ведомствами за счет средств, выделяемых на жилищное строительство. В условиях отсутствия достаточных финансовых ресурсов на подобные цели происходило кооперирование средств нескольких предприятий и организаций. Результатом подобной политики становится существенный прирост клубных учреждений. За первое пятилетие освоения северных районов Тюменской области (1965–1970 гг.) число их в ХМАО выросло в 1,2 раза, достигнув к 1970 году 231 [19]. Однако «ни их сеть, ни материально-техническая база не удовлетворяли запросов населения», по утверждению самих руководителей Тюменской области [20].

В целом за 20 лет (с 1965 по 1985 гг.) число клубных учреждений (включая общественные) в Тюменской области, по данным статистики, выросло в 1,3 раза, достигнув 1 527. В ХМАО и ЯНАО эти показатели, соответственно, составили 1,6 и 2,1. Если на начало промышленного освоения в ХМАО было 190 клубов, в ЯНАО — 76 (в основном в сельской местности), то в 1985 году число их достигло, соответственно, 304 и 160 [21]. Основной прирост приходился на нефтегазодобывающие районы. Вместе с тем проблема обеспеченности населения объектами культуры сохранялась на всем протяжении исследуемого периода. Так, согласно архивным документам, процент обеспеченности клубными учреждениями в начале 1980-х гг. в центрах нефтедобычи — Нижневартовске и Нефтеюганске составлял, соответственно, 53 и 48 %, а в новых городах — Радужном и Новом Уренгое — 29 и 57 % [22].

В основе этой ситуации лежали не только факторы опережающего механического прироста населения городов-новостроек по отношению к темпам сооружения объектов культуры, но и сама политика финансирования в сфере культуры. Несмотря на рост государственных капиталовложений в сферу культуры Тюменской области (1975 год — 8,2 млн рублей, 1985 год — 10,4 млн рублей), в общем объеме областных ассигнований она была ничтожно мала, составляя в 1975 году 0,25 %; в 1980 году — 0,06 %; в 1985 году — 0,09 % [19]. Финансирование и строительство объектов культуры по «остаточному принципу» были характерной чертой советской экономики. Использование метода «народных строек» и кооперирование денежных средств ведомств, участвующих в промышленном освоении Тюменского Севера, не решали принципиально проблему. Нередко объекты культуры в городах-новостройках превращались в объекты «долгостроя», строительство которых осуществлялось на протяжении не одной пятилетки. Так было при возведении клуба в Сургуте, кинотеатра в Нижневартовске и многих других объектов.

На трассах строительства нефте- и газопроводов, в вахтовых поселках миссию организации культурного досуга выполняли Красные уголки. Как правило, это были небольшие помещения на 50–100 мест, оборудованные для проведения свободного от работы времени. Здесь были газеты, журналы, имелся инвентарь для настольных игр: шашки, шахматы, бильярд. Нередко они располагали телеаппаратурой и стационарной киноустановкой. Красные уголки являлись местом проведения всех культурных мероприятий: от спортивных состязаний в настольные игры до выступлений коллективов художественной самодеятельности и демонстрации кинофильмов. Обязательным элементом организации культурного досуга была массово-политическая работа, которая предусматривала выступление лекторов, передовиков производства, проведение тематических вечеров [2].

Уровень материально-технического обеспечения Красных уголков, как и содержание самой культурно-массовой работы во многом зависели от руководства предприятий и их профсоюзных организаций. Так, фронтальная проверка всех вахтовых поселений ХМАО и ЯНАО, проводимая в 1980 году по заданию областного партийного руководства, констатировала отсутствие элементарных условий для организации досуга в большинстве вахтовых поселков Сургутского района. В поселках редко проводились культурные мероприятия, слабым был репертуар демонстрируемых фильмов, не лучшим — качество, так как большинство фильмокопий по техническому состоянию относились ко второй, третьей и четвертой категориям; отсутствовал спортивный инвентарь, не были оборудованы спортплощадки. Была и иная практика организации культурного досуга, в частности в вахтовых поселках объединения «Урайнефтегаз». Этому во многом способствовало ежегодное проведение смотров-конкурсов, где учитывалось не только обустройство быта, но и состояние культурно-массовой работы. Руководство предприятия справедливо полагало, что «внимание к людям, забота о них создавали атмосферу благоприятного психологического климата в коллективе» [23].

Учитывая специфику организации труда в северных районах Тюменской области, нередко связанную с передвижным характером работы, политика в сфере культуры предусматривала использование не только стационарной формы обслуживания населе-

ния, но и организацию передвижных центров. Это относилось, прежде всего, к библиотечному и кинообслуживанию. Одной из самых востребованных форм такой работы было кинообслуживание. В начальный период освоения, когда в РНПО отсутствовали клубы и библиотеки, оно подчас заменяло и то, и другое. Под кинопоказ приспособлялись не только Красные уголки, но и производственные помещения. Областное партийно-советское руководство, проявляя заботу о культурном обслуживании населения районов новостроек, выдвигало перед органами кинофикации и проката требование, «чтобы показ фильмов был организован во всех населенных пунктах, где живут геологи, строители, нефтегазодобытчики... приспособлявая под показ все имеющиеся помещения» [24].

С начала 1970-х годов нефтегазодобывающие районы были выделены в «особое кольцо», получая новые фильмы в первую очередь. Многие художественные киноленты здесь демонстрировались одновременно с показом их в областном центре. Значительный рост киноустановок позволил вывести Тюменскую область к середине 1980-х годов в число лидеров РСФСР. Но в то же время новые северные поселения, получившие статус города в начале 1980-х годов (Нягань, Когалым, Лангепас, Новый Уренгой), не имели типовых кинотеатров [2].

Не менее значимым для РНПО были радио и телевидение. Фактически эти средства информации осуществляли для населения северного региона определенную психологическую миссию, помогая преодолевать чувство изолированности от «большой земли». Проблемы развития телевидения и радиовещания в Тюменской области были предметом неоднократного обсуждения областного руководства. В результате значительно расширилась зона приема телевизионных передач. В 1965 году в Тюмени был введен новый телецентр, около полумиллиона человек получили возможность смотреть областные телепередачи, а с 1967 года — и передачи из Москвы, чего было лишено население северных районов Тюменской области. После введения в эксплуатацию в 1968 году 8 телецентров (в том числе в Сургуте и Нижневартовске), а также приема телепередач по системе «Орбита», запущенной в Сургуте, телевидением было охвачено уже около миллиона человек [5]. Вместе с тем вне зоны телевидения по-прежнему оставались поселки, расположенные на компрессорных станциях, трассах газопроводов на территории ЯНАО. Большая их часть была вне зоны приема систем ТВ спутников типа «Орбита» и «Экран» [25].

В формировании социокультурного пространства северного региона немалую роль играло культурное шефство, в котором активное участие принимали областные учреждения культуры: Тюменский и Тобольский драматические театры, филармония, профессиональные музыканты и коллективы художественной самодеятельности. Становление этой новой формы культурного обслуживания было инициировано Управлением культуры Тюменской области в 1967 году по настоянию Министерства культуры РСФСР [2]. Принятие этого решения было мотивировано слабым развитием сети культурно-просветительских учреждений и отсутствием в РНПО художественно-зрелищных организаций. По мнению большинства исследователей, анализирующих разнообразные формы, содержание и охват населения северных районов Тюменской области культурным шефством, его пик приходился на вторую половину 1960-х — начало 1970-х годов. В последующем шефство стало носить эпизодический

характер [2; 3; 6; 7]. Безусловно, культурное шефство позволяло компенсировать недостаточное развитие учреждений культуры в новых северных поселениях, но оно не могло в полной мере удовлетворить духовные запросы населения, поскольку осуществлялось лишь в период гастрольных поездок и творческих встреч.

С начала 1970-х годов в культурной политике стало доминировать стремление к созданию творческих самодеятельных коллективов в РНПО при домах и дворцах культуры. В этот период рождаются танцевальные коллективы в Нефтеюганске и Горноправдинске, народные хоры в поселках Игрим и Пионерский, инструментальный ансамбль в Ханты-Мансийске, оркестры в Сургуте и Березове. Объединяясь, эти коллективы создавали агитационно-художественные бригады, на которые была возложена задача культурного обслуживания новых городов и рабочих поселков ХМАО. В состав творческих коллективов нередко включали лекторов, работников библиотек и кинемехаников. По данным архивных документов, деятельность агитколлективов значительно расширилась во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов, что было связано с культурным обслуживанием не только вахтовых поселков, но и участков строительства нефте- и газопроводов [26]. Подобная форма работы осуществлялась и в ЯНАО. Окружные творческие коллективы привлекались к культурному обслуживанию вахтовых поселков строителей газопроводов и железной дороги [27].

Вместе с тем содержание деятельности учреждений культуры РНПО далеко не в полной мере удовлетворяло духовные запросы молодежной аудитории Севера. Об этом свидетельствовали материалы социологических исследований, проведенные в начале 1980-х годов. По данным анкетирования жителей городов Ноябрьска и Когалыма, среди причин, побуждающих их к отъезду, на первое место вышли два фактора: неудовлетворение культурно-бытовыми условиями и неблагоприятные возможности для реализации культурного досуга [28]. Это было отнюдь не случайно, поскольку в культурной политике преобладали принципы, основанные на традиционных схемах, в основу которых были заложены количественные показатели оценки деятельности учреждений культуры (по числу проводимых мероприятий). Да и сами мероприятия не отличались большим разнообразием, ограничиваясь зачастую демонстрацией кинофильмов и выступлениями либо профессиональных, либо самодеятельных коллективов.

На начальном этапе освоения, когда проблема культурного досуга стояла наиболее остро, в качестве «мер коренного улучшения деятельности клубов и Красных уголков» партийно-советскими органами власти предлагалось использование таких форм работы, как «организация систематического чтения лекций, докладов, выступления передовиков производства, коллективов художественной самодеятельности, демонстрация фильмов» [16]. Мы приводим дословно слова из документа как свидетельство прошлой эпохи и понимания партийно-советским руководством организационных форм «культурной работы» с населением РНПО.

В 1980-е годы традиционные формы организации «культурного досуга» себя исчерпали. Достаточно высокий образовательный и культурный потенциал нового поколения мигрантов был ориентирован на иные формы досуга, связанные с удовлетворением личностных вкусов и потребностей. По мнению А. И. Тимошенко, формировался «единый культурно-досуговый механизм поведения, когда отдых, общение с друзьями,

развлечения соединились с различными видами культурных и спортивных занятий» [9]. Необходимость поиска и обновления форм, содержания социокультурной деятельности была очевидна. Такой, действительно новой формой становится создание общедосуговых центров (УДЦ), сооружение которых началось в Новом Уренгое, Нижневартовске, Салехарде и других северных городах [9]. Создание УДЦ рассматривалось как перспективное направление в организации досуга северян [28]. Таким образом, можно утверждать, что в 1980-е годы происходит модернизация культурной политики вследствие изменения духовных запросов населения городов-новостроек, ориентированных на формирование здесь урбанизированного социокультурного пространства.

Выводы

Результатом интенсивного индустриального освоения Тюменского Севера становится формирование новой социокультурной среды, что было связано, прежде всего, с развитием системы учреждений культуры. Как и другие элементы социальной сферы, они создавались почти с нуля. Достаточно высокие требования к ним предъявляло население северного региона, образовательный, возрастной, профессиональный уровень которого нуждался в развитой сфере досуга. Однако темпы развития учреждений культуры, а подчас и само содержание деятельности не отвечали этим требованиям.

Слабость материальной базы учреждений культуры не позволяла использовать их полифункционально, обедняла содержание их деятельности, которая сводилась по большей части к демонстрации фильмов и выступлениям коллективов художественной самодеятельности. Безусловно, эти формы восприятия культуры тоже были важны для населения районов новостроек. С одной стороны, они приобщали население северных районов Тюменской области к культуре, с другой — выполняли функцию релаксации, столь необходимую в северных широтах. Вместе с тем подобные формы культурного обслуживания были рассчитаны на пассивное восприятие, а не на творческое участие, связанное с реализацией индивидуальных духовных запросов, что являлось одной из причин обратной миграции из РНПО.

Положительным явлением в региональной культурной политике стала организация культурного шефства, которую осуществляли областные учреждения культуры. Творческие поездки и гастроли профессиональных коллективов областного центра обогащали культурную жизнь РНПО, но они носили эпизодический характер, не восполняя в полной мере культурные запросы населения северного региона.

Библиографический список

- [1] Цукерман, В. С. Единое социокультурное пространство : аспекты рассмотрения / В. С. Цукерман. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. – 2009. – № 2 (18) – С. 49–55.
- [2] Гаврилова, Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.) : монография / Н. Ю. Гаврилова ; Министерство образова-

- ния Российской Федерации, Тюменский государственный нефтегазовый университет. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. – 282 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Карпов, В. П. Культурное строительство на Тюменском нефтегазовом севере в 1960–1980-е гг. / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Культура и антикультура : определение и ценности : коллективная монография. – Тюмень : ТИУ, 2016. – С. 149–160.
- [4] Пашков, Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. / Н. М. Пашков ; под редакцией В. В. Алексеева ; Тюменский индустриальный институт им. Ленинского комсомола. – Томск : Изд-во Томского университета, 1988. – 241 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Очерки истории Тюменской области / Под редакцией В. М. Кружинова. – Тюмень, 1994. – 272 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Штубова, Е. В. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964–1985 гг.) : специальность 07.00.02 «История СССР» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Штубова Елена Валентиновна; Институт истории и археологии Уральского отделения АН СССР. – Свердловск, 1991. – 22 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Ташлыкова, М. И. Развитие учреждений культуры и искусства севера Западной Сибири (1965–1991 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ташлыкова Марина Ивановна. – Сургут, 2006. – 24 с. – Текст : непосредственный.
- [8] Ташлыкова, М. И. Строительство объектов культурного назначения в Ханты-Мансийском автономном округе в 1965–1991 гг. / М. И. Ташлыкова. – Текст : непосредственный // Сибирские строители : события и судьбы : сборник статей Всероссийской научной конференции (Сургут, 25–26 ноября 2016 года) / БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный университет». – Курган, 2017. – С. 286–300.
- [9] Тимошенко, А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг. : планы и реальность : монография / А. И. Тимошенко ; отв. ред. С. С. Букин ; Институт истории СО РАН. – Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2009. – 174 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Трушков, В. В. Город и культура / В. В. Трушков. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1976. – 112 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Куцев, Г. Ф. Человек в северном городе / Г. Ф. Куцев. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1987. – 224 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Ганопольский, М. Г. Региональный этос : истоки, становление, развитие / М. Г. Ганопольский. – Тюмень : ТюмГНГУ, 1998. – 160 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Волосникова, Е. А. Северный город : жизнедеятельность социальных общностей : монография / Е. А. Волосникова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2010. – 244 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет : статистический сборник. – Тюмень : Статистика, 1987. – 138 с. – Текст : непосредственный.

- [15] ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф. 814. Оп. 1. Д. 4394. Л. 63. – Текст : непосредственный.
- [16] ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). Ф. 2010. Оп.1. Д. 134. Л.12. – Текст : непосредственный.
- [17] Стась, И. Н. Статья горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960 – начало 1990-х гг.) / И. Н. Стась. – Курган : ООО «Курганский дом печати», 2018. – 168 с. – Текст : непосредственный.
- [18] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 187. Д. 3. Л. 37; Ф. 124. Оп.184. Д.68. Л. 53. – Текст : непосредственный.
- [19] Тюменская область в цифрах за 1971–1975 гг. : статистический сборник. – Свердловск, 1976. – 136 с. – Текст : непосредственный.
- [20] ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 202. Д.84. Л.19. – Текст : непосредственный.
- [21] Некоторые показатели демографических процессов и социального развития Тюменской области : статистический сборник. – Тюмень, 1983. – 219 с. – Текст : непосредственный.
- [22] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 229. Д. 198. Л. 4, 20, 48, 49, 50. – Текст : непосредственный.
- [23] ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 222. Д. 145. Л. 63–65. – Текст : непосредственный.
- [24] ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 222. Д. 145. Л. 89. – Текст : непосредственный.
- [25] ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 236. Д. 144. Л. 42. – Текст : непосредственный.
- [26] ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 216. Д. 122. Л. 4. – Текст : непосредственный.
- [27] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 134. Л. 15. – Текст : непосредственный.
- [28] Молодой город в районах нового освоения Севера. Социально-культурные проблемы. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1989. – 420 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Tsukerman, V. S. (2009). Edinoe sotsiokul'turnoe prostranstvo: aspekty rassmotreniya. Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, (2(18)), pp. 49-55. (In Russian).
- [2] Gavrilova, N. Yu. (2002). Sotsial'noe razvitie neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University Publ., 282 p. (In Russian).
- [3] Karpov, V. P., & Gavrilova, N. Yu. (2016). Kul'turnoe stroitel'stvo na Tyumenskom neftegazovom severe v 1960-1980-e gg. Kul'tura i antikul'tura: opredelenie i tsennosti. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., pp. 149-160. (In Russian).
- [4] Pashkov, N. M. (1988). Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri po sozdaniyu i razvitiyu neftegazovogo kompleksa. 1964-1980 gg. Tomsk, Tomsk University Publ., 241 p. (In Russian).
- [5] Kruzhinov, V. M. (Ed.) (1994). Ocherki istorii Tyumenskoy oblasti. Tyumen, 272 p. (In Russian).
- [6] Shtubova, E. V. (1991). Formirovanie i razvitie sistemy kul'turnogo obsluzhivaniya trudyashchikhsya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (1964-1985 gg.). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, 22 p. (In Russian).
- [7] Tashlykova, M. I. (2006). Razvitie uchrezhdeniy kul'tury i iskusstva severa Zapadnoy Sibiri (1965-1991 gg.). Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Surgut, 24 p. (In Russian).

- [8] Tashlykova, M. I. (2017). The Construction of Cultural Institutions in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (1965-1991). *Sibirskie stroiteli: sobyitiya i sud'by: sbornik statey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Surgut, November, 25-26, 2016). Kurgan, pp. 286-300. (In Russian).
- [9] Timoshenko, A. I. (2009). Gosudarstvennaya politika formirovaniya i zakrepleniya naseleniya v rayonakh novogo promyshlennogo osvoeniya Sibiri v 1950-1980-e gg.: plany i real'nost'. Novosibirsk, Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 174 p. (In Russian).
- [10] Trushkov, V. V. (1976). Gorod i kul'tura. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 112 p. (In Russian).
- [11] Kutsev, G. F. (1987). Chelovek v severnom gorode. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 224 p. (In Russian).
- [12] Ganopol'skiy, M. G. (1998). Regional'nyy etos: istoki, stanovlenie, razvitie. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University Publ., 160 p. (In Russian).
- [13] Volosnikova, E. A. (2010). Severnyy gorod: zhiznedeyatel'nost' sotsial'nykh obshchnostey. Ekaterinburg, Gumanitarnyy universitet Publ., 244 p. (In Russian).
- [14] Narodnoe khozyaystvo Tyumenskoy oblasti za 70 let: statisticheskiy sbornik. (1987). Tyumen, Statistika Publ., 138 p. (In Russian).
- [15] GATO (Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti). F. 814. Op. 1. D. 4394. L. 63. (In Russian).
- [16] GASPITO (Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'nopoliticheskoy istorii Tyumenskoy oblasti). F. 2010. Op.1. D. 134. L.12. (In Russian).
- [17] Stas', I. N. (2018). Stat' gorozhaninom: urbanizatsiya i naseleniye v neftyanom kraye (1960-nachalo 1990-kh gg.). Kurgan, Kurganskiy dom pechati LLC Publ., 168 p. (In Russian).
- [18] GASPITO. F. 124. Op. 187. D. 3. L. 37; F. 124. Op.184. D.68. L. 53. (In Russian).
- [19] Tyumenskaya oblast' v tsifrakh za 1971-1975 gg.: statisticheskiy sbornik. (1976). Sverdlovsk, 136 p. (In Russian).
- [20] GASPITO. F. 124. Op. 202. D.84. L. 19. (In Russian).
- [21] Nekotorye pokazateli demograficheskikh protsessov i sotsial'nogo razvitiya Tyumenskoy oblasti: statisticheskiy sbornik. (1983). Tyumen, 219 p. (In Russian).
- [22] GASPITO. F. 124. Op. 229. D. 198. L. 4, 20, 48, 49, 50. (In Russian).
- [23] GASPITO. F.124. Op. 222. D. 145. L. 63-65. (In Russian).
- [24] GASPITO. F.124. Op. 222. D. 145. L. 89. (In Russian).
- [25] GASPITO. F.124. Op. 236. D. 144.L. 42. (In Russian).
- [26] GASPITO. F.124. Op. 216. D. 122. L. 4. (In Russian).
- [27] GASPITO. F. 2010. Op. 1. D. 134. L. 15. (In Russian).
- [28] Molodoy gorod v rayonakh novogo osvoeniya Severa. Sotsial'no-kul'turnye problemy. (1989). Sverdlovsk, 420 p. (In Russian).

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 13/07/2021

Принята к публикации / Accepted: 25/08/2021

УДК 338.467.6

Современные трансформации рынка образовательных услуг в России

Валентина Евгеньевна Гусева, Елена Николаевна Фокина

Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. Формирование мировой системы образования происходит параллельно с развитием и цифровизацией мировой экономики, увеличением академической мобильности и формированием новой парадигмы образования. Рынок образовательных услуг в России находится в постоянном движении под воздействием как внутренней, так и внешней среды, в том числе глобальной системы образования. В статье даны анализ статистических данных и обзор исследований, посвященных основным факторам, влияющим на формирование и трансформацию рынка образовательных услуг в России на примере высшего профессионального и послевузовского образования. Рассматриваются новые направления деятельности и условия работы, формы предоставления образовательных услуг и обучения. Выделяются факторы, оказывающие как положительное, так и отрицательное влияние на трансформацию российского рынка образовательных услуг. Приводятся сравнительные характеристики рынка образовательных услуг России и других стран.

Ключевые слова: образование, онлайн-образование, рынок образовательных услуг, глобальная система образования.

Modern transformations of the market of educational services in Russia

Valentina E. Guseva, Elena N. Fokina

Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The formation of the world education system is taking place simultaneously with the development and digitalization of the world economy, the increase in academic mobility and the formation of a new education paradigm. The market of educational services in Russia is constantly changing under the influence of both internal and external environment, including the global education system. The article provides an overview of statistical data and research on the main factors affecting the formation and transformation of the educational services market in Russia (a case study of higher professional and postgraduate education). The text gives valuable information on new directions of activity and working conditions, forms of provision of educational services and training. We identify factors that have both positive and negative impact on the transformation of the Russian educational services market. It is specially noted comparative characteristics of the educational services market in Russia and other countries.

Keywords: education, online education, educational services market, global education system.

Введение

Мировая система образования формируется одновременно с развитием мировой экономики и информационной сферы, увеличением академической мобильности и обмена научными данными, формированием новой парадигмы образования и благоприятной правовой среды для разработки эффективной стратегии организации и образовательных программ [1–3]. В условиях глобализации эти тенденции в той или иной степени проявляются и в России. Исследователи отмечают, что существует прямая зависимость между уровнем образовательного и социально-экономического развития [4].

Российский рынок образовательных услуг можно охарактеризовать как рынок почти однородных продуктов. Несмотря на это спектр образовательных услуг и структура потребления на этом рынке достаточно широки.

Цель статьи — обзор литературы, посвященной исследованию основных факторов, влияющих на развитие и трансформацию рынка образовательных услуг в России.

Рынок образовательных услуг, по определению Н. А. Перевозчиковой и Т. Д. Василенко, — это «система социально-экономических отношений между учебными заведениями и потребителями с целью продажи и покупки образовательных услуг» [5]. Исследователи в основном обращают внимание на изучение особенностей рынка образовательных услуг в контексте вызовов и перспектив его дальнейшего развития. Например, основные направления и перспективы развития с точки зрения интернационализации исследуются А. А. Муравьевой, О. Н. Олейниковой и др. [6], С. В. Булаевой, О. Н. Исаевой [1] и др., а также такой организацией, как Высшая школа экономики [7]. Я. И. Кузьминов рассматривает развитие высшего образования в русле перехода к цифровой экономике [8].

Выявить все факторы, влияющие на развитие и трансформацию рынка образовательных услуг, не позволяет объем статьи. Поэтому основное внимание уделено формированию и трансформации рынка образовательных услуг в системе высшего и послевузовского образования.

Среди факторов, влияющих на изменения, происходящие в системе высшего образования России, исследователи наиболее часто выделяют долю расходов на образование в ВВП [5; 9]; спрос и предложение рынка труда [10]; развитие IT-технологий [8; 11; 12]; интернационализацию образования [1–3; 11]; демографию [7; 12]; несоответствие уровня образования молодых специалистов ожиданиям работодателей [4; 6; 10; 12]; несоответствие количества выпускников потребностям экономики (например, на рынке труда наблюдаются дефицит инженеров, врачей и избыток экономистов и юристов) [4; 5; 10; 12].

Методы

Одной из причин, обусловивших проявление перечисленных факторов, исследователи называют изменение количества вузов и студентов: рост этих показателей произошел в течение 2008/2009 учебного года, а после этого наблюдалось снижение обоих показателей [13; 14]. Это может быть связано с демографическим спадом в стране, который

влияет на потенциал абитуриентов. По данным Высшей школы экономики, к 2030 году численность населения в возрасте 16–39 лет сократится на 25 % [7].

В то же время высокий спрос на высшее образование способствовал быстрому развитию сектора платных образовательных услуг в вузах страны. Поэтому за два десятилетия (с 1992 по 2012 годы) количество частных вузов увеличилось в 15 раз, большинство из которых, ориентируясь на спрос, открывали в основном наборы на юридические и экономические специальности. Однако в результате оптимизации высшего образования в данном секторе наблюдается спад: в 2013–2018 гг. количество вузов сократилось на 28 %, а филиалов — на 59 % [13–15] (табл. 1).

Таблица 1

Состояние системы высшего образования в России в 1993–2018 гг.

Академический год	Количество высших учебных заведений	Количество студентов, тыс. чел.	Количество принятых абитуриентов, тыс. чел.	Количество выпускников, тыс. чел.
1993/1994	626	2 613,0	590,0	445,0
1994/1995	710	2 644,5	626,5	395,5
1995/1996	762	2 791,0	681,0	395,5
1996/1997	817	2 624,9	674,3	415,1
1997/1998	880	3 248,3	814,6	436,2
1998/1999	914	3 597,9	912,9	470,6
1999/2000	939	4 073,0	1 059,0	514,6
2000/2001	965	4 741,0	1 292,5	578,9
2001/2002	621	4 797,4	1 461,0	720,0
2002/2003	655	5 228,7	1 504,0	840,0
2003/2004	652	5 596,2	1 411,7	860,2
2004/2005	662	5 860,1	1 385,5	977,0
2005/2006	1 068	7 064,0	1 372,5	1 076,0
2006/2007	1 090	7 310,0	1 376,7	1 055,9
2007/2008	1 108	7 461,0	1 384,0	1 108,9
2008/2009	1 134	7 513,0	1 362,7	1 125,3
2009/2010	1 114	7 419,0	1 329,6	1 166,9
2010/2011	1 115	7 050,0	1 399,5	1 177,8
2011/2012	634	5 453,9	1 057,7	1 157,3
2012/2013	609	5 145,3	1 111,6	1 125,4
2013/2014	969	5 647,0	1 247,0	1 291,0
2014/2015	950	5 209,0	1 192,0	1 226,0
2015/2016	896	4 766,0	1 222,0	1 300,0
2016/2017	818	4 399,0	1 158,0	1 161,0
2017/2018	766	4 246,0	1 142,0	969,0

Источник: Росстат; Россия в цифрах 2019 [13].

Растущий спрос на качественные образовательные услуги обостряет конкуренции между вузами за абитуриентов [5]. К сожалению, выбор абитуриентами будущей профессии, как правило, не учитывает тенденций в изменении структуры рынка труда. Например, спрос на специалистов в сфере здравоохранения, социального обеспечения,

сфере производства, консалтинга и IT-технологий превышает количество выпускников. Самый высокий процент востребованности среди выпускников специальностей «здравоохранение» (ВО — 96,9 %, СПО — 31,3 %) и «авиационная и ракетно-космическая техника» (ВО — 85,2 %, СПО — 64 %), а экономистов, юристов и PR-специалистов значительно больше чем требуется [10; 11; 16]. Стоит отметить, что и количество соискателей в сферах государственной службы, административной работы, хозяйственного обеспечения деятельности организаций, искусства превышает потребности рынка труда [10; 12].

Такое положение обусловлено тем, что часто будущие студенты при выборе вуза руководствуются престижностью профессии, мнением родственников и друзей, результатами ЕГЭ, а не реальной ситуацией на рынке труда [5; 8; 10; 16], которая постоянно меняется с появлением новых профессий. Исследователи отмечают, что рынок образовательных услуг не успевает мобильно реагировать на эти изменения [5; 16], что связано с бюрократическими сложностями открытия новых направлений подготовки.

Еще один фактор, привлекающий внимание исследователей, — это уровень подготовки выпускников [5]. По данным Минтруда России, 12,4 % выпускников в первые три месяца работы направляются работодателями на переобучение (дообучение) в связи с недостаточным уровнем подготовки [10]. Эту нишу, как правило, занимают сектор корпоративного обучения, небольшие специализированные организации с узкой направленностью и многопрофильные образовательные учреждения, часто предлагающие обучение в онлайн-формате [17]. Численность реализуемых только онлайн профессиональных образовательных программ выросла более чем в три раза: с 811 тыс. в 2015 году до 2 979 тыс. в 2019 году. Две трети учреждений профессионального онлайн-образования являются частными [18].

Таким образом, несмотря на оптимизацию высшего образования несоответствие спроса и предложения на специальности выпускников 90-х годов сохраняется и сегодня [12]. Остается дисбаланс между количеством выпускников и потребностями рынка труда, который усугубляется уровнем подготовки выпускников, не отвечающим требованиям работодателей [12; 19]. По мнению И. Е. Золина, обучение и подготовка будущих специалистов должны определяться потребностями формирующейся цифровой экономики [12].

Существенный фактор, определяющий развитие рынка образовательных услуг — это доля расходов на отрасль от ВВП. Исследователи отмечают серьезное недофинансирование системы образования в России [5; 9; 12; 16]. Высокий, по сравнению с другими странами, уровень доступности образования в стране не сопоставим с затратами на него государства. По данным Независимой газеты, на одного учащегося в РФ тратится около 6,09 тыс. долларов, в отличие от 11,2 тыс. долларов в среднем по странам ОЭСР, в которых доля расходов на образование составляет почти 5 % ВВП, в то время как в России около 3,4 % ВВП. И этот показатель постепенно снижался, начиная с 2010 года с 4,3 % ВВП (табл. 2). По данным Всемирного банка, по затратам на образование в долях ВВП Россия занимает 120-е место из 197 [14; 20; 21].

Таблица 2

**Расходы на образование в Российской Федерации в процентах
к валовому внутреннему продукту**

Год	Государственные расходы, (%)	Расходы за счет внебюджетных средств, (%)	Всего, (%)	На высшее образование	На профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации
2006	3,9	1,3	5,1	0,6	0,03
2010	4,1	0,8	4,9	0,8	0,03
2011	3,7	0,7	4,4	–	–
2012	3,8	0,7	4,4	–	–
2013	3,9	0,6	4,6	–	–
2014	3,8	0,6	4,5	–	–
2015	3,7	0,6	4,3	0,6	0,02
2016	3,6	0,5	4,1	0,6	0,03
2017	3,5	0,5	4,1	0,6	0,03
2018	3,4	–	–	0,5	0,03

Источник: Индикаторы образования: 2020 [14].

Следующий фактор, влияющий на изменения рынка образовательных услуг, — демографический [6]. На фоне увеличения продолжительности жизни наблюдается старение населения и, как следствие, сокращение количества молодых специалистов. Снижение рождаемости и старение населения, ускорение темпов обновления профессиональных навыков и появление новых технологий обуславливают потребность в создании условий для обучения и переобучения людей старшего возраста [6; 12; 22]. Цифровизация экономики, автоматизация производства и совершенствование приемов работы требуют совершенствования системы профессиональной переподготовки.

В 2015 году европейские предприятия тратили на обучение персонала в среднем 1,7 % от фонда оплаты труда, а ведущие страны — до 2,5 %. В России этот показатель составляет 0,3 %, что меньше более чем в пять раз [20].

В отчете Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики зафиксировано, что в России охват взрослого населения программами непрерывного образования в 2–3 раза ниже, чем в странах Европейского союза (ЕС): средний показатель по ЕС — 40 %, а в Швеции — 60 % [21]. Задача переобучения работников предпенсионного возраста была поставлена в Распоряжении Правительства РФ от 30.12.2018 № 3025-р «Об утверждении специальной программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан предпенсионного возраста на период до 2024 года», изданного в рамках Национального проекта «Демография». Дополнительное профессиональное образование включает в себя программы повышения квалификации (от 16 до 72 часов) и программы профессиональной подготовки (от 250 до 500 часов и более) [22]. В данном секторе рынка образовательных услуг до

2020 года были представлены программы российских вузов (38 %), дистанционное обучение в вузах (11 %), коммерческие курсы (29 %), курсы повышения квалификации (10), веб-сервисы для самообучения (6 %), массовые онлайн-курсы (4 %) и программы зарубежных вузов (2 %) [19].

По данным исследования Высшей школы экономики, охват населения России в возрасте от 24 до 65 лет дополнительными образовательными программами всего за последние 10 лет изменился от 11 до 16 %. По данным Интерфакса, в европейских странах по программам ДПО учатся 40 % трудоспособного населения и более 5 % пенсионеров против, соответственно, 15 % и 1 % в России [22; 23]. Мало используются в обучении взрослых онлайн-формы. По данным совместного исследования, проведенного «Нетологией-групп», Высшей школы экономики и др., на онлайн-образование в секторе дополнительного профессионального образования в 2016 году приходилось всего 6,7 % [19]. По данным Росстата, с 2010 по 2016 годы количество слушателей, использовавших дистанционные форматы образования и обучения, составляло не более 7–8 % в год, оставаясь почти на одном уровне [13], что говорит о необходимости развития рынка онлайн-образования.

В последнее время наблюдается тенденция к интеграции мирового образования [6; 11]. Так, С. В. Булаева и О. Н. Исаева, С. Е. Мансурова рассматривают интеграцию в образовании как процесс, связанный с постоянно растущей потребностью в сближении систем образования разных стран, что ведет к обострению конкуренции на мировом рынке образовательных услуг [1].

По оценкам Всемирной торговой организации, емкость мирового рынка образования в 2018 году составляла около 90–100 млрд долларов США. К 2030 году этот показатель ожидается на уровне 600–800 млрд долларов США. Во всем мире насчитывается около 140 млн студентов и 36 000 университетов [3]. В 2016 году на Россию приходилось всего около 4,5 % мирового рынка высшего образования, тогда как доля США составляла 17 %. С позиций интернационализации по такому показателю, как экспорт образования, Россия уступает США и странам ЕЭС. Число студентов, поступающих в вузы за пределами своей страны, постоянно растет, составляя около двух миллионов человек. С. В. Булаева и О. Н. Исаева приводят следующее количество иностранных студентов: в США — 548 тыс.; в Великобритании — 200 тыс.; в Германии — 160 тыс.; во Франции — более 140 тыс. За последние годы значительно увеличилось количество иностранных студентов, получающих образование в Японии (+ 15 %), Португалии (+ 13,5 %) и Австралии (+ 11 %). В общей сложности за 15 лет число студентов, получающих образование за рубежом, выросло на 51 % [1].

Одним из показателей интернационализации российского образования является количество студентов, обучающихся в вузах РФ из других стран. Число иностранных студентов, приезжающих в Россию, постоянно растет. Если в 2000–2001 учебном году иностранных студентов было 59 тыс. чел., то в 2019–2020 их количество выросло более чем в 4,5 раза, достигнув 267,1 тыс. чел. По этим показателям Россия приблизилась к показателям таких стран, как США, Канада, заняв 6-е место в рейтинге [13]. С другой стороны, обучение иностранных студентов требует особой ответственности за

качество предоставляемых образовательных услуг, способствуя их развитию и совершенствованию.

Об увеличении академической мобильности говорит число выпускников школ России, поступающих в зарубежные университеты. По данным ЮНЕСКО, около 1,5 % всех российских студентов уезжают учиться за рубеж. С 2012 по 2016 годы их количество выросло на 12 %. В 2014–2018 годах ежегодно приезжало в ЕС от 12 до 16 тыс. россиян [20].

Интернационализация и расширение взаимозависимости стран приводит к конкуренции и усилению борьбы за абитуриентов, что, в свою очередь, становится важным фактором развития рынка образовательных услуг [6]. Стираются образовательные границы, повышается академическая мобильность студентов и преподавателей.

Следующий фактор, на который обращают внимание исследователи — это развитие IT-технологий и растущее проникновение Интернета, что обуславливает рост и трансформацию рынка образовательных услуг [6]. Выход информационных технологий на лидирующие позиции во всех сферах жизни как отдельной личности, так и общества в целом и, соответственно, переход к широкому использованию информационных технологий образовательными системами всего мира.

Уровень проникновения Интернета в России является недостаточно высоким (75,5 %) по сравнению с другими странами. Так, например, в США этот показатель равен 95 %, в ЕС — 80 %. Несмотря на существенный рост этого показателя за последние 9 лет Россия находится на 8-м месте в мире по числу интернет-пользователей [24]. При этом всего 3 % россиян используют Интернет для дистанционного обучения, в то время как в США и Южной Корее онлайн-образование востребовано у 20 % интернет-пользователей, в Швеции — 18 %, Финляндии — 17 % [26]. Исследователи отмечают, что растущее проникновение Интернета является одним из основных факторов, обуславливающих рост рынка образовательных услуг [19; 22]. Лидер на мировом рынке онлайн-образования — США, на втором месте — страны Юго-Восточной Азии (в лидерах Китай и Индия). Причем потребление и производство образовательных услуг онлайн в странах Азии происходит быстрее, чем в среднем в остальных странах. Например, в США темпы прироста этого рынка замедляются, прибавляя 4,0–4,4 % в год, в то время как в Китае и Индии годовой прирост составляет 17 % [25].

Результаты

Рынок онлайн-образования в России находится на стадии становления [26]. Можно выделить следующие причины, осложняющие распространение онлайн-образования в России:

- недостаток цифровой инфраструктуры;
- отсутствие квалифицированных специалистов (SMM-щик, маркетолог, менеджер по продажам, преподаватель, эксперт, менеджер образовательных ресурсов) [19; 20];
- низкая платежеспособность целевой аудитории [18; 19];

- трудности с признанием равенства между онлайн-образованием и традиционным образованием [27];
- консервативность потенциальных потребителей образовательных услуг [18; 19].

Рынок онлайн-образования, как и любой рынок, формируется под воздействием спроса. Самое развитое направление в мировом онлайн-образовании — это курсы для студентов и специалистов, которые хотят расширить свои карьерные возможности и получить дополнительные знания в профессиональных областях. В сегменте курсов повышения квалификации в 2018 году наиболее востребованными были курсы по бизнесу, программированию, финансам и педагогике. Не снижается спрос на курсы по иностранным языкам и языкам программирования. Необходимо отметить, что в большинстве исследований обращается внимание на недостаточное использование возможностей Интернета для расширения рынка образовательных услуг, обучение профессиям, необходимым в экономике. Почти не освоено обучение «синих воротничков» [17; 18].

Важным фактором трансформации рынка образовательных услуг, а в особенности рынка онлайн-образования, не только в России, но и в мире стала пандемия. В связи с переходом на дистанционное обучение Минобрнауки в марте 2020 года опубликовало перечень бесплатных онлайн-курсов от ведущих российских вузов, включающий свыше 630 бесплатных веб-ресурсов, что значительно расширило возможности получения онлайн-образования. Если в 2016 году доля онлайн-образовательных технологий в ВПО не превышала 4 % [23], а 73 % студентов не знали о существовании массовых онлайн-курсов, то 2020 год резко изменил это положение.

Стремительный рост рынка онлайн-образования в период пандемии выявил ряд проблем. Например, в частном секторе онлайн-образования 48 % основателей проектов не имеют опыта работы в образовании. Особенностью деятельности является отсутствие регулирования со стороны государства и профессионального сообщества [12]. Большинство онлайн-курсов ориентировано на обучение взрослых в таких секторах, как образование и саморазвитие (36 %), медиа, диджитал, маркетинг (17 %), творчество, прикладные декоративные навыки, хобби (13 %), спорт, здоровье (9 %), духовные практики и личностный рост (7 %), иностранные языки, психология, специализации узкого профиля (по 6 %) [17; 18]. По данным *Busines Stat*, за 2016–2019 годы объем рынка образовательных услуг в секторе дополнительного профессионального образования вырос на 26,3 %, а в 2020 году сократился на 13 %, что объясняется переносом запланированного повышения квалификации из-за карантина и общим ухудшением экономической обстановки. Переход к дистанционным формам позволил избежать дальнейшего падения [23].

Перевод всех уровней образования в онлайн в связи с пандемией выявил не только проблемы, связанные с наличием техники и доступом в Интернет, но и такие проблемы, как нехватка живого общения с преподавателем, проблемы оценивания результатов обучения, что не могло не повлиять на трансформацию рынка образовательных услуг, которая выразилась в изменении форм и методов этих услуг, сочетающих в себе как электронные ресурсы, так и общение с преподавателем в режиме реального времени.

Массовые открытые онлайн-курсы (МООК), казавшиеся решением многих проблем онлайн-образования, и пик публикаций которых в России приходится на 2015–2016 гг., постепенно уступают место ОРМ (Online Program Management). Модель ОРМ позволяет значительно повысить качество образовательной услуги, предоставляемой онлайн. Выходя в онлайн, вуз становится производителем ИТ-продукта, который должен отвечать определенным требованиям. Чтобы публикуемый курс стал конкурентоспособным, мало просто записать лекции и организовать вебинары. То содержание, которое вуз оттачивал годами, необходимо упаковать в соответствующую оболочку: педагогический дизайн, учебная аналитика, подбор и привлечение экспертов, маркетинг, менторское сопровождение. Все это помогает вузам воплотить в жизнь ОРМ-компаниями. ОРМ — это набор методов и инструментов, с помощью которых создаются, внедряются и оцениваются онлайн-курсы. Причем вуз остается автором контента, а внешняя компания берет на себя все, что связано с внешним оформлением, внедрением, распространением онлайн-курса. На российском рынке образовательных услуг это направление еще пока только осваивается.

Сочетание информационных технологий с классическими формами обучения имеет хорошие перспективы развития:

- повышение эффективности работы бюджетных учебных заведений, в которых внедрение EdTech не только способствует оптимизации существующих процессов, но и созданию новых;
- появление большого количества платных онлайн-курсов и образовательных услуг;
- существование медиаресурсов, предоставляющих учебную информацию и образовательные услуги бесплатно.

По мнению Н. В. Кузнецова [28], кроме вышеперечисленных причин, осложняющих распространение онлайн-образования в России, немаловажным является низкий процент слушателей, успешно завершающих дистанционное обучение (по статистике только 15 % слушателей бесплатных онлайн-курсов успешно их заканчивают).

Выводы

Рынок образовательных услуг в России находится в постоянном движении под влиянием ряда факторов. Положительно влияют на формирование этого рынка следующие тенденции:

- обострение конкуренции между вузами и оптимизация сети высших учебных заведений;
- ориентация на спрос и предложение рынка труда;
- интернационализация образования и, как следствие, приток иностранных студентов;
- постепенный переход к цифровой экономике и цифровизация образования (совершившая рывок в период пандемии);

Но есть и факторы, значительно замедляющие как непосредственно трансформацию рынка образовательных услуг, так и изменение качественных показателей:

- глобальное и постепенно увеличивающееся недофинансирование всех уровней образования;
- уменьшение человеческого капитала как результат спада рождаемости и старения населения;
- перекося рынка онлайн-образования в сторону дополнительного образования;
- слабый учет вузами запросов рынка труда; по данным Минтруда России, количество выпускников в разрезе специальностей не соответствует реальному спросу на соответствующих специалистов на рынке труда;
- очень медленно изменяется влияние работодателей на выбор абитуриентами уровня образования и специальности.

В целом трансформация рынка образовательных услуг носит неоднородный, часто стихийный характер, показывая высокие показатели по таким направлениям, как экспорт образования, рост числа образовательных онлайн-платформ и сервисов, доступность образования. С другой стороны, по финансированию образования и качеству предоставляемых образовательных услуг Россия значительно отстает от стран ОЭСР.

Неисследованными остаются такие секторы рынка образовательных услуг, как мобильное обучение и микрообучение.

Библиографический список

- [1] Булаева, С. В. Система мирового образования : современные тенденции развития : монография / С. В. Булаева, О. Н. Исаева; Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. – Рязань, 2012. – 128 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Кузовенкова, К. О. Глобализация, интернационализация и интеграция в сфере образования как факторы формирования мировой образовательной системы / К. О. Кузовенкова. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический вестник. – 2018. – Т. 6, № 3 (20). – С. 47–55.
- [3] Барциц, И. Интеграция и конкуренция в образовании : мировой опыт : [презентация] / И. Барциц. – URL: https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/obshchestvennye-organizatsii/presidium/%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%86_%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC-%D0%9F%D0%9F%D0%A1_01.02.18_3.pdf (дата обращения: 13.12.2020). – Текст : электронный.
- [4] Fokina, E. Factors in the development of the education system in Russia / E. Fokina. – Direct text // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8, Issue 23. – P. 720–733.
- [5] Перевозчикова, Н. А. Концептуальные основы механизма взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг / Н. А. Перевозчикова, Т. Д. Василенко. – Текст : непосредственный // Вестник института экономических исследований. – 2018. – № 1 (9). – С. 14–21.

- [6] Муравьева, А. А. Основные векторы развития высшего образования : международная перспектива / А. А. Муравьева, О. Н. Олейникова, А. О. Викторова. – Текст : непосредственный // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2019. – № 4 (56). – С. 311–320.
- [7] Глобальная конкурентоспособность Российского образования. Материалы для дискуссии / И. В. Абанкина, А. А. Беликов, О. С. Гапонова [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2018. – 112 с. – (Современная аналитика образования. – № 3(20)). – URL: [https://ioe.hse.ru/data/2018/09/06/1155163187/%D0%A1%D0%90%D0%9E_3\(20\)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2018/09/06/1155163187/%D0%A1%D0%90%D0%9E_3(20)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf) (дата обращения: 25.01.2021) – Текст : электронный.
- [8] Кузьминов, Я. И. Ярослав Кузьминов — о развитии высшего образования в условиях цифровизации / Я. И. Кузьминов. – Текст : электронный // Ректор вуза. – 2019. – № 9. – URL: <https://panor.ru/articles/yaroslav-kuzminov-o-razvitii-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyakh-tsifrovizatsii/5309.html>.
- [9] Кузьминов, Я. И. Высшее образование в России : тенденции и возможные решения. Выступление на Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов на Клязьме» 10 июля 2018 года / Я. И. Кузьминов. – URL: <https://www.hse.ru/news/edu/298333825.html> (дата обращения: 15.02.2021). – Текст : электронный.
- [10] Анализ положения выпускников с высшим и средним профессиональным образованием на рынке труда в России / ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России. – 2019. – URL: <https://spravochnik.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 15.01.2021) – Текст : электронный.
- [11] Россия и Франция в мировом образовательном пространстве. Аналитический доклад / И. Н. Барциц, Е. В. Пономаренко, К. Е. Быков [и др.] ; под общей редакцией И. Н. Барцица ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт государственной службы и управления. – Москва : Дело, 2017. – 395 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Золин, И. Е. Социальные факторы регулирования Российского рынка труда : специальность 22.00.03 «Экономическая социология и демография» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Золин Игорь Евгеньевич ; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2020. – 310 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Россия в цифрах 2019. Краткий статистический сборник / Росстат. Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2019. – 549 с. – URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rus19.pdf> (дата обращения: 25.01.2021) – Текст : электронный.
- [14] Индикаторы образования : 2020. Статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 494 с. – Текст : непосредственный.

- [15] Бюллетень о сфере образования. Развитие негосударственных вузов в России / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Выпуск № 15, март 2018. – 18 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Россия в цифрах 2018. Краткий статистический сборник / Росстат. Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2018. – 522 с. – URL : https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (дата обращения: 25.01.2021) – Текст : электронный.
- [17] Федоляк, В. С. Несоответствие рынка образовательных услуг требованиям рынка труда : причины и способы преодоления / В. С. Федоляк. – Текст : электронный // Профессиональная ориентация : электронный научный журнал. – 2018. – № 2. – С. 49–53. – URL: <https://niiparadigma.ru/projects/journals/proforientaciya/8/> (дата обращения: 22.02.2021).
- [18] Guseva, V. Structural changes in the professional training of higher education students in Russia. – Direct text // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 8, Issue 23. – P. 693–706.
- [19] Соловьёв, А. С. Исследование рынка онлайн-образования в России / А. С. Соловьёв, А. Дорофеева. – 2020. – URL: <https://ed-barometer.ru/> (дата обращения: 23.01.2021). – Текст : электронный.
- [20] Древаль, М. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий : [презентация] / М. Древаль. – URL: <https://estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255> (дата обращения: 25.01.2021). – Текст : электронный.
- [21] Рейтинги стран мира по уровню расходов на образование. Институт статистики ЮНЕСКО. The World Bank Group. – Текст : электронный // Гуманитарный портал : сайт. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 21.02.2021).
- [22] 12 Solutions for a New Education : Report by the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics / National Research University Higher School of Economics ; Edited by Y. Kuzminov, I. Froumin. – Moscow, 2018. – 99 p. – URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>. – Text : electronic.
- [23] Обучение и образование взрослых : востребованные программы, возрастная и отраслевая структуры/ И. А. Коршунов, К. С. Кужелева, Б. А. Грачев, К. А. Сергеев ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2018. – 44 с. – (Факты образования. – № 1 (16)). – Текст : непосредственный.
- [24] Российский рынок EdTech в дополнительном профессиональном и дополнительном образовании взрослых. – Текст : электронный // Интерфакс : сайт. – 2020. – 3 февраля. – URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4257/> (дата обращения: 25.01.2021).
- [25] Интернет-доступ : мировой рынок. – Текст : электронный // Tadviser : сайт. – URL: <https://www.tadviser.ru/a/53635> (дата обращения: 25.01.2021).
- [26] Цифровая экономика : 2020 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 112 с. – URL: <https://issek.hse.ru/digec2020> (дата обращения: 25.01.2021). – Текст : электронный.

- [27] Guseva, V. E. Effect of Media and Non-Media Factors on the Development of Online Education in Russia / V. E. Guseva, E. N. Fokina. – DOI 10.15655/mw/2020/v11i4/204636. – Direct text // Media Watch. – 2020. – Vol. 11, Issue 4. – P. 668–678.
- [28] Кузнецов, Н. В. Онлайн-образование : ключевые тренды и препятствия / Н. В. Кузнецов. – DOI 10.26425/2658-3445-2019-1-19-25. – Текст : непосредственный // E-Management. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 19–25.

References

- [1] Bulaeva, S. V., & Isaeva, O. N. (2012). Sistema mirovogo obrazovaniya: sovremennye tendentsii razvitiya. Ryazan, 128 p. (In Russian).
- [2] Kuzovenkova, K. O. (2018). Educational globalization, internationalization and integration as factors for forming global educational system. Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik, 6(3(20)), pp. 47-55. (In Russian).
- [3] Bartsits, I. (2018). Integration and Competition in Education : World Experience. (In Russian). Available at: https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/obshchestvennye-organizatsii/presidium/%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%86_%D1%84%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC-%D0%9F%D0%9F%D0%A1_01.02.18_3.pdf
- [4] Fokina, E. (2019). Factors in the development of the education system in Russia. Amazonia Investiga, 8(23), pp. 720-733. (In English).
- [5] Perevozchikova, N. A., & Vasilenko, T. D. (2018). The conceptual basis of the mechanism of co-operation between the labour market and market of educational services. Vestnik of institute of economic research, (1(9)), pp. 14-21. (In Russian).
- [6] Muravyeva, A. A., Oleynikova, O. N., & Viktorova, A. O. (2019). Key vectors of higher education development: international outlook. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: social sciences, (4(56)), pp. 311-320. (In Russian).
- [7] Abankina, I. V., Belikov, A. A., Gaponova, O. S., Dudyrev, F. F., Koreshnikova, Yu. N., Korshunov, I. A.,... Frumin, I. D. (2018). Global competitiveness of Russian education. Discussion materials. (In Russian). Available at: [https://ioe.hse.ru/data/2018/09/06/1155163187/%D0%A1%D0%90%D0%9E_3\(20\)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2018/09/06/1155163187/%D0%A1%D0%90%D0%9E_3(20)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf)
- [8] Kuzminov, Ya. I. (2019). Yaroslav Kuzminov - o razvitiy vysshego obrazovaniya v usloviyakh cifrovizatsii. Rektor vuza, (9). (In Russian). Available at: <https://panor.ru/articles/yaroslav-kuzminov-o-razvitiy-vysshego-obrazovaniya-v-usloviyakh-tsifrovizatsii/5309.html>
- [9] Kuzminov, Ya. I. (2018). Vysshee obrazovanie v Rossii: tendentsii i vozmozhnye resheniya. Vystuplenie na Vserossiyskom molodezhnom obrazovatel'nom forume "Territoriya smyslov na Klyaz'me". July 10, 2018. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/news/edu/298333825.html>
- [10] Analiz polozheniya vypusknikov s vysshim i srednim professional'nym obrazovaniem na rynke truda v Rossii. (2019). (In Russian). Available at: <https://spravochnik.rosmintrud.ru>

- [11] Bartsits, I. N., Ponomarenko, E. V., Bykov, K. E., Bystryakov, A. Ya., Vidal', F., Krasnova, G. A.,... Tagirova, Sh. V. (2017). *Rossiya i Frantsiya v mirovom obrazovatel'nom prostranstve. Analiticheskiy doklad*. Moscow, Delo Publ., 395 p. (In Russian).
- [12] Zolin, I. E. (2020). *Sotsial'nye faktory regulirovaniya Rossiyskogo rynka truda*. Diss. ... dokt. sotsiol. nauk. Nizhny Novgorod, 310 p. (In Russian).
- [13] *Russia in figures 2019. Statistical handbook*. (2019). Moscow. (In Russian). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rus19.pdf>
- [14] Bondarenko, N., Borodina, D., Gokhberg, L., Kovaleva, N., Kuznetsova, V., Ozerova, O.,... Schugal, N. (2020). *Indicators of Education in the Russian Federation: 2020: Data Book*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 496 p. (In Russian).
- [15] *Byulleten' o sfere obrazovaniya. Razvitie negosudarstvennykh vuzov v Rossii*. (2018). Issue 15, March, 2018, 18 p. (In Russian).
- [16] *Russia in figures 2018. Statistical handbook*. (2018). Moscow. (In Russian). Available at: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf
- [17] Fedolyak, V. S. (2018). *Nesootvetstvie rynka obrazovatel'nykh uslug trebovaniyam rynka truda : prichiny i sposoby preodoleniya*. *Professional'naya orientatsiya*, (2), pp. 49-53. (In Russian). Available at: <https://niiparadigma.ru/projects/journals/proforientaciya/8/>
- [18] Guseva, V. (2019). *Structural changes in the professional training of higher education students in Russia*. *Amazonia Investiga*, 8(23), pp. 693-706. (In English).
- [19] Solovyov, A. S. & Dorofeeva, A. (2020). *Research of the online education market in Russia*. (In Russian). Available at: <https://ed-barometer.ru/>
- [20] Dreval', M. *Issledovanie rossiyskogo rynka onlayn-obrazovaniya i obrazovatel'nykh tekhnologiy*. (In Russian). Available at: <https://estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255>
- [21] *Rankings of countries in the world by the level of spending on education*. UNESCO Institute for Statistics. The World Bank Group. (In Russian). Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure>
- [22] Kuzminov, Y., & Froumin, I. (Eds) (2018). *12 Solutions for a New Education: Report by the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 99 p. (In English). URL: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1848-9>
- [23] Korshunov, I. A., Kuzheleva, K. S., Grachev, B. A., & Sergeev, K. A. (2018). *Obuchenie i obrazovanie vzroslykh: vstrebovannye programmy, vozrastnaya i otraslevaya struktury*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 44 p. (In Russian).
- [24] *Rossiyskiy rynek EdTech v dopolnitel'nom professional'nom i dopolnitel'nom obrazovanii vzroslykh*. (2020). (In Russian). URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4257/>
- [25] *Internet access: the world market*. (In English). Available at <https://www.tadviser.ru/a/53635>
- [26] Abdrakhmanova, G. I., Vishnevskiy, K. O., Gokhberg, L. M., Dem'yanova, A. V., Kevesh, M. A., Kovaleva, G. G.,... Shugal', N. B. (2020). *Tsifrovaya ekonomika: 2020: kratkiy statisticheskiy sbornik*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ., 112 p. (In Russian). Available at: <https://issek.hse.ru/digec2020>

- [27] Guseva, V. E., & Fokina, E. N. (2020). Effect of Media and Non-Media Factors on the Development of Online Education in Russia. *Media Watch*, 11(4), pp. 668-678. (In English). DOI: 10.15655/mw/2020/v11i4/204636
- [28] Kuznetsov, N. V. (2019). Online Education: Key Trends and Barriers. *E-Management*, 2(1), pp. 19-25. (In Russian). DOI: 10.26425/2658-3445-2019-1-19-25

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 27/07/2021

Принята к публикации / Accepted: 25/08/2021

УДК 378.01

Неуспешные студенты: социологический анализ их человеческого капитала

Гарольд Ефимович Зборовский, Полина Анатольевна Амбарова

*Кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу человеческого капитала неуспешных студентов колледжей и вузов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью «сбережения» и развития человеческого капитала проблемной учащейся молодежи в условиях трансформации среднего профессионального и высшего образования в России. Мы обосновываем необходимость рассмотрения студентов колледжей и вузов во взаимосвязи, как двух образовательных общностей, имеющих много общих характеристик человеческого капитала и условий его формирования. Связь двух образовательных общностей определена процессами трансфера человеческого капитала в системе профессионального образования и трансформацией образовательных треков учащейся молодежи. Представлен авторский теоретико-методологический подход, концептуализирующий феномены образовательной неуспешности студентов и их человеческого капитала в системе профессионального образования. Авторский подход верифицирован в эмпирическом исследовании, осуществленном в 2019–2021 гг. в Свердловской области. Сформулированы выводы о ключевых характеристиках человеческого капитала неуспешных студентов региона.

Ключевые слова: образовательная неуспешность, студенты, высшее образование, среднее профессиональное образование, человеческий капитал образовательных общностей.

Unsuccessful students: a sociological analysis of their human capital

Garold E. Zborovsky, Polina A. Ambarova

*Department of Sociology and Public and Municipal Administration Technologies,
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the human capital of unsuccessful college and university students. The relevance of the study is determined by the need to "save" and develop the human capital of students in the context of the transformation of secondary vocational and higher education in Russia. We substantiate the need to consider students of colleges and universities in the relationship, as two educational communities that have many common characteristics of human capital and the conditions for its formation. The connection between the two educational communities is determined by the processes of human capital transfer in the system of vocational education and the transformation of the educational tracks of students. The article presents our (author's) theoretical and

methodological approach, which conceptualizes the phenomena of students' educational failure and their human capital in the system of professional education. Our approach is verified in an empirical study, which has been carried out in 2019-2021 in Sverdlovsk region. Conclusions are drawn about the key characteristics of the human capital of unsuccessful college and university students in the region.

Keywords: educational failure, students, higher education, secondary vocational education, human capital of educational communities.

Введение

Российское профессиональное образование, как среднее, так и высшее, переживает непростые времена. Постоянно предпринимаемые попытки его реформирования, модернизации, оптимизации привели к результатам, которые трудно оценить однозначно. Немалую роль в этом сыграла и пандемия коронавируса [1; 2]. Тотальный переход образования на онлайн-режим и дистанционную форму обучения не мог не сказаться на отношении студентов к образованию. Аналитика свидетельствует об ухудшении его качества, снижении успеваемости и мотивации студентов к учебе [3; 4]. Согласно результатам наших исследований, проведенных в колледжах и вузах Свердловской области в 2019–2020 гг., возникла парадоксальная ситуация, когда студентам стало легче сдавать экзамены и зачеты, а вот получать действительно качественные знания труднее [5]. У многих учащихся появились такие признаки ухудшения социального самочувствия, как усталость, разочарование, прокрастинация [6; 7]. В условиях вынужденного онлайн-режима практически неадаптированными оказались первокурсники: они не смогли усвоить нормы учебного труда, его временной организации, культуру академического взаимодействия [8].

Одной из тенденций, обусловленных проблемами российского профессионального образования, стало увеличение числа неуспешных студентов в колледжах и вузах [9–11]. Ситуация осложняется тем, что основное внимание там уделяется успешным студентам. Для работы же с неуспешными отсутствуют необходимые человеческие, временные, финансовые, организационные ресурсы, вследствие чего усиливается не только академическое, но и социальное неравенство российского студенчества. Другой причиной образовательной неуспешности студентов являются сохраняющиеся разрывы в требованиях к качеству их человеческого капитала. В этом смысле колледжи отстают от вузов, а вузы — от рынка труда. Неуспешным студентам колледжа трудно продолжить обучение в вузе, неуспешные выпускники и тех и других нередко остаются невостребованными в профессиональном плане, что, безусловно, говорит о проблемах их обучения и профессионального самоопределения.

Качество профессионального образования, доверие общества к нему определяются способностью колледжей и вузов «произвести» качественный человеческий капитал молодежи. Обозначенная выше проблема неуспешных студентов сигнализирует о негативных тенденциях и наличии рисков, которые сопровождают этот процесс. Неслучайно растет недоверие к российскому образованию со стороны родителей и работодателей [12; 13], снижается его ценность в глазах молодежи [14]. Попытки госу-

дарства переориентировать российскую молодежь на получение среднего профессионального образования (СПО) в противовес высшему, по мнению исследователей, сегодня несостоятельны в плане решения проблемы качества человеческого капитала [15; 16]. Они также несут в себе риски как для самой молодежи, так и для рынка труда и экономики [17]. Соответственно, выработка системного подхода к преодолению состояния неуспешности значительной части студенчества как вузов, так и колледжей может быть (и должна стать) ключевым решением повышения качества человеческого капитала современной учащейся молодежи России.

Предложенный к рассмотрению в статье вопрос о человеческом капитале неуспешных студентов СПО и высшей школы представляется нам вполне обоснованным в силу тесной связи этих двух уровней профессионального образования. В ходе трансфера человеческого капитала образовательных общностей из колледжей в вузы последние «наследуют» образовательную неуспешность, хотя до недавнего времени выпускники колледжей считались одной из лучших составляющих вузовского контингента, а образовательный трек «колледж — вуз» рассматривался многими в качестве оптимального для достижения образовательного и профессионального успеха [18; 19]. Выбор неуспешных студентов в качестве объекта исследования определяется не только остротой выявленного социального противоречия, но и критической функцией социологии, обращающей внимание прежде всего на проблемные социальные группы. Исследование человеческого капитала неуспешных студентов позволяет объяснить скрытые, но очень сильные риски на пути реализаций стратегических планов развития российского образования.

Целью статьи является социологический анализ человеческого капитала неуспешных студентов. В первой части статьи будет рассмотрена теоретико-методологическая рамка, позволившая концептуализировать феномен образовательной неуспешности студентов и их человеческого капитала. Во второй части статьи изложены результаты эмпирического исследования учащейся молодежи одного из российских регионов (Свердловской области) и аргументированы некоторые выводы относительно состояния человеческого капитала неуспешных студентов.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой статьи послужили результаты исследования, проведенного научной группой Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина под руководством Г. Е. Зборовского в 2019–2021 гг. Для разработки концептуальных подходов к исследованию образовательной неуспешности студентов и их человеческого капитала были использованы результаты полуструктурированных интервью с преподавателями и руководителями учебных заведений среднего профессионального и высшего образования Свердловской области (2019–2020 гг., n = 24).

С целью изучения основных характеристик человеческого капитала студентов был проведен массовый онлайн-опрос студентов учреждений среднего профессионального и высшего образования Свердловской области (январь — февраль 2021 г.). В опросе студентов СПО применялась стратифицированная выборка (гнездовой отбор из

каждой страты), объем выборочной совокупности данной группы студентов — 1 349 человек. Для отбора студентов вузов была использована квотная выборка, объем выборочной совокупности — 953 человека. Ошибка выборки не превышала 2 %.

Для общей характеристики российского студенчества и студенчества Свердловской области были использованы методы анализа статистических данных об учащих учреждениях СПО и высшего образования (ВО) РФ и рассматриваемого региона, а также вторичного анализа данных исследований, близких к теме статьи.

Результаты и обсуждение

Теоретико-методологическая рамка изучения человеческого капитала неуспешных студентов

Студенты колледжей и вузов как образовательные общности представляют собой взаимосвязь (совокупность) учащихся, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, связанных с получением профессионального (среднего и высшего) образования, специальности и профессии, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, схожих возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

Общностный подход позволяет нам структурировать студенческую общность, выявляя специфику ценностного сознания и деятельности отдельных ее групп и в то же время показывая их общие черты и взаимосвязи. Принципы общностного подхода определяют возможности типологизации студенчества в контексте проблемы образовательной (не)успешности. Так, нами были выделены и проанализированы успешные и неуспешные студенты, а также обоснована типология студентов в зависимости от их положения в структуре образовательной общности («ядро», «полупериферия» и «периферия»). В исследовании использован основной принцип общностной методологии — рассмотрение основных характеристик студенчества и проблем формирования его человеческого капитала как результатов взаимодействий, в которые оно включается в сфере образования.

Как правило, в научной литературе студенты СПО и вузов рассматриваются отдельно друг от друга. Однако в свете меняющегося соотношения среднего профессионального и высшего образования, а также их роли в определении жизненных и профессиональных траекторий больших групп российской молодежи нам представляется не только возможным, но и необходимым интегрировать две общности в одном объекте исследования. В современном российском профессиональном образовании происходит изменение институциональных доминант, обусловленное сокращением сектора высшей школы и расширением среднего профессионального образования. Изменяя институциональные фильтры входа в сферу профессионального образования, государство перераспределяет потоки учащейся молодежи в пользу СПО, а значит, задает новые условия формирования и движения ее человеческого капитала. Целью таких трансформаций декларируется повышение качества человеческого капитала выпускников колледжей, его

конкурентоспособности в различных сферах общественной жизни, включая рынок труда. В то же время человеческий капитал студентов вузов в определенной своей части формируется за счет выпускников колледжей, а значит, важно понимать особенности их трансфера из СПО в вузы. Кроме того, рынок труда и производство также дают смешанные сигналы-запросы на выпускников СПО и высшей школы и должны в равной степени адаптироваться к качеству человеческого капитала и тех, и других. Из такого понимания взаимосвязи между двумя общностями студентов вытекает один из важнейших методологических принципов нашего исследования.

Концептуализация феномена образовательной успешности/неуспешности студентов базируется на широкой теоретико-методологической основе, имеющей междисциплинарный характер. Более подробно результаты ее анализа изложены в предыдущей нашей публикации [20]. В данной статье акцент сделан на феномене образовательной неуспешности студентов. Под ней мы понимаем качественную характеристику их деятельности в процессе обучения и взаимодействия с другими образовательными общностями и организациями, результатом которого становится расхождение между личными академическими достижениями и образовательным уровнем студентов, с одной стороны, и общественными ожиданиями — с другой. Теоретический анализ и обобщение материалов интервью с представителями вузов и колледжей (2019–2020) позволили выделить следующие основные признаки образовательной неуспешности студентов: слабые предметные и метапредметные компетенции, определяющие неготовность осваивать образовательные программы; недостаточная мотивация на учебу и научно-исследовательскую работу; трудности профессионального самоопределения, социальной достижительности; склонность к академическому мошенничеству; наличие негативных социальных эмоций, связанных с образованием (заниженная самооценка, неудовлетворенность, обида, неуверенность в себе). Кроме того, в авторской концепции образовательной (не)успешности мы обосновали необходимость двух измерений данного феномена — субъективного (строится на самопричислении студентов к категории неуспешных) и объективного (строится на объективных показателях академической успеваемости: оценки, отсутствие академических задолженностей).

Феномен образовательной неуспешности студентов тесно связан с качеством их человеческого капитала. С одной стороны, накопленный до поступления в учебное заведение человеческий капитал служит предиктором успешного обучения студента. С другой стороны, профессиональное образование является сферой, где происходит дальнейшее развитие, обогащение человеческого капитала молодого человека как предпосылки его социальной и профессиональной успешности. Изучение человеческого капитала студентов и его трансфера в системе образования базируется на теории человеческого капитала и более широко — на ресурсном подходе. Данный подход позволяет выявить и раскрыть различные виды противоречий, препятствующих качественному развитию человеческого капитала студентов. Он дает широкую классификацию ресурсов (личностных, организационных, общностных и т. д.), необходимых для достижения образовательной успешности или преодоления образовательной неуспешности, а также понимание взаимоувязанности механизмов распределения

ресурсов с политическими, организационными, социально-стратификационными и иными механизмами.

Именно ресурсный подход позволяет преодолеть ограничения, которые накладывает классическая теория человеческого капитала на исследование человеческого капитала образовательных общностей. Прежде всего, эти ограничения связаны с тем, что студенты не могут в полной мере капитализировать свое образование в ходе обучения, а значит, мы не можем оценить качество их человеческого капитала по приросту дохода, который дает им сформированный в колледже или вузе человеческий капитал. Кроме того, студенты еще учатся, у многих дальнейшие образовательные и жизненные траектории не определены, что может означать пролонгацию их обучения. Это приводит к невозможности применения классического инструмента измерения человеческого капитала по количеству лет обучения. Учитывая названные и иные ограничения имеющихся в науке трактовок человеческого капитала, мы предложили связать интерпретацию этого понятия с ресурсностью студенчества и важнейшей целью его пребывания в колледжах и вузах — достижением образовательного успеха.

Таким образом, в нашем исследовании человеческий капитал студентов трактуется как совокупность накопленных ими когнитивных, поведенческих и предиктивных ресурсов, которые позволяют им достигать определенного уровня образовательной успешности. Структура человеческого капитала студентов образована, соответственно, ресурсами когнитивными (знаниями, умениями, навыками, интегрированными в компетенции), некогнитивными или поведенческими (образовательной мотивацией и стремлением к достижительности; способностью и готовностью к профессиональному самоопределению; ценностными ориентациями на учебный труд, образование как на сферу самореализации), предиктивными (капиталом здоровья, культуры, нравственности).

Трансфер человеческого капитала студентов — еще один концепт, представление которого завершает рассмотрение теоретико-методологической рамки данной статьи. Под ним предлагается понимать движение человеческого капитала учащейся молодежи в системе профессионального образования (между ее уровнями, сегментами и организациями), институционально и организационно оформленное и приводящее к его перераспределению как внутри сферы образования, так и за ее пределами. Логика трансферов человеческого капитала различных групп студенчества должна быть выстроена таким образом, чтобы они могли приводить к повышению его качества и увеличению его стоимости. В этом смысле дизайн каналов и механизмов трансфера должны обеспечивать условия, при которых образовательная активность студентов будет создавать специфическую «добавленную» стоимость — новый уровень знаний, умений, навыков, других свойств, имеющих ценность для представителей образовательных общностей и иных социальных субъектов. Однако мы понимаем, что реальные процессы образования не всегда сопряжены с изменениями качества человеческого капитала студентов в соответствии с потребностями и ожиданиями общества. Следовательно, его трансфер может иметь как позитивный вектор, приводящий к обогащению человеческого капитала российского студенчества, так и негативный, результатом которого и становится образовательная неуспешность.

Неуспешное студенчество как образовательная общность

Неуспешные студенты колледжей и вузов выступают частью более широкой образовательной общности — учащейся молодежи. Российское студенчество является одной из массовых социальных общностей, несмотря на значительное его сокращение (на 45 %) за последние 10 лет. Эти количественные трансформации происходили в силу демографических и социально-экономических причин, изменения приоритетов государственной образовательной политики. Если в 2010–2011 учебном году по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры обучались почти 7 050 000 студентов, то к концу десятилетия их осталось чуть больше 4 161 000 человек. От общей численности населения страны (около 146 млн чел.) вузовское студенчество составляет сегодня почти 3 %. В 2010–2011 учебном году по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих проходили обучение 1 006 000 чел., по программам подготовки специалистов среднего звена — 2 125 700 человек. Сегодня первых оказалось в 2 раза меньше (542,1 тыс. чел.), вторых — почти на 340 тыс. больше (2 464 300 чел.). Общая численность студентов СПО — 3 006 000 чел. или порядка 2 % от численности населения страны. Все студенчество, включая учащихся учреждений СПО и вузов, к концу 2010 г. составило около 5 % населения России [21; 22].

Во многих отношениях студенчество — неоднородная образовательная общность. Среди оснований его структурирования можно выделить демографические (возраст, пол, тип поселения, в котором жил и учился до учебного заведения студент, семейный статус), экономические (доход родителей, их материальная помощь, материальный уровень, включенность в трудовую деятельность и трудовая занятость, в случае внебюджетного обучения его оплата), культурные (связанные с наличием разных уровней культурного капитала) и другие характеристики. В данной статье для нас важна дифференциация студентов по такому критерию, как образовательная успешность/неуспешность и соответствующее ему структурирование. Традиционно по этому критерию выделяют отличников, «хорошистов», троечников, «перебивающихся» с двойки на тройку, неуспевающих. Однако понятие образовательной успешности связано не только с оценками, но и с другими показателями академической активности студентов. Мы предложили более широкую его трактовку, которая позволяет вписать стоящий за ним феномен не только в образовательный, но и в социальный контекст.

Таким образом, мы можем выделить в структуре современного студенчества успешных и неуспешных в образовательном плане. Но и такое «черно-белое» деление не отражает реальной картины достижений современных студентов, упрощает ее. Поэтому для описания и анализа структуры студенчества по критерию его образовательной успешности мы предлагаем выделить в этой общности «ядро», «полупериферию» и «периферию». «Ядро» студенчества — это те его группы, которые демонстрируют заметные академические результаты, успехи в области научных исследований, открытий, изобретений, социальной активности, культуры, искусства, спорта. Это авангард всей общности, ее своеобразный локомотив. К «полупериферии» могут быть отнесены группы студентов, частично добивающихся достижений в названных областях деятельности, в первую очередь в образовательной. За счет этой, наиболее массовой части российское студенчество воспроизводит себя как образовательная общность. «Периферия»

студенчества включает те его группы, которые не имеют и не стремятся к получению сколько-нибудь заметных результатов ни в одной из названных сфер, прежде всего в образовательной, по определению являющейся приоритетной. Именно «периферия» является наиболее проблемной в плане формирования и реализации человеческого капитала.

В онлайн-опросе 2021 года студентов вузов и колледжей Свердловской области нами была предпринята попытка выделения групп успешных и неуспешных учащихся по двум основаниям, которые имеют субъективную и объективную природу. Как мы отмечали при описании теоретической рамки, субъективное измерение базировалось на самоидентификации студентов с группами успешных/неуспешных учащихся, объективное измерение — на оценках, получаемых студентами. При этом определенным ограничением исследования выступало то обстоятельство, что студенты сами указывали свою успеваемость, и здесь могла сработать тенденция завышенной самооценки или социально одобряемых ответов.

По результатам опроса большинство студентов вузов и СПО считают себя скорее успешными, чем неуспешными (табл. 1). Мы идентифицировали данную группу как представителей «полупериферии». На втором месте стоят представители «ядра» (они однозначно считают себя успешными в обучении), на третьем — «периферии». При этом заметно отличие студентов вузов от студентов колледжей: среди них почти в 1,5 раза больше тех, кто отнес себя к «ядру», и в 2 раза меньше тех, кто причислил себя к «периферии». На данный факт важно обратить внимание в дальнейшем при оценке условий развития человеческого капитала студентов вузов и колледжей.

Таблица 1

**Самоидентификация студентов вузов и СПО с группами успешных/неуспешных
(в % от числа опрошенных)**

<i>Считаете ли Вы себя успешным в обучении?</i>	Студенты вузов	Студенты СПО
Да	25,4	18,1
Скорее да, скорее нет	71,8	76,0
Нет	2,8	5,9

По объективному критерию распределение студентов по зонам «ядра», «полупериферии» и «периферии» отражает иную тенденцию. Большинство студентов вузов и СПО можно отнести к «полупериферии» (они учатся на «4 и 5» или «4 и 3») (табл. 2). Между тем среди студентов вузов намного больше представителей «ядра» (то есть тех, кто учится на «5» или «4 и 5»). Вузовские студенты «периферии» составляют только десятую долю от числа всех обучающихся, в то время как неуспешные студенты СПО, относящиеся к «периферии», составляют почти четверть всего контингента.

Таблица 2

Соотношение успешных/неуспешных студентов вузов и СПО по объективному критерию успеваемости (в % от числа опрошенных)

На какие оценки Вы учитесь?	Студенты вузов	Студенты СПО
«5» и «4 и 5»	40,1	22,4
«4 и 5» и «4 и 3»	48,9	54,2
«3» и «неаттестация»	11,0	23,4

Сочетание двух критериев (субъективного и объективного) дает следующую структуру студенчества в контексте проблемы образовательной (не)успешности. Среди тех, кто объективно относится к «ядру», однозначно считают себя успешными в образовании 41,4 % студентов вузов и 44 % студентов СПО (табл. 3). Более половины студентов «ядра» отнесли себя к скорее успешным, чем неуспешным. Подавляющее большинство (более 80 %) студентов «полупериферии» считают себя скорее успешными, и в этом смысле их самооценка совпадает с объективными показателями академической успеваемости. Большинство (более 80 %) студентов «периферии» также отнесли себя к скорее успешным. Однако среди представителей «периферии» в несколько раз больше тех, кто субъективно идентифицирует себя с образовательной неуспешностью. Таким образом, мы видим, что между объективной стороной образовательной успешности студентов и их самооценкой существуют определенные расхождения: не всегда отличники считают себя успешными, а отстающие студенты не всегда желают выглядеть неуспешными.

Таблица 3

Самоидентификация студентов вузов и СПО с различными показателями академической успеваемости (в % от числа опрошенных)

Считаете ли Вы себя успешным в обучении?	На какие оценки Вы учитесь?					
	«5» и «4 и 5» («ядро»)		«4 и 5» и «4 и 3» («полупериферия»)		«3» и «неаттестация» («периферия»)	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
Да	41,4	44,0	17,6	14,0	1,9	3,2
Скорее да, скорее нет	57,8	55,0	80,9	82,4	81,9	81,0
Нет	0,8	1,0	1,5	3,6	16,2	15,8

Иная картина структуры студенчества складывается при рассмотрении успеваемости студентов с различной самоидентификацией (табл. 4). 65,3 % студентов вузов и 54,3 % студентов колледжей считают себя успешными и учатся преимущественно на «5». Более половины студентов вузов и колледжей, считающих себя скорее успешными, действительно, по своим оценкам относятся к «полупериферии».

Более 60 % студентов, идентифицировавших себя с неуспешными, объективно учатся на «3» и имеют угрозу неаттестации.

Таблица 4

*Академическая успеваемость студентов вузов и СПО с различной самоидентификацией
(в % от числа опрошенных¹)*

На какие оценки Вы учитесь?	Считаете ли Вы себя успешным в обучении?					
	Да		Скорее да, чем нет		Нет	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
«5» и «4 и 5» («ядро»)	65,3	54,3	32,3	16,2	11,1	3,8
«5» и «4 и 5» («ядро»)	33,9	41,6	55,1	58,8	25,9	32,9
«3» и «неаттестация» («периферия»)	0,8	4,1	12,6	25,0	63,0	63,3

В заключение данного фрагмента статьи, посвященного общей характеристике неуспешного студенчества, необходимо подчеркнуть, что в институциональном контексте имеют значение, прежде всего, объективные показатели образовательной (не)успешности. В связи с этим в дальнейшем мы будем анализировать группу неуспешных студентов, идентифицированную по показателям их академической успеваемости. При этом мы делаем поправку на возможные искажения общей картины в силу стремления студентов к социально одобряемым ответам при оценке своей академической успеваемости и образовательной успешности, принимаем во внимание несовершенство систем оценивания, принятых в российских колледжах и вузах. Кроме того, имеем в виду, что в селективных вузах и колледжах даже сильные студенты нередко имеют не очень высокие оценки, попадают в группу риска и подвергаются отсеву. Однако, несмотря на эти обстоятельства, мы можем более или менее ясно представить себе границы группы неуспешных студентов колледжей и вузов, а также выделить модальные характеристики и особенности их человеческого капитала.

Характеристика человеческого капитала неуспешных студентов

Первую группу элементов человеческого капитала студентов составляют *когнитивные ресурсы*. Поскольку их содержание определяется многообразными образовательными стандартами, то входящие в эту группу предметные и метапредметные знания, умения, навыки (образовательные компетенции) представляют собой чрезвычайно дифференцированную и трудно поддающуюся эмпирической верификации категорию. В исследовании был применен методический прием, согласно которому когнитивные ресурсы не дифференцировались в зависимости от направления подготовки и образова-

¹ По студентам вузов коэффициент Крамера = 0,294; по студентам СПО коэффициент Крамера = 0,306.

тельной программы, а замерялись через три показателя: 1) ценностное отношение студентов к ним; 2) удовлетворенность студентов состоянием данного элемента; 3) активность по его формированию и развитию.

Качество когнитивной ресурсности во многом зависит от отношения студентов к приобретаемым знаниям. Они — ядро образования и показатель его качества. Однако качество образования *не является* в глазах неуспешных студентов основанием достижения жизненного успеха. У студентов вузов этот фактор занял 7-е место в списке из 10 позиций, у студентов колледжей — только 9-е. Примечательно, что у студентов вузов документ об образовании, рассматриваемый студентами колледжа как необходимое «приобретение» (он занял 6-ю позицию из 10), в списке факторов жизненного успеха тем не менее занял только предпоследнюю позицию — 9-ю. Подтверждает данный вывод согласие большинства неуспешных студентов с суждениями о том, что «полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для “корочек”» и «образование сейчас потеряло свое значение и не гарантирует успеха в жизни».

Коррелирует такое отношение к знаниям с неудовлетворенностью студентов объемом и качеством получаемых знаний, умений и навыков. Мы полагаем, что данная ситуация, парадоксальная на первый взгляд, отражает в целом низкий уровень удовлетворенности неуспешных студентов своей образовательной деятельностью. Большинство из них не удовлетворено своим отношением к учебе (62,9 % студентов вузов², 56,3 % студентов колледжей³) и своими достижениями в ней (66,7 % студентов вузов⁴, 50,6 % студентов колледжей⁵).

В то же время, согласно результатам опроса, большинство неуспешных студентов индифферентно относятся к возможностям развивать знания в вузе и колледже, а также через систему дополнительного и информального образования. Примерно половина таких студентов вузов (47,6 %) ⁶ и более половины студентов колледжей (56,3 %) ⁷ довольствуются теми знаниями, которые они получают во время аудиторных занятий (табл. 5). Примерно для 25 % неуспешных обучающихся знания, получаемые в учебном заведении, вообще не имеют значения для дальнейшей жизни и работы. 57,1 % неуспешных студентов вузов и 75,3 % неуспешных студентов колледжей не занимаются в настоящее время каким-либо видом дополнительного образования, обосновывая это отсутствием необходимости, а также отсутствием времени.

В целом у студентов «периферии» с необходимостью повышать уровень знаний связаны не самые положительные мысли и чувства (табл. 6). Примерно одинакова доля студентов вузов и колледжей, которым этот вопрос безразличен. Хотя определенную разницу между студентами вузов и колледжей мы все же видим. Среди первых на 10 % больше тех, кого необходимость совершенствовать знания мотивирует на образова-

² Коэффициент Крамера = 0,272.

³ Коэффициент Крамера = 0,271.

⁴ Коэффициент Крамера = 0,338.

⁵ Коэффициент Крамера = 0,259.

⁶ Коэффициент Крамера = 0,116.

⁷ Коэффициент Крамера = 0,178.

тельную активность, и немного меньше тех, кто в ответ на такую необходимость остается равнодушным и пассивным.

Таблица 5

Отношение неуспешных студентов вузов и колледжей к знаниям, которые они получают в системе образования (в % от числа опрошенных)

<i>Как Вы оцениваете свое отношение к знаниям, которые можно получить в системе образования?</i>	Студенты вузов	Студенты колледжей
Эти знания я высоко ценю, стараюсь не упускать возможности заниматься, в том числе наукой и самообразованием	26,7	19,6
Мне вполне достаточно тех знаний, которые я получаю во время уроков, лекций, семинаров, практики	47,6	56,3
Знания, которые я получаю, не имеют значения для моей дальнейшей жизни и работы, достаточно получить официальный документ об образовании	25,7	24,1

Таким образом, мы можем говорить о том, что не только объективные оценки академической успеваемости свидетельствуют о низком уровне когнитивной ресурсности неуспешных студентов, но и иные показатели. Отношение к знаниям, удовлетворенность ими, учебными достижениями, активность в приобретении образовательных компетенций отражают невысокий потенциал неуспешных студентов и неспособность к преодолению состояния образовательной неуспешности. Для определенной группы обучающихся это состояние приобретает характер застойной неуспешности.

Таблица 6

Мнение неуспешных студентов вузов и колледжей о необходимости повышения уровня знаний жизненного успеха (в % от числа опрошенных)

<i>Какие мысли и чувства возникают у Вас, когда Вы думаете о том, что нужно все время повышать свой уровень знаний</i>	Студенты вузов	Студенты СПО
Это меня мотивирует	41,0	30,7
Это меня тревожит	22,8	30,7
Мне все равно	36,2	38,6

Вторую структурную группу человеческого капитала студентов образуют *поведенческие ресурсы*, включающие образовательную и достигательную мотивацию, способность осуществлять профессиональный выбор и готовность к профессиональному самоопределению. В их основе лежат ценностные ориентации на образование и учеб-

ную активность как труд. Анализ результатов опроса показал, что сформированность образовательной мотивации выступает значимым различием между студентами «ядра», «полупериферии» и «периферии» вне зависимости от того, по какому критерию мы их выделяем — по объективному или субъективному.

Таблица 7

***Образовательная мотивация неуспешных студентов вузов и колледжей
(в % от числа опрошенных)***

<i>Какое из нижеприведенных суждений в большей мере соответствует Вашей позиции?</i>	Студенты вузов	Студенты СПО
Хочу учиться, это доставляет мне удовольствие, повышает самооценку	27,6	20,6
Понимаю, что учиться необходимо, хотя особого желания нет	52,4	66,4
Учиться не хочу, но вынужден это делать	20,0	13,0

Значительная часть неуспешных студентов вузов и колледжей слабо мотивирована на учебу (табл. 7). Более половины из них, не отличаясь особым желанием, тем не менее понимают, что учиться необходимо. А вот для 20 % вузовских студентов и 13 % студентов колледжей обучение носит абсолютно вынужденный характер — учиться эта группа студентов не желает вообще. Оценки для неуспешных студентов не имеют какого-либо мотивирующего значения: только 10,5 % вузовских студентов и 9,8 % студентов СПО они стимулируют на какую-то активность, у остальных вызывают тревогу (45,7 % студентов вузов и 50 % студентов колледжей) и безразличие (43,8 % и 40,2 % соответственно). В связи с этим для представителей рассматриваемой группы обучающихся становятся характерными такие деструктивные явления, как склонность к академическому мошенничеству, потеря связи с академической группой, вузом, колледжем. Они отчетливо проявились в период пандемии коронавируса, когда контроль за учебной работой и дисциплиной студентов был снижен.

О неустойчивости образовательной мотивации неуспешных студентов также свидетельствуют данные о ее динамике за последние 1–2 года (табл. 8). Как видим, в группе неуспешных оказалось больше студентов, у которых за последние два года образовательная мотивация снизилась. Отсутствие сформированной достижительной мотивации в сфере образования неуспешные студенты продемонстрировали в ответах на вопросы о научной и конкурсной активности. Только около 10 % из них участвовали и продолжают участвовать в различных конкурсах, 3 % постоянно принимают участие в научных проектах (в основном в рамках курсовой работы или проектного обучения).

Таблица 8

Динамика изменений образовательной мотивации студентов вузов и колледжей за последние 1–2 года (в % от числа опрошенных)

Как за последние 1–2 года обучения изменилось Ваше желание учиться?	На какие оценки Вы учитесь?					
	«5» и «4 и 5» («ядро»)		«4 и 5» и «4 и 3» («полупериферия»)		«3» и «неаттестация» («периферия»)	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
Усилилось	35,9	44,0	30,7	30,9	18,1	14,9
Осталось на том же уровне	35,8	33,4	40,8	39,0	31,4	43,0
Снизилось	23,8	13,9	20,6	18,3	34,3	26,6
Затрудняюсь ответить	4,5	8,7	7,9	11,8	16,2	15,5

Важной характеристикой человеческого капитала студентов выступает сформированность их профессиональной ориентации. В нашем исследовании она замерялась через представления студентов о будущей работе и их удовлетворенность выбором будущей профессии. Корреляционный анализ выявил четкую связь между уровнем академической успеваемости студентов и ясностью видения ими профессионально-трудовой перспективы. Неуспешные студенты вузов оценили свои представления о работе и профессии в среднем на 6,43 балла по 10-балльной шкале. А студенты «полупериферии» из колледжей и того ниже — только на 4,6 балла. Среди неуспешных студентов вузов и колледжей оказалось намного больше тех, кто не удовлетворен в настоящий момент выбором будущей профессии (табл. 9). Также среди них меньше работающих студентов (из-за трудностей в учебе и поиске работы). У тех неуспешных студентов, которые все-таки нашли работу, она никак не связана ни с профилем обучения, ни с будущей профессией, то есть их занятость носит стихийный характер.

Таблица 9

Удовлетворенность студентов вузов и колледжей выбором будущей профессии (в % от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены выбором будущей профессии?	На какие оценки Вы учитесь?					
	«5» и «4 и 5» («ядро»)		«4 и 5» и «4 и 3» («полупериферия»)		«3» и «неаттестация» («периферия»)	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
Скорее удовлетворен	81,9	81,5	77,3	73,2	66,7	61,7
Скорее неудовлетворен	18,1	18,5	22,7	26,8	33,3	38,3

Третья группа структурных элементов человеческого капитала студентов сформирована элементами капитала здоровья, культурного, нравственного, социального капитала, выступающими предикторами образовательной успешности. Многие из них формируются в период допрофессионального образования и по определению должны получить в вузе или колледже новый импульс к развитию. Насколько продуктивным будет у студентов процесс наращивания *предиктивных ресурсов*, зависит от социализирующего потенциала профессионального образования в целом и конкретного учебного заведения. Заметим, что замерить в онлайн-опросе в равной степени все предиктивные ресурсы не представляется возможным. Например, определенные методические трудности возникают при изучении нравственного капитала студентов. Тем не менее нам удалось зафиксировать в исследовании некоторые интересные особенности предиктивной ресурсности неуспешных студентов, которые мы и рассмотрим далее.

При изучении ценностных ориентаций студентов был выявлен безусловный приоритет ценности здоровья (1-я позиция), финансового благополучия (2-я позиция), семьи (3-я позиция у студентов СПО и 4-я позиция у студентов вузов). Как видим, это достаточно традиционный набор ценностных ориентиров, и такой ресурс успешности, как здоровье, оказался в нем на первом месте. При этом наиболее удовлетворены состоянием своего здоровья студенты «полупериферии» (табл. 10). В значительно меньшей степени довольны своим здоровьем неуспешные студенты вузов.

Таблица 10

Удовлетворенность студентов вузов и колледжей предиктивными ресурсами их человеческого капитала (в % от числа опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены в настоящий момент...	На какие оценки Вы учитесь?					
	«5» и «4 и 5» («ядро»)		«4 и 5» и «4 и 3» («полупериферия»)		«3» и «неаттестация» («периферия»)	
	ВО	СПО	ВО	СПО	ВО	СПО
Состоянием своего здоровья	65,7	68,9	67,8	73,7	56,2	68,0
Активностью в культурных мероприятиях и социальных проектах	51,6	60,9	48,5	58,5	57,1	53,8
Нравственной стороной своих поступков	89,5	87,7	87,8	82,1	76,2	74,4
Отношениями с окружающими людьми	84,3	86,4	83,5	84,5	79,0	77,8

Интересно, что такой показатель нравственного капитала студентов, как честность и принципиальность (рассматриваемый студентами в системе факторов жизненного успеха), был поставлен студентами «периферии» на одно из последних мест в

списке из 10 позиций (8-е — выбор студентов вузов, 9-е — выбор студентами колледжей). При этом подавляющее большинство студентов показали свою удовлетворенность нравственной стороной собственных поступков (см. табл. 10), хотя группа неуспешных студентов опять продемонстрировала значительно более низкий уровень удовлетворенности этим аспектом своей жизни.

О социальном капитале студентов в определенной мере может говорить значение таких ценностей, как «хорошие друзья», «признание, уважение в обществе, востребованность» и «популярность, слава». Первая из названных категорий заняла у неуспешных студентов среднюю позицию в системе ценностных ориентаций (6-е место из 15), остальные — «почетные» последние места. В целом такая расстановка вполне предсказуема: студенты во время обучения формируют свой социальный капитал за счет ближайшего окружения, то есть друзей. Возможно, другие формы социального капитала будут актуализированы ими позже, в период профессионально-трудовой деятельности. Почти все группы студентов — и успешные, и неуспешные — в большинстве своем удовлетворены своими отношениями с окружающими, но все-таки среди студентов «ядра» и «полупериферии» таких оказалось больше, чем среди представителей «периферии» (см. табл. 10).

Культурный капитал неуспешных студентов оценивался нами через значимость для них таких ценностей, как «возможность заниматься хобби, любимым занятием», «самореализация», «возможность отдыхать, путешествовать», «гармония, баланс в жизни». Из названных ценностей в равной степени для студентов вузов и студентов колледжей оказалась значима только возможность заниматься хобби, любимым занятием (4-я позиция). В оценке остальных ценностей студенты вузов и колледжей разошлись, и достаточно заметно. Так, вузовские студенты (подчеркнем, неуспешные студенты) поставили самореализацию на 3-е место (студенты колледжей — только на 9-е). Возможность отдыхать, путешествовать первые поместили на 5-е место, вторые — только на 12-е. Студенты вузов гармонию, баланс в жизни обозначили 8-й позицией, студенты колледжей — только 13-й.

Мы отошли от классического подхода к замеру культурного капитала через такие показатели, как чтение литературы, количество книг в домашней библиотеке, посещение культурных учреждений, мероприятий, сблизив свое понимание культурного и духовного капитала человека. Возможно, в этом был определенный смысл, потому что вопрос об удовлетворенности студентов их активностью в культурных мероприятиях и социальных проектах (то есть через традиционную оценку культурного капитала) особых различий между группами студентов (вузов и колледжей, успешных и неуспешных) не выявил. Разве что студентов вузовского «ядра» оказалось несколько меньше среди тех, кто удовлетворен своей культурной активностью. Впрочем, это скорее всего объясняется их вовлеченностью в учебу и отсутствием времени для активной культурной жизни.

Выводы

Первый вывод, который, казалось бы, можно было сделать по результатам исследования, заключается в том, что неуспешные студенты представляют собой весьма «неудобный» контингент колледжей и вузов, неперспективный ни для системы профессионального образования, ни для рынка труда. Они отстают от студентов «ядра» и «полупериферии» по многим когнитивным и поведенческим показателям человеческого капитала, в меньшей степени они обеспечены капиталом некоторых предиктивных ресурсов. Однако такой вывод противоречит, во-первых, гуманистической идеологии образования, во-вторых, ситуации дефицита человеческого капитала и человеческих ресурсов, сложившейся в российском обществе. Качество человеческого капитала неуспешных студентов во многом есть результат функционирования самой системы образования — как допрофессионального (школьного), так и профессионального (среднего и высшего). Рост числа носителей такого человеческого капитала — показатель неэффективности образовательного учреждения, системы образования и государственной образовательной политики. Поэтому, игнорируя необходимость системной работы с этой группой студентов и перекладывая ответственность за нее на самих студентов и их семьи, государство и система профессионального образования пытаются реформатировать институциональные обязанности. Следствием же становятся видимый рост недоверия к образованию и образовательной политике и увеличение численности группы NEET-молодежи.

Второй вывод, следующий из проведенного анализа, указывает на наличие специфики человеческого капитала студентов вузов и студентов колледжей. При, казалось бы, схожих характеристиках и проблемах вузовское студенчество обладает человеческим капиталом, по некоторым поведенческим и ценностным параметрам выгодно отличающимся от ресурсности студентов СПО. Как показало наше исследование, субъективное восприятие своей образовательной успешности/неуспешности, самооценка достижений играют не последнюю роль в формировании стратегий поведения студентов. По всей видимости, вузовская среда обладает большим социализирующим потенциалом, способствующим удовлетворенности студентов различными сторонами своей образовательной и внеобразовательной жизни, уменьшению субъективной неуспешности, стимулирующим формирование образовательной и достигательной мотивации. В свете сказанного вызывает сомнение уверенность российских полисмейкеров в том, что переориентация российской молодежи на систему СПО повлечет за собой повышение качества их человеческого капитала, адаптационных способностей выпускников колледжей к социуму и рынку труда.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

Библиографический список

- [1] Как пережили пандемию вузы и колледжи : риски и новые возможности. – Текст : электронный // Высшая школа экономики : [сайт]. – 2020. – 19 июня. – URL: <https://ioe.hse.ru/news/373725976.html> (дата обращения: 02.03.2021).
- [2] Штычно, Д. А. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии : проблемы и возможные риски / Д. А. Штычно, Л. В. Константинова, Н. Н. Гагиев. – DOI 10.21686/1818-4243-2020-5-72-81. – Текст : непосредственный // Открытое образование. – 2020. – Т. 24, № 5. – С. 72–81.
- [3] Экспертно-аналитическая записка «Аналитический обзор влияния ограничительных мер в условиях пандемии на качество образовательного процесса в СПО» / В. И. Блинов, А. И. Сатдыков, И. С. Сергеев, С. А. Осадчева. – Текст : электронный // РАНХиГС : [сайт]. – URL: <https://firo.ranepa.ru/realizatsiya-obrazovatelnoy-deyatelnosti-v-usloviyakh-pandemii/ekspertno-analiticheskie-zapiski/929-eaz-spo> (дата обращения: 04.03.2021).
- [4] Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру : международный, национальный и институциональный ответ : аналитические материалы / И. В. Аржанова, М. Ю. Барышникова, Л. В. Заварыкина [и др.]. – URL: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf> (дата обращения: 04.03.2021). – Текст : электронный.
- [5] Зборовский, Г. Е. Образовательная неуспешность российского студенчества : социологическая интерпретация проблемы / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – DOI 10.31857/S013216250012904-7. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 17–27.
- [6] Новоселова, Е. В Институте Пушкина рассказали, почему студенты больше устают от онлайн-занятий / Е. Новоселова. – Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. – 2020. – 23 марта. – URL: <https://rg.ru/2020/03/23/mariia-lebedeva-studenty-bolshe-ustaiut-ot-onlajn-zaniatij.html> (дата обращения: 05.03.2021).
- [7] Губернаторов, Е. Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения / Е. Губернаторов. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2020. – 19 августа – URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> (дата обращения: 05.03.2021).
- [8] Волкова, Б. «Кто-то на лекциях в душе моется». Первокурсники о том, как пандемия повлияла на учебу / Б. Волкова. – 2021. – 1 февраля – Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/10540951> (дата обращения: 05.03.2021).
- [9] Денисова-Шмидт, Е. В. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) / Е. В. Денисова-Шмидт, Э. О. Леонтьева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 9. – С. 86–93.

- [10] Шмелева, Е. Д. Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах / Е. Д. Шмелева, И. Д. Фрумин. – DOI 10.17323/1814-9545-2020-3-110-136. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2020. – № 3. – С. 110–136.
- [11] Молодые профессионалы для новой экономики : среднее профессиональное образование в России / Ф. Ф. Дудырев, О. А. Романова, А. И. Шабалин, И. В. Абанкина. – DOI 10.17323/978-5-7598-1937-0. – Москва : Высшая школа экономики, 2019. – 271 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Шаброва, Н. В. Предпосылки установления доверия родителей к российскому высшему образованию / Н. В. Шаброва. – DOI 10.26105/SSPU.2020.68.5.024. – Текст : непосредственный // Вестник СурГПУ. – 2020. – № 5. – С. 143–151.
- [13] Шуклина, Е. А. Вузы и стейкхолдеры : к проблеме институционального доверия / Е. А. Шуклина. – DOI 10.26105/SSPU.2020.65.2.017. – Текст : непосредственный // Вестник СурГПУ. – 2020. – № 2. – С. 21–33.
- [14] Константиновский, Д. Л. Категория доверия в исследовании выбора вуза / Д. Л. Константиновский, И. С. Кузнецов. – DOI 10.19181/socjour.2020.26.2.7266. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 82–101.
- [15] Константиновский, Д. Л. Среднее vs высшее / Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова. – DOI 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2020. – Т. 29, № 2. – С. 6–26.
- [16] Бессуднов, А. Р. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании / А. Р. Бессуднов, Д. Ю. Куракин, В. М. Малик. – DOI 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 83–109.
- [17] Клячко, Т. А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России / Т. А. Клячко, Е. А. Семионова. – DOI 10.17059/2018-3-8. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, Вып. 3. – С. 791–805.
- [18] Александров, Д. А. Мобильность без рисков : образовательный путь «в университет через колледж» / Д. А. Александров, К. А. Тенишева, С. С. Савельева. – DOI 10.17323/1814-9545-2015-3-66-91. – Текст : непосредственный // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 66–91.
- [19] Дудырев, Ф. Ф. Российское профессиональное образование : новая конфигурация студенческих потоков / Ф. Ф. Дудырев, А. И. Шабалин. – Текст : непосредственный // Университетское управление : практика и анализ. – 2015. – № 3(97). – С. 6–20.
- [20] Амбарова, П. А. Образовательная (не)успешность в зеркале зарубежных и отечественных исследований / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский. – DOI 10.15593/2224-9354/2020.3.3. – Текст : непосредственный // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2020. – № 3. – С. 44–61.
- [21] Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Ф. Э. Шереги, А. Л. Арефьев, Г. А. Ключарев, И. О. Тюрина. – Москва : Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 270 с. – Текст : непосредственный.

- [22] Индикаторы образования : 2020 : статистический сборник = Indicators of Education in the Russian Federation : 2020 / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг [и др.] ; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 496 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Kak perezhili pandemiyu vuzy i kolledzhi: riski i novye vozmozhnosti. (2020). (In Russian). Available at: <https://ioe.hse.ru/news/373725976.html>
- [2] Shtykhno, D. A., Konstantinova, L. V., & Gagiev, N. N. (2020). Transition of Universities to Distance Mode During the Pandemic: Problems and Possible Risks. *Open Education*, 24(5), pp. 72-81. (In Russian). DOI: 10.21686/1818-4243-2020-5-72-81
- [3] Blinov, V. I., Satdykov, A. I., Sergeev, I. S., & Osadcheva, S. A. *Ekspertno-analiticheskaya zapiska "Analiticheskiy obzor vliyaniya ogranichitel'nykh mer v usloviyakh pandemii na kachestvo obrazovatel'nogo protsessa v SPO"*. (In Russian). Available at: <https://firo.ranepa.ru/realizatsiya-obrazovatelnoj-deyatelnosti-v-usloviyakh-pandemii/ekspertno-analiticheskie-zapiski/929-eaz-spo>
- [4] Arzhanova, I. V., Baryshnikova, M. Yu., Zavarykina, L. V., Nagornov, V. A., & Perfil'eva, O. V. *Vliyanie pandemii COVID-19 na sektor vysshego obrazovaniya i magistraturu: mezhdunarodnyy, natsional'nyy i institutsional'nyy otvet: analiticheskie materialy*. (In Russian). Available at: <https://www.ntf.ru/sites/default/files/Vliyanie%20pandemii%20COVID-19%20na%20sektor%20vysshego%20obrazovaniya%20i%20magistraturu.pdf>
- [5] Zborovsky, G. E., & Ambarova, P. A. (2021). Educational failure of Russian students: a sociological interpretation of the problem. *Sociological Studies*, (3), pp. 17-27. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250012904-7
- [6] Novoselova, E. (2020). *V Institute Pushkina rasskazali, pochemu studenty bol'she ustayut ot onlayn-zanyatiy*. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2020/03/23/mariia-lebedeva-studenty-bolshe-ustaiut-ot-onlajn-zaniatij.html>
- [7] Gubernatorov, E. (2020). *Studenty nazvali osnovnye problemy onlayn-obucheniya*. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41>
- [8] Volkova, B. *"Kto-to na lektsiyakh v dushe moetsya"*. *Pervokursniki o tom, kak pandemiya povliyala na uchebu*. (2021). (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/10540951>
- [9] Denisova-Schmidt, E. V., & Leontyeva, E. O. (2015). Un-teachable' students as a social phenomenon in universities: far eastern case. *Sociological Studies*, (9), pp. 86-93. (In Russian).
- [10] Shmeleva, E. D., & Froumin, I. D. (2020). Factors of Attrition among Computer Science and Engineering Undergraduates in Russia. *Educational Studies Moscow*, (3), pp. 110-136. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-110-136

- [11] Dudyrev, F. F., Romanova, O. A., Shabalin A. I., & Abankina, I. V. (2019). Young professionals for the New Economy: secondary vocational education in Russia. Moscow, HSE University Publ., 271 p. (In Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-1937-0
- [12] Shabrova, N. V. (2020). Suppositions for establishing trust of parents in Russian higher education. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, (5), pp. 143-151. (In Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.024
- [13] Shuklina, E. A. (2020). Universities and stakeholders: the problem of institutional trust. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, (2), pp. 21-33. (In Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2020.65.2.017
- [14] Konstantinovskiy, D. L., & Kuznetsov, I. S. (2020). The category of trust in studying one's choice of university. Sociological Journal, (2), pp. 82-101. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7266
- [15] Konstantinovskiy, D., & Popova, E. (2020). Vocational vs higher education. Universe of Russia, 29(2), pp. 6-26. (In Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26
- [16] Bessudnov, A., Kurakin, D., & Malik, V. (2017). The myth about universal higher education: Russia in the international context. Educational Studies Moscow, (3), pp. 83-109. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-83-109
- [17] Klyachko, T. A., & Semionova, E. A. (2018). Contribution of education to the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. Economy of Region, 14(3), pp. 791-805. (In Russian). DOI: 10.17059/2018-3-8
- [18] Alexandrov, D., Tenisheva, K., & Savelyeva, S. (2015). No-risk mobility: through college to university. Educational Studies Moscow, (3), pp. 66-91. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2015-3-66-91
- [19] Dudyrev, F. F., & Shabalin, A. I. (2015). Russian professional education: new student currents configuration. University Management: Practice and Analysis, (3(97)), pp. 6-20. (In Russian).
- [20] Ambarova, P. A., & Zborovsky, G. E. (2020). Educational success and failure in the mirror of international and Russian research. PNRPU Sociology and Economics Bulletin, (3), pp. 44-61. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2020.3.3
- [21] Sheregi, F. E., Aref'ev, A. L., Klyucharev, G. A., & Tyurina, I. O. (2015). Chislennost' obuchayushchikhsya, pedagogicheskogo i professorsko-prepodavatel'skogo personala, chislo obrazovatel'nykh organizatsiy Rossiyskoy Federatsii. (Prognoz do 2020 goda i otsenka tendentsiy do 2030 goda). Moscow, 270 p. (In Russian).
- [22] Bondarenko, N. V., Borodina, D. R., Gokhberg, L. M., Kovaleva, N. V., Kuznetsova, V. I., Ozerova, O. K.,... Shugal, N. B. (2020). Indicators of Education in the Russian Federation: 2020. Moscow, HSE University Publ., 496 p. (In Russian).

Получена / Submitted: 20/03/2021

Доработана / Revised: 20/05/2021

Принята к публикации / Accepted: 07/07/2021

УДК 352.075

Местная филантропия в системе развития территории

Алена Анатольевна Попкова¹, Оксана Владимировна Третьякова¹, Степан Михайлович Киричук²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Тюменская городская Дума, Тюмень, Россия*

Аннотация. В современной системе управления развитием города происходит трансформация от потребителя социальных благ, формируемых органами местного самоуправления, к реальному субъекту управления развитием, актуализирующему ключевые направления и реализующему свой потенциал на развитие территории. В этих условиях возрастает роль органов местного самоуправления в системе организации партнерского взаимодействия муниципалитета со всеми субъектами, направленного на создание условий и механизмов развития территории и активного включения всех участников в данный процесс. Современные трансформационные условия в социально-экономической жизни страны в целом и региона в частности формируют новые требования к механизмам взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора. Для того чтобы сформировать эти механизмы и среду взаимодействия, необходимо понять ожидания каждого субъекта, его стремление и способность выступать в качестве партнера в развитии благотворительной деятельности.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, развитие территорий, филантропия, благотворительная деятельность, некоммерческая организация.

Local philanthropy in the territorial development system

Alena A. Popkova¹, Oksana V. Tretyakova¹, Stepan M. Kirichuk²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Russia*

²*Tyumen City Duma, Tyumen, Russia*

Abstract. In the modern system of city development management, there is a transformation from a consumer of social benefits formed by local governments to a real subject of development management, updating key areas and realizing its potential for the development of the territory. In these conditions, the role of local self-government bodies in the system of organizing partnership interaction of the municipality with all subjects is increasing; the role of local self-government bodies is aimed at creating conditions and mechanisms for the development of the territory and the active inclusion of all participants in this process. Modern transformational conditions in the socio-economic life of the country in general and the region in particular form new requirements for the mechanisms of interac-

tion between government, business and the non-profit sector. In order to form these mechanisms and the environment of interaction, it is necessary to understand the expectations of each subject, his desire and ability to act as a partner in the development of charitable activities.

Keywords: local government bodies, development of territories, philanthropy, charity work, nonprofit organization.

Введение

Современные трансформационные условия в социально-экономической жизни страны в целом и региона в частности формируют новые требования к механизмам взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора [1; 2]. Одним из механизмов такого взаимодействия является местная филантропия, ориентированная не столько на решения кризисных проблем, сколько на формирование и привлечение ресурсов для развития территории, реализации проектов в рамках межсекторного партнерства [3–7]. Система вовлечения ресурсов бизнеса и населения в рамках конструктивного диалога с властью в Российской Федерации приобретала различные формы с 90-х годов прошлого века. Первоначально благотворительность развивалась в условиях глубочайшего социального кризиса и была ответом на социально-психологические травмы общества, мерой преодоления социального неблагополучия, в реализацию которой постепенно стал включаться российский крупный бизнес, так как государство почти не имело ресурсов для изменений. Но уже к 2000-м годам, осознав значение бизнес-ресурсов для решения социальных проблем, государство стало формировать механизмы взаимодействия, корректирующие и направляющие данные ресурсы в наиболее значимые на данном политическом этапе проекты и организационные формы [8–12]. А уже с 2012 года по сути стала формироваться современная организационная модель взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора, в результате чего модель местной филантропии приобрела несколько иерархических уровней: от федеральных фондов и корпоративных благотворителей до фондов местных сообществ, ресурсов жителей и отдельных индивидуальных предпринимателей. Однако к сегодняшнему дню традиционная система взаимодействия утрачивает свою эффективность, требуя трансформации сложившихся подходов взаимодействия, исследования ожиданий каждого субъекта местной филантропии, его стремлений и способности выступать в качестве партнера в развитии благотворительной деятельности.

Материалы и методы

Согласно сформированной цели и определенному кругу задач в работе были использованы как методы общенаучного характера (анализа и синтеза, системный, логико-формализованный, диалектический и др.), так и социологические методы (опрос, экспертный опрос, наблюдение). В процессе социологических исследований помимо информации о современных трансформационных условиях в социально-экономической жизни страны в целом и региона мы получаем информацию относительно выявления

новых требований к механизмам взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора. Вся эта информация позволяет понять ожидания каждого субъекта, его стремление и способность выступать в качестве партнера в развитии благотворительной деятельности.

В статье приводятся результаты социологического исследования, проведенного с целью развития программы взаимодействия с местным бизнесом при поддержке Благотворительного фонда развития филантропии «КАФ» в рамках открытого конкурса проектов «ПроВозможности_4.0. Местная Филантропия», которое было проведено совместно с Благотворительным фондом развития города Тюмени (БФРГТ) в период с декабря 2020 года по январь 2021 года. Первый этап исследования включал анкетирование с выборочной совокупностью 120 человек. Респондентами стали представители крупного, среднего и малого бизнеса Тюменской области. Исследование было анонимным и проводилось методом интернет-опроса.

Второй этап был дополнен данными, полученными методом экспертного опроса 15 представителей некоммерческих организаций региона (НКО), проводившегося в те же временные периоды. Результаты исследования, оценка эффективности использованных механизмов развития местной филантропии являются основой для корректировки действующей фандрайзинговой стратегии БФРГТ в разрезе программы взаимодействия с местным бизнесом.

Результаты и обсуждение

Вторичный анализ результатов различных исследований за период пандемии показывает, что благотворительность в сложных социально-экономических условиях не утрачивает своей актуальности, трансформируя формы и направления. Поэтому для анализа проявления данных тенденций в Тюменской области в первую очередь представителям бизнеса и НКО в рамках исследования было предложено оценить позицию бизнеса по отношению к благотворительной деятельности. Почти половина (47 %) опрошенных бизнесменов отмечает бессистемность благотворительной деятельности, заявляя, что «бизнес занимается благотворительностью от случая к случаю». При этом $\approx 27\%$ опрошенных определяют, что бизнес — активный участник благотворительной деятельности. По сути 3/4 представителей бизнеса считают себя неотъемлемыми участниками благотворительной деятельности (рис. 1).

Позиция представителей НКО не совсем совпадает с позицией бизнеса, хотя большинство (62,5 %) респондентов признают активное, но бессистемное участие коммерческого сектора в благотворительной деятельности. При этом 37,5 % опрошенных из некоммерческого сектора заявили, что бизнесу неинтересно и невыгодно заниматься благотворительностью, что существенно не совпадает с позицией представителей самого бизнеса, 10,3 % которых высказались об отсутствии интереса, желания и выгоды благотворительной деятельности. Данные результаты подтверждают, что НКО и бизнес в благотворительной деятельности до сих пор не всегда рассматривают друг друга как конструктивных партнеров, взаимовыгодное сотрудничество которых формирует больше положительных эффектов для благополучателей.

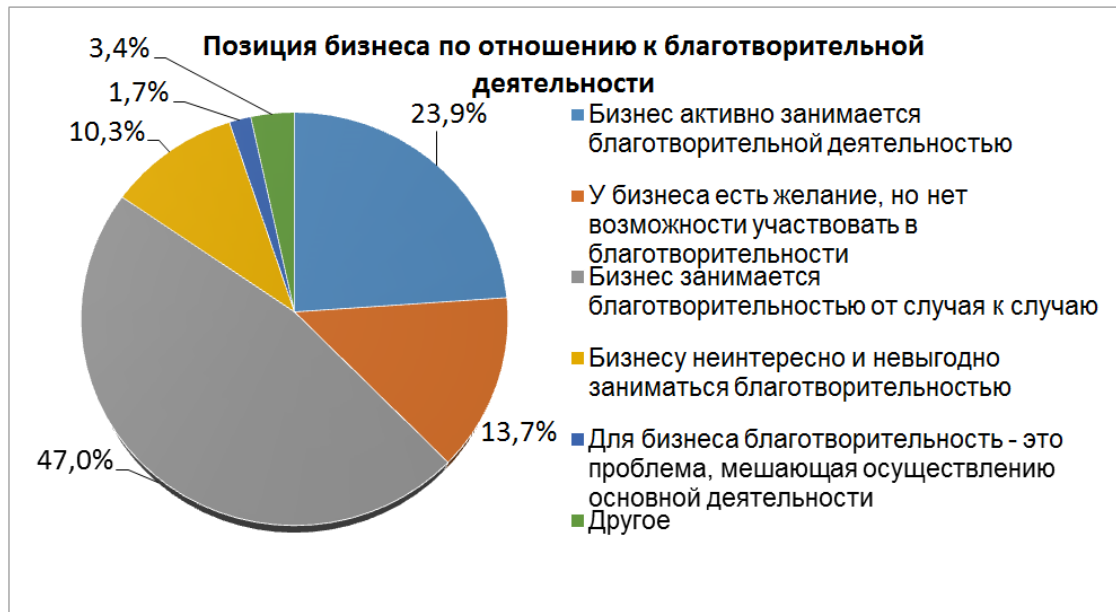

Рисунок 1. Позиция бизнеса по отношению к благотворительной деятельности

Отчасти это отражают и результаты исследования (рис. 2), которые показали, что бизнес в основу содержания благотворительной деятельности закладывает безвозмездную помощь нуждающимся (так ответили 40,2 % респондентов), а также финансовый ответ компании на призыв о помощи от некоммерческих организаций, учреждений социальной сферы (31,6 %). То есть по сути бизнесу важна адресность помощи, понимание на какие цели используется их помощь и кто по факту является благополучателем. Некоммерческий сектор, выступая промежуточным звеном между благотворителем и благополучателями, не отражает востребованную бизнесом адресность и может быть поддержан коммерческими организациями только в условиях их конкретного целевого запроса на благотворительную деятельность. Сам же бизнес не всегда готов инициировать благотворительность, формировать фонды, программы, акции совместно с некоммерческими организациями и благотворительными фондами. Это определяет необходимость со стороны некоммерческого сектора выступать информационной и организационно-методической площадкой, обеспечивающей взаимодействие благотворителей и благополучателей с целью получения необходимого социального результата.

В современных условиях бизнес не во всех сферах благотворительной деятельности готов принимать активное участие. Так, анализ данного вопроса относительно позиции бизнеса в привлекательности различных сфер для реализации благотворительной деятельности показал, что представители коммерческих структур в первую очередь готовы к благотворительности в сферах социальной поддержки и защиты граждан в трудной жизненной ситуации (сирот, инвалидов, пожилых, бездомных и пр.) — 65,8 % опрошенных, поддержки молодежных проектов — 43,6 %, охраны окружающей среды и защиты животных, а также поддержки семьи, материнства, отцовства и детства — 33,3 % по каждой позиции соответственно.

*Рисунок 2. Содержание благотворительной деятельности,
по мнению представителей бизнеса*

Сопоставляя результаты исследования в оценке привлекательности со стороны бизнеса и НКО отдельных направлений для реализации благотворительной помощи, можно констатировать, что позиции представителей коммерческого и некоммерческого секторов почти совпадают. Существенная разница проявляется только в том, что НКО определили по приоритетности на первом месте поддержку проектов в области культуры и искусства — 62,5 %, в бизнесе же менее чем каждый пятый бизнесмен готов оказывать благотворительную поддержку в данной сфере. Невостребованными сферами для благотворительной поддержки являются «развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников», «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия», «защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных», «развитие институтов гражданского общества». Это частично обусловлено тем, что благотворительность активнее развивается в проблемных сферах социального развития, так как там решение проблемы формирует осознание результата деятельности. Невостребованность отдельных направлений оказания благотворительной помощи определяет благоприятное состояние данных сфер и отсутствие в них проблемного поля в Тюменской области.

Принимая во внимание значение комплекса факторов на развитие благотворительности, была определена необходимость объединения их в категорию «благотворительный климат», как характер взаимодействия власти, бизнеса и НКО в благотворительной сфере, и оценка его состояния относительно территории исследуемого региона. При анализе благотворительного климата в Тюменской области были выделены две ключевые тенденции, определенные представителями коммерческого и некоммерческого секторов.

1. В современных условиях бизнес сокращает свое участие в благотворительной деятельности.

2. Бизнес, власть и НКО сосуществуют параллельно, иногда организуются в разовые благотворительные акции и мероприятия.

Следовательно, можно констатировать, что «благотворительный климат» в Тюменской области представители бизнеса оценивают более благоприятно, чем представители НКО. Так как несмотря на общие тенденции, выделенные респондентами, часть бизнесменов выразила мнение о важности благотворительности для региона и наличии условий со стороны НКО и органов государственной власти для развития благотворительной деятельности.

Несмотря на снижение активности бизнеса в благотворительной сфере, большинство предпринимателей подтверждают опыт участия в благотворительности. Наличие благотворительной активности со стороны бизнес-структур подтверждается тем фактом, что у более 65 % опрошенных представителей коммерческого сектора есть опыт оказания благотворительной помощи (рис. 3).

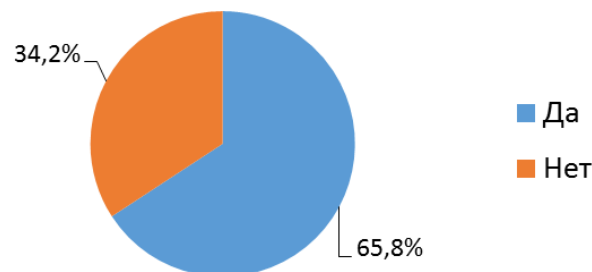

Рисунок 3. *Наличие у бизнес-структур опыта оказания благотворительной помощи*

При этом результаты опроса показывают, что большинство компаний, оказывающих благотворительную помощь, делают это бессистемно, откликаясь на просьбы о помощи, участвуя в разовых благотворительных акциях (30,8 %). Только 18,8 % опрошенных определили наличие у них благотворительной программы, определяющей системную работу с благополучателями. Что подтверждает вывод о том, что отсутствует системная работа некоммерческого сектора и бизнеса в благотворительной сфере, несмотря на отклик бизнеса и его желание участвовать в решении существующих социальных проблем.

В ходе исследования было определено, что именно обращение нуждающихся является тем фактором, который побуждает бизнес участвовать в благотворительности; такую позицию поддержали 63,2 % опрошенных. Немаловажным в этих условиях для бизнеса является и возможность через благотворительность сформировать позитивный социальный имидж компании — 51,3 % ответов. На призывы к благотворительности друзей, знакомых, бизнес-партнеров и рекомендации органов власти откликаются гораздо реже — от 38,5 до 18,8 % опрошенных. Данные тенденции подтверждаются и результатами опроса представителей НКО, которые, в свою очередь, определили более существенное значение рекомендации органов власти для принятия решений бизнес-структурами об оказании благотворительной помощи (рис. 4).

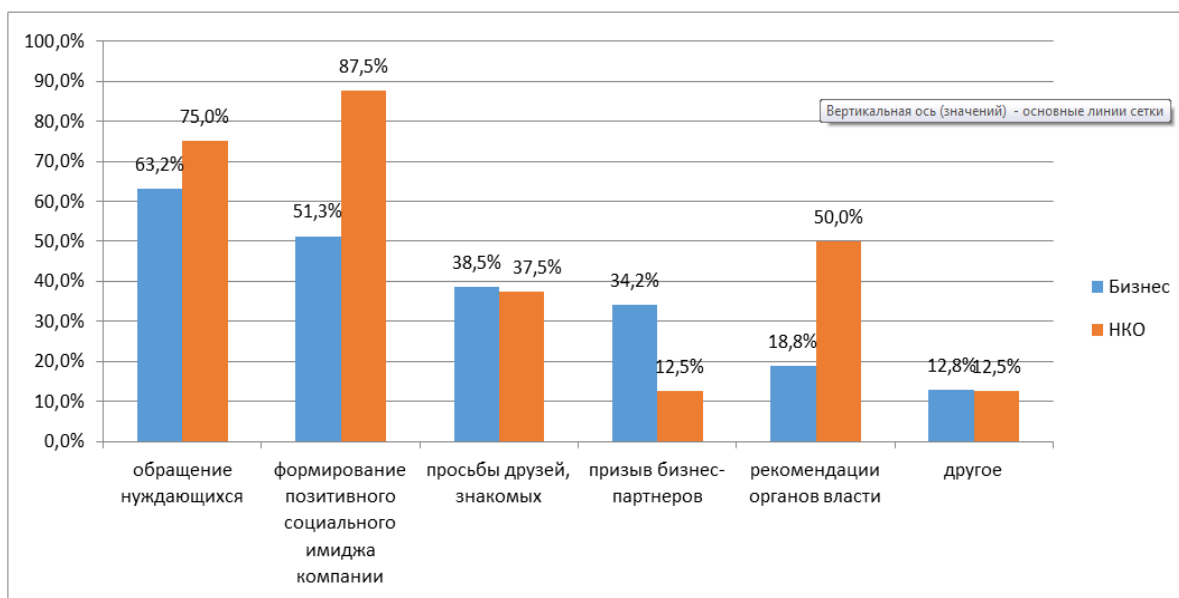

Рисунок 4. Факторы, оказывающие наибольшее воздействие на желание оказывать благотворительную помощь

По результатам исследования треть коммерческих организаций не участвует в благотворительной деятельности. Факторами, препятствующими осуществлению благотворительной деятельности (рис. 5), являются в первую очередь финансовые: недостаток финансовых средств и отсутствие финансовых и налоговых льгот (61,5 и 47,9 % соответственно).

Рисунок 5. Факторы, в наибольшей степени препятствующие осуществлению благотворительной деятельности

Бизнесу наиболее удобно оказывать благотворительную помощь через передачу продукции или оказание услуг без оплаты/по льготным расценкам. Это форма позволяет активно отреагировать на запрос и в то же время предполагает относительную прозрачность использования предоставляемой помощи, что важно для коммерческих структур. Представители бизнеса также проявляют готовность перечислять наличные средства и организовывать участие сотрудников в оказании помощи (рис. 6).

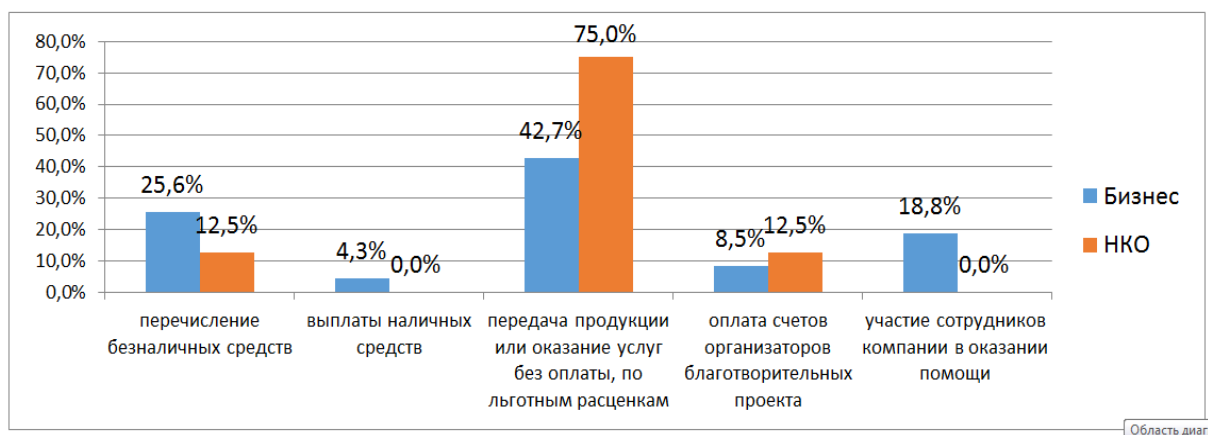

Рисунок 6. Наиболее предпочтительные и удобные формы благотворительной помощи

В качестве фактора, способствующего принятию решений представителем бизнес-структуры оказать благотворительную помощь, наиболее приоритетным является «возможность решить значимую проблему». Данную позицию поддержали 46,2 % опрошенных. Представители НКО, напротив, абсолютно не поддержали эту позицию, определяя в качестве приоритета «прозрачность механизма использования благотворительной помощи благополучателями» (37,5 %). В бизнес-структурах этот фактор является значимым для 23,9 % респондентов (рис. 7).

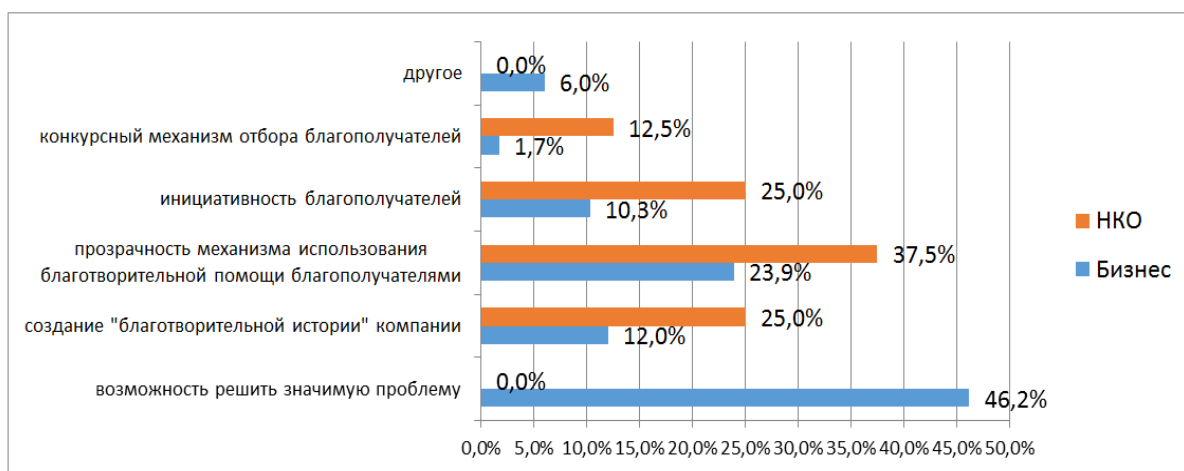

Рисунок 7. Определяющие факторы при принятии решения об оказании благотворительной помощи

Благотворители готовы помогать в первую очередь тем, кто представляет механизм решения проблемы и готов привлекать возможные ресурсы для этого. Готовность поддержать социальную группу или сообщество, которое объединилось для решения конкретной проблемы или помощи нуждающимся, выразили 43,6% опрошенных бизнесменов. Возможность отслеживания результативности и адресности благотворительной помощи мотивирует бизнес поддерживать отдельного нуждающегося человека; такую позицию поддержали 42,7 %. Некоммерческие организации и благотворительные фонды также востребованы для поддержки — 38,5 и 37,6 % соответственно. В принципе можно констатировать, что у бизнес-структур нет однозначных предпочтений относительно организационной формы благополучателя.

В благотворительной сфере Тюменского региона одной из ключевых организаций является Благотворительный фонд развития города Тюмени, имеющий достаточно большой опыт реализации благотворительных практик. Среди традиционных из них благотворительный бал, благотворительные спектакли, благотворительные акции для детей к Новому году, Дню знаний, Дню защиты детей. Помимо практик БФРГТ в практиках благотворительной деятельности наиболее распространены сборы средств для нуждающихся в платной медицинской помощи, помощь в связи с COVID-19 (рис. 8).

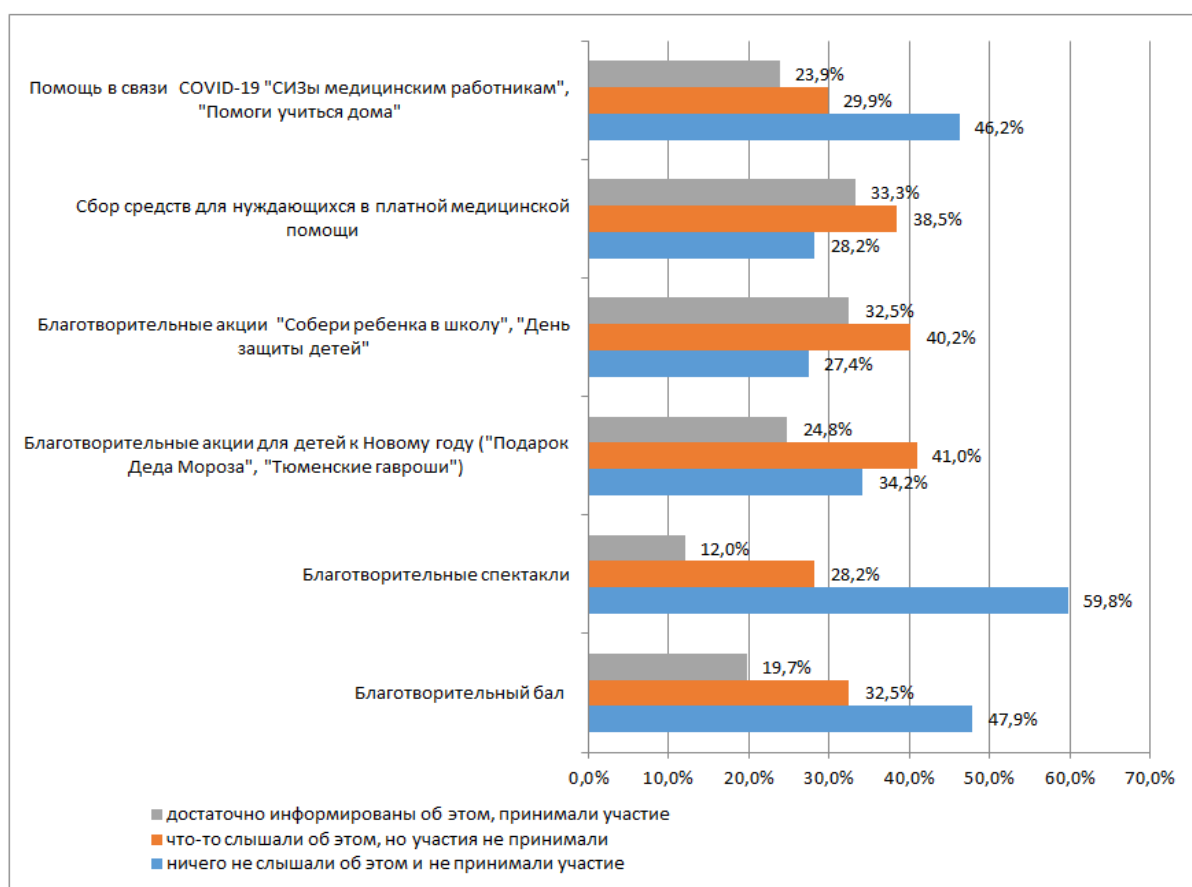

Рисунок 8. Информированность и вовлеченность бизнес-структур в практики благотворительной деятельности

Согласно анализу результатов опроса показатель информированности и вовлеченности опрошиваемых бизнесменов в данные благотворительные практики относительно небольшой. Больше всего предпринимателей информированы и принимали участие в сборе средств для нуждающихся в платной медицинской помощи (33,3 %), благотворительных акциях для детей к Новому году (24,8 %), помощи в связи с COVID-19 (23,8 %). О благотворительных балах и спектаклях знают 19,7 % бизнесменов, принимали участие 12 %. Относительно почти всех благотворительных практик по результатам исследования выделяется проблема недостаточного информирования об их реализации.

Опрошенные респонденты в рамках исследования указывали собственные практики благотворительной деятельности. Систематизация результатов показывает, что более 80 % имеют опыт оказания помощи по сбору средств на лечение, инвалидам, помощи в организации обучения детям-сиротам, помощи детским домам, предоставления в качестве помощи собственной продукции, участия в социальных проектах и акциях «Праздник в каждый двор», «Коробка храбрости», «Красота без границ», организации фотопроекта в «Доме малютки». Еще около 10 % предпринимателей указали, что оказывали благотворительную помощь, но не считают, что нужно конкретизировать ее содержание и об этом рассказывать.

Представители бизнес-структур слабо информированы о развитии некоммерческого сектора в нашем регионе. На вопрос о некоммерческих организациях Тюменской области, которые знают респонденты, смогли ответить около 70 %. Многие из них активно сотрудничают с БФРГТ (35 % опрошенных). Наиболее известными в регионе НКО являются следующие: Всероссийское общество инвалидов, БФРГТ, «Трезвая Тюмень», «Мы вместе», «Радость», «Synergy», «Green Helpers» «Потеряшки», «Особый ребенок», БФ «Наше время» (указали от 3 до 6 % опрошенных). При этом в качестве некоммерческих организаций респондентами указывались государственные органы исполнительной власти, государственные учреждения социального обслуживания.

Исследование показало, что бизнес взаимодействует с некоммерческими организациями, представляющими их интересы, недостаточно активно: 21,4 % респондентов взаимодействуют с ТРО ООО «Деловая Россия», 14,5 % — с ТРО ОПОРА России и 12,8 % — с Торгово-промышленной палатой Тюменской области.

В целом же можно отметить, что бизнес занимает активную позицию как благотворитель. Проведенный опрос НКО показал, что все они имеют опыт взаимодействия с бизнесом в рамках реализации благотворительной деятельности. Наиболее значимыми являются практики информационного продвижения благотворителя на мероприятиях, в организации которых он оказал помощь, грантовые конкурсы, финансовая помощь, благотворительная помощь от агрохолдинга в виде продукции собственного производства.

Выводы

Для формирования механизмов взаимодействия власти, бизнеса и некоммерческого сектора необходимо изучать ожидания каждого субъекта, его стремление и способ-

ность выступать в качестве партнера в развитии благотворительной деятельности. Результаты проведенного исследования показали следующее.

1. Бизнес участвует в благотворительной деятельности ситуационно, от случая к случаю, отзываясь готовностью помочь в решении какой-либо проблемы безвозмездно.

2. Получателем благотворительной помощи в первую очередь, по мнению бизнеса, должен быть тот благополучатель, который представляет механизм решения проблемы и аккумулирует для этого все возможные ресурсы.

3. В качестве приоритетных направлений реализации благотворительной помощи выступают сферы социальной поддержки и защиты граждан в трудной жизненной ситуации (сирот, инвалидов, пожилых, бездомных и пр.), поддержки молодежных проектов, охраны окружающей среды и защиты животных, а также поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

4. Ключевыми факторами, способствующими принятию решения об оказании благотворительной помощи, являются обращение нуждающихся, возможность решить их проблему и желание сформировать благоприятный социальный имидж компании.

5. Наиболее предпочтительная и удобная форма благотворительной помощи для бизнеса — передача продукции или оказание услуг без оплаты или по льготным расценкам, что определяет относительную прозрачность оказываемой помощи.

6. Несмотря на то что бизнес-структуры имеют опыт благотворительной помощи, все-таки отмечается недостаток финансовых ресурсов у бизнеса, и, как следствие, формируется тенденция к сокращению участия бизнеса в благотворительной деятельности в сегодняшних условиях, определенных социально-экономическими последствиями пандемии.

7. Отражаются слабая тенденция дезорганизованности бизнеса во взаимодействии с некоммерческими организациями, слабая информированность о возможных формах реализации благотворительной деятельности, недостаточное информационное продвижение благотворительных акций, в которых коммерческие структуры могли бы принять участие, а в случае желая оказать благотворительную помощь или организовать системную работу в сфере развития своей благотворительности.

Библиографический список

- [1] Белоножко, М. Л. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением / М. Л. Белоножко, А. А. Попкова, О. В. Третьякова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет. – Тюмень : ТИУ, 2020. – 193 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Костко, Н. А. Город : инструменты управления развитием : монография / Н. А. Костко, Д. Ю. Руденко, А. А. Попкова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет. – Тюмень : ТИУ, 2018. – 160 с. – Текст : непосредственный.

- [3] Будущее филантропии : ключевые тренды. Метаанализ / Благотворительный фонд Владимира Потанина. – Москва : ДПК Пресс, 2020. – 44 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Найт, Б. Ценность местной филантропии / Б. Найт. – URL: https://globalfundcommunityfoundations.org/wpcontent/uploads/2012/02/Russian_ValueCommunityPhilanthropy.pdf (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [5] Филантропия на пороге системности. Анализ тенденций, рисков и возможностей благотворительности в России. – URL: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2018/09/filantropiya_na_poroge_sistemnosti_n.pdf (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [6] Фонд представил масштабное исследование трендов глобальной филантропии. – URL: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/fond-potanina-predstavil-masshtabnoe-issledovanie-trendov-i-perspektiv-globalnoy-filantropii/> (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [7] Ходорова, Ю. Как развивается благотворительность в малых городах и сельских территориях России / Ю. Ходорова. – Текст : электронный // Филантроп : электронный журнал о благотворительности. – Текст : электронный. – URL: <https://philanthropy.ru/cases/2017/03/01/46764/> (дата обращения: 11.05.2021). – Дата публикации: 01.03.2017.
- [8] Распоряжение Администрации города Тюмени от 02.06.2014 № 321-рк «Об утверждении муниципальной программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Тюмени на 2014–2022 годы”». – URL: <http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-gorodatumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/> (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [9] Распоряжение Администрации города Тюмени от 25.02.2019 № 23-рк «Об утверждении отчета о реализации муниципальной программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Тюмени на 2014–2022 годы” за 2018 год». – URL: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-gorodatumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otceti-2018-godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2018-god/> (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [10] Распоряжение Администрации города Тюмени от 26.02.2018 № 40-рк «Об утверждении отчета о реализации муниципальной программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Тюмени на 2014–2020 годы” за 2017 год». – URL: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otceti-2017-godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2017-god/> (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.
- [11] Распоряжение Администрации города Тюмени от 25.02.2020 № 34-рк «Об утверждении отчета о реализации муниципальной программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в городе Тюмени на 2014–2022 годы” за 2019 год». – URL: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otceti-2019-godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2019-god/> (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.

- [12] Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : Федеральный закон № 7-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 11.05.2021). – Текст : электронный.

References

- [1] Belonozhko, M. L. & Popkova, A. A. & Tretyakova O. V. (2020). Vzaimodeystvie organov mestnogo samoupravleniya s naseleniem. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 193 p. (In Russian).
- [2] Kostko, N. A. & Rudenko, D. Yu. & Popkova, A.A. (2018). Gorod: instrumenty upravleniya razvitiem. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 160 p. (In Russian).
- [3] Budushchee filantropii: klyuchevye trendy. (2020). Metaanaliz. Moscow, DPK Press Publ., 44 p. (In Russian).
- [4] Nayt, B. Tsennost' mestnoy filantropii. (In Russian). Available at: https://globalfundcommunityfountions.org/wpcontent/uploads/2012/02/Russian_ValueCommunity_Philanthropy.pdf
- [5] Filantropiya na poroge sistemnosti. Analiz tendentsiy, riskov i vozmozhnostey blagotvoritel'nosti v Rossii. (In Russian). Available at: https://pltf.ru/wp-content/uploads/2018/09/filantropiya_na_poroge_sistemnosti_n.pdf
- [6] Fond predstavil masshtabnoe issledovanie trendov global'noy filantropii. (In Russian). Available at: <https://www.fondpotanin.ru/press/news/fond-potanina-predstavil-masshtabnoe-issledovanie-trendov-i-perspektiv-globalnoy-filantropii/>
- [7] Khodorova, Yu. (2017). Kak razvivaetsya blagotvoritel'nost' v malykh gorodakh i sel'skikh territoriyakh Rossii. (In Russian). Available at: <https://philanthropy.ru/cases/2017/03/01/46764/>
- [8] Rasporyazhenie Administratsii goroda Tyumeni ot 02.06.2014 № 321-rk "Ob utverzhdenii munitsipal'noy programmy "Podderzhka sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v gorode Tyumeni na 2014-2022 gody". (In Russian). Available at: <http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administraciihorodatumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/>
- [9] Rasporyazhenie Administratsii goroda Tyumeni ot 25.02.2019 № 23-rk "Ob utverzhdenii otcheta o realizatsii munitsipal'noy programmy "Podderzhka sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v gorode Tyumeni na 2014-2022 gody" za 2018 god". (In Russian). Available at: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otchetiv2012godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2018-god/>
- [10] Rasporyazhenie Administratsii goroda Tyumeni ot 26.02.2018 № 40-rk "Ob utverzhdenii otcheta o realizatsii munitsipal'noy programmy "Podderzhka sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v gorode Tyumeni na 2014-2020 gody" za 2017 god". (In Russian). Available at: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otchetiv2012godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2017-god/>

- [11] Rasporyazhenie Administratsii goroda Tyumeni ot 25.02.2020 № 34-rk "Ob utverzhdenii otcheta o realizatsii munitsipal'noy programmy "Podderzhka sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy v gorode Tyumeni na 2014–2022 gody" za 2019 god". (In Russian). Available at: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/municipalynieprogrammi/otceti2012godu/otceti-o-realizacii-municipalynih-programm-za-2019-god/>
- [12] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O nekommercheskikh organizatsiyakh: Federal'nyy zakon № 7-FZ. (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 13/07/2021

Принята к публикации / Accepted: 27/08/2021

УДК 316.034

Взаимодействие волонтеров в социальных сетях: кейс олимпийских волонтеров после игр

Марина Петровна Сухарькова

Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействий участников олимпийской волонтерской программы, которая реализовывалась в России после Олимпийских и Паралимпийских игр. Через изучение взаимодействий олимпийских волонтеров в социальных сетях мы рассмотрим вопрос о сохранении целостности сообщества волонтеров после игр. Олимпийская волонтерская программа — одна из первых комплексных программ по работе с волонтерами, реализуемая на протяжении нескольких лет на федеральном уровне. Участники этой программы не только добровольно принимали участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр, без прямого денежного вознаграждения, но и проходили длительные процессы отбора и обучения. В общей сложности олимпийский цикл для волонтеров длился около 3–4 лет. Однако краткосрочность Олимпийских и Паралимпийских игр, а следовательно, и практик олимпийского волонтерства может привести к формированию недолговременных социальных контактов среди волонтеров. На основе онлайн-опроса волонтеров и анализа их взаимодействий в социальных сетях мы исследуем, насколько волонтеры поддерживают социальные контакты, приобретенные во время участия в Олимпийских и Паралимпийских играх после мероприятий. На основе результатов исследования нами было выявлено, что участники волонтерской программы крупного спортивного мероприятия предпочитают использовать социальные сети в качестве инструмента поддержания социальных контактов, приобретенных во время волонтерской работы. Однако взаимодействуют волонтеры между собой спустя 5 лет и более после мероприятия нечасто, но взаимодействуют по самому широкому кругу вопросов и повседневным темам.

Ключевые слова: волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр, онлайн-сообщества, онлайн-взаимодействия волонтеров.

Interaction of volunteers in social networks: the case of Olympic volunteers after the Games

Marina P. Sukharkova

Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector of Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. This article is about the interaction of participants in the Olympic volunteer program, which was implemented in Russia after the Olympic and Paralympic Games. Based on the interactions of the Olympic volunteers on social media, we will study the issue of maintaining the integrity of the volunteer community after the Games. The Olympic Volunteer Program is one of the first comprehensive volunteer work programs that has been implemented at the federal level for a few years in Russia. Participants in this program not only voluntarily took part in the organization and conduct of the Olympic and Paralympic Games, without direct monetary remuneration, but also went through lengthy selection and training processes. In total, the Olympic cycle for volunteers lasted about 3-4 years. However, the short-term nature of the Olympic and Paralympic Games, and hence the practice of Olympic volunteering, can lead to the formation of short-term social contacts among volunteers. Based on an online survey of volunteers and an analysis of their interactions in social networks, we investigate how volunteers maintain social contacts acquired during their participation in the Olympic and Paralympic Games after the events. Based on the results of the study, we found that participants in the volunteer program of a major sporting event prefer to use social networks as a tool for maintaining social contacts acquired during volunteer work. However, volunteers do not often interact with each other 5 years or more after the event, but they interact on a wide range of issues and everyday topics.

Keywords: volunteers at the Olympic and Paralympic Games, online communities, online interactions of volunteers.

Введение

Эксперты доказали, что проведение крупных спортивных мероприятий приводит к значительному материальному и нематериальному наследию [1–3], среди которых экономическое [4–7], репутационное [8; 9], инфраструктурное [10–12], социокультурное [13] и экологическое наследие [14; 15]. Также крупные спортивные мероприятия способствуют формированию наследия в некоммерческом секторе и в первую очередь в сфере волонтерской деятельности.

К числу волонтеров крупных спортивных мероприятий относятся олимпийские волонтеры — это люди, добровольно принимающие участие в подготовке и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр, без прямого денежного вознаграждения. В международной практике олимпийские волонтеры — это участники комплексных организованных программ по работе с волонтерами. Крупные спортивные мероприятия в значительной степени зависят от роли волонтеров [16], которые являются ключевым элементом в предоставлении услуг и управлении спортивными мероприятиями [17].

Более того, деятельность волонтеров почти во всех своих проявлениях имеет позитивную направленность, она нацелена на конкретные социально значимые результаты, востребована в разных типах общества, а спектр ее направлений и видов все время расширяется. В то же время постоянная потребность общества в помощи волонтеров, вновь проявляющиеся проблемы (экономические, социальные, экологические, культурные, политические и т. д.) в различных его сферах влияют на самих волонтеров и характеристики их деятельности.

В России первая комплексная организованная программа по работе с волонтерами была реализована для подготовки, обучения и сопровождения работы волонтеров

Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года. Более того, это инновационная программа по работе с волонтерами, реализуемая на федеральном уровне, в которую в 2014 году были включены 25 тыс. волонтеров, а на данный момент — более 80 тыс. человек. Кроме этого, программа является наиболее продолжительной, она реализуется уже на протяжении нескольких лет и будет функционировать в будущем.

В статье [18] отмечено, что волонтеры позволяют спортивным мегасобытиям предлагать, поддерживать и расширять качество, количество и разнообразие услуг, предоставляемых спортивными мероприятиями. Кроме того, волонтеры обеспечивают финансовый успех крупных мероприятий, сокращая расходы [14; 19]. Также олимпийское волонтерство предоставляет возможность местному сообществу принять участие в крупных мероприятиях [20]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мегаспортивные мероприятия невозможны без волонтеров и привлечение волонтеров является обязательным условием для обеспечения успеха и устойчивости мегаспортивных мероприятий.

Тем не менее наблюдается недостаток исследований по теме влияния таких мероприятий, как Олимпийские и Паралимпийские игры, на сообщество волонтеров [21]. При этом комплексная оценка наследия крупных мероприятий играет важную роль в заявке на проведение этих мероприятий [22].

Целью данной статьи является изучение наследия Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года для сообщества волонтеров. В ходе исследования мы пытались найти ответы на следующие исследовательские вопросы: сохраняют ли волонтеры социальные онлайн-взаимодействия спустя 5 лет и более после мероприятия; если волонтеры продолжают онлайн-взаимодействия, то какие темы наиболее популярны для обсуждений в сообществе волонтеров. В исследованиях доказано, что волонтерство на крупных спортивных мероприятиях способствует развитию социального капитала волонтеров, в том числе и за счет расширения круга знакомств, то есть социальных взаимодействий [23]. При этом социальные сети оказывают большое влияние на воспроизводство социального капитала [24], поэтому показатели онлайн-взаимодействий волонтеров могут свидетельствовать о том, поддерживают ли волонтеры приобретенные во время работы на играх круги социальных взаимодействий, и таким образом поддерживают и используют ли волонтеры приобретенный во время работы на мероприятии социальный капитал.

Нами было выбрано именно онлайн-взаимодействие волонтеров по следующим причинам: доступность данного способа взаимодействия; волонтерами игр 2014 года были жители разных регионов России, что осложняет офлайн-взаимодействия волонтеров; онлайн-сообщество волонтеров управляется самими волонтерами, что исключает административный ресурс организационного комитета игр или других организаций; волонтеры упоминали онлайн-сообщества как основной инструмент взаимодействия между олимпийскими волонтерами в интервью.

Литературный обзор

Олимпийские игры — это крупнейшее повторяющееся глобальное спортивное мероприятие с участием волонтеров [25], традиционно в структуру крупных спортивных

мероприятий входят волонтерские программы [26]. Волонтерские программы крупных спортивных мероприятий, таких как Олимпийские игры, дают возможность местным жителям и другим желающим принять участие в организации этих мероприятий [27]. Исследователями было доказано, что волонтеры вносят значительный вклад в успех и эффективность спортивных мероприятий [25].

Волонтерские программы крупных спортивных мероприятий реализуются по схожей схеме, которая состоит из процесса привлечения, отбора, обучения, подготовки, работы с волонтерами, управления их деятельностью и последующей перепрофилизации. Таким образом, несмотря на то что олимпийское волонтерство можно отнести к эпизодическому направлению волонтерства, его участники вовлечены в олимпийский цикл на протяжении 3–4 лет. Более того, волонтеры для участия в крупных мероприятиях привлекаются из разных регионов, что затрудняет поддержку социальной коммуникации между волонтерами после мероприятия, но желающие сохранить приобретенные контакты могут использовать информационные технологии, например, социальные сети.

Социальная сеть — это социальная структура, состоящая из большого числа пользователей и связей между ними, возникающих по поводу обмена информацией и ресурсами [24; 28]. Развитие сайтов, позволяющих пользователям поддерживать контакты в онлайн-формате (социальные сети), стало одним из значимых явлений социальной жизни на протяжении последнего десятилетия и привело к небывалому всплеску онлайн-общения, по мнению экспертов [29]. Социальные сети не только способствуют взаимодействиям людей, они представляют собой динамическую/мультимодальную платформу, которая создает условия для организации дискуссий, обмена мультимедийным контентом и организации мероприятий [30].

Российский исследователь А. Чураков [31] предложил следующие направления исследований социальных сетей: структурное (основное внимание уделяется структуре социальной сети и интенсивности взаимодействий), ресурсное (рассматривает возможности акторов социальных сетей по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей), нормативное (изучает уровень доверия между акторами, а также нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети и процессы их взаимодействий) и динамическое (акцентирующее внимание на изменениях в сетевой структуре с течением времени). Мы будем рассматривать социальные сети в рамках ресурсного подхода.

Материалы и методы

Исследование включало два этапа: онлайн-опрос волонтеров и анализ тематических сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Онлайн-опрос проводился в апреле 2021 года среди волонтеров, принимающих участие в организации и проведении Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2014 года. Возраст респондентов: 58 % — от 18 до 30 лет; 24 % — от 31 до 55 лет; 18 % — старше 55 лет. 59 % — женщины.

В качестве объекта второго этапа исследования была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», которая, по данным Mediascope, входит в топ-10 самых популярных ресурсов в России, занимая 4-е место. Около 50 % аудитории Интернета посещает эту со-

циальную сеть ежедневно, а за месяц охват достигает 78 % [32]. «ВКонтакте» — крупнейшая социальная сеть, пользователям которой доступны следующие возможности: создавать профиль с информацией о себе, управлять настройками доступа к информации на своей странице, взаимодействовать с другими пользователями приватно (через личные сообщения) и публично (с помощью записей на «стене», а также через механизм групп и встреч), отслеживать через ленту новостей активность друзей и сообществ, также пользователь может оставлять комментарии под уже опубликованным контентом, к своим сообщениям можно «прикреплять» фотографии, аудиотреки и видеозаписи, граффити и опросы [33]. Кроме того, олимпийские волонтеры в интервью сами ссылались на то, что общение между ними происходит именно в этой социальной сети.

На первом этапе исследования в социальной сети «ВКонтакте» нами были отобраны два сообщества, темы которых касались волонтерства на Олимпийских и Паралимпийских играх и на которые подписано наибольшее количество участников: «Волонтеры «Сочи — 2014» [34] и «Подслушано/VOLUNTEERS» [35].

Одно из выбранных для анализа онлайн-сообществ — официальная группа волонтеров Сочи — 2014 в «ВКонтакте». В этом сообществе публиковались новости игр, важная и необходимая информация для волонтеров, но участники сообщества не могли размещать здесь свои публикации и сообщения, они могли только комментировать и оценивать публикации администраторов группы. Другое сообщество — «Подслушано/VOLUNTEERS» [35], в нем публикуются анонимные сообщения подписчиков. В данном сообществе каждый подписчик может прислать свой текст администратору, который является анонимом, и все присланные сообщения публикуются, также каждый желающий может комментировать и оценивать любой пост. Однако в 2015 году онлайн-сообщество олимпийских волонтеров «Волонтеры «Сочи — 2014» [34] прекратило свое существование, поэтому основное наше внимание будет уделено онлайн-сообществу олимпийских волонтеров «Подслушано/ VOLUNTEERS» [35]. Именно оно стало инструментом нашего исследования.

Как и на первом этапе исследования, проводя анализ онлайн-сообществ, мы переносим онлайн-активность волонтеров Сочи на их офлайн-характеристики как сообщества.

Результаты и обсуждение

Сначала мы рассмотрим результаты онлайн-опроса волонтеров. На вопрос: «Поддерживаете ли Вы контакты со своими коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе?», 52 % олимпийских волонтеров, которые приняли участие в исследовании, ответили положительно, 43 % — отрицательно. При этом участникам опроса предлагалось также ответить на вопрос: «Хотели бы Вы сохранить общение и контакты с теми коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе, с которыми Вы сейчас поддерживаете общение?». Отвечая на этот вопрос, 51 % респондентов ответили, что они хотели бы сохранить существующие контакты, 33 % — скорее бы хотели сохранить эти контакты и 16 % — не хотели бы их сохранять.

В анкете содержался вопрос: «Посредством каких коммуникационных ресурсов Вы поддерживаете связь со своими коллегами по олимпийской волонтерской работе?». 86 % олимпийских волонтеров ответили, что пользуются социальными сетями, 83 % — специальные сайты и форумы; 23 % — электронные письма.

Далее рассмотрим количественные показатели сообщества волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS». Основными количественными показателями участников онлайн-сообществ являются количество подписчиков сообщества (то есть популярность), а также такие показатели, как «ядро» сообщества (количество пользователей, сделавших хотя бы одно действие в сообществе), «активное ядро» сообщества (количество пользователей, сделавших хотя бы три действия в сообществе) и количество внешних участников (количество пользователей, сделавших хотя бы одно действие в сообществе и не являющихся его подписчиками), которые принимают участие в жизни онлайн-сообщества.

Изменения количественных показателей участников и внешних участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS» представлены на рисунке 1. Стоит заметить, что за наблюдаемый период (с 2014 по 2021 годы) количество участников рассматриваемого онлайн-сообщества выросло примерно в два раза: с 4 827 до 8 782 человек, однако, основной прирост числа участников сообщества зафиксирован в 2014 и 2015 годах. Говоря об участии внешних пользователей в сообществе, стоит отметить, что в 2014 и 2015 годах была отмечена более высокая активность этой группы (10 407 и 17 173 человек соответственно), после чего показатели активности снижались и достигли 559 человек в 2021 году, что свидетельствует о резком снижении активности участия внешних участников онлайн-сообщества, начиная с 2015 года.

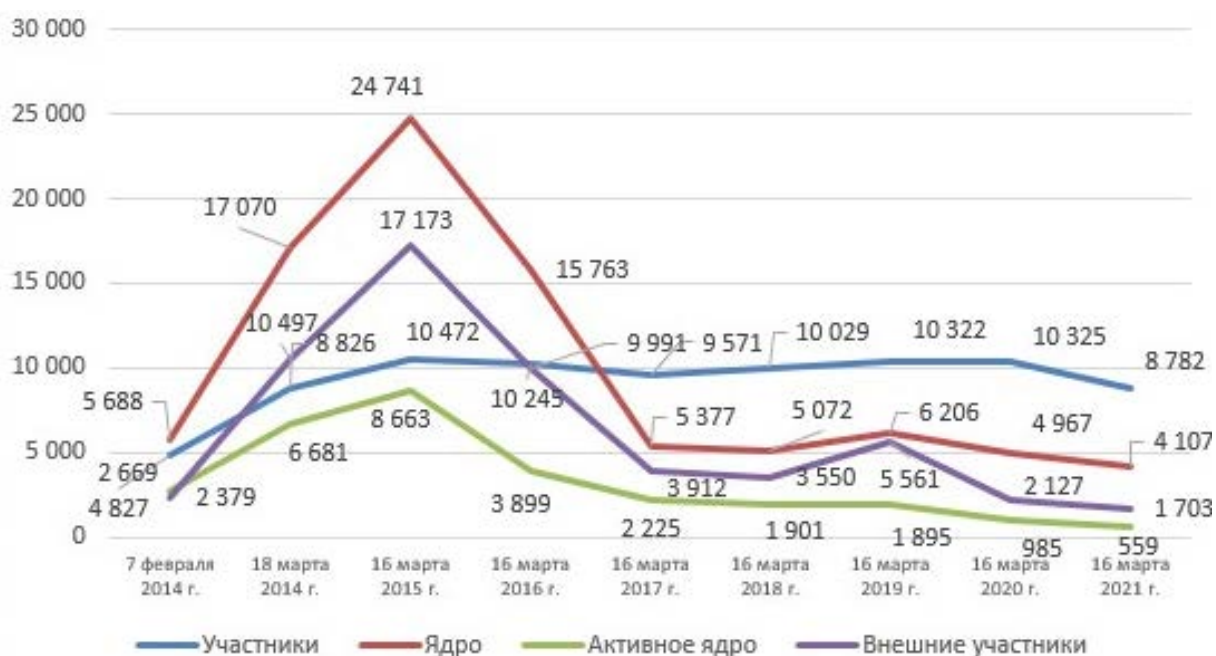

Рисунок 1. Показатели участия онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

Отдельно уделим внимание активным группам участников онлайн-сообщества («ядру» и «активному ядру»). Так, максимальное количество пользователей, отнесенных к «ядру», то есть тех, кто совершил одно действие и более в сообществе, было зафиксировано в 2015 году (24 741 чел.), спустя год после окончания игр, а минимальное количество участников этой группы зафиксировано в 2021 году (4 107 чел.), что говорит о снижении активности «ядра» сообщества после 2015 года.

Аналогичная ситуация сложилась и с участниками, отнесенными к «активному ядру», то есть теми, кто сделал три действия и более в сообществе. В 2015 году был зафиксировано максимальное количество участников, относившихся к «активному ядру» сообщества (8 663 чел.), затем показатели ежегодно снижались и достигли минимума в 2021 году (559 чел.). Таким образом, основываясь на данных, полученных при помощи сервисов анализа онлайн-сообществ, мы выявили, что повышенная активность участников сообщества олимпийских волонтеров была в 2015 году, затем показатели активного участия снижались, при этом общее число участников сообщества постоянно росло до 2020 года, но в 2021 году зафиксировано снижение числа участников сообщества.

Такие количественные показатели действий участников онлайн-сообщества, как количество публикаций в сообществе и репостов, представлены на рисунке 2, количество лайков и комментариев — на рисунке 3. Заметим, что показатели действия аккумулируются за годы наблюдений, то есть к показателям предыдущего года прибавляются показатели нового года; это обусловлено тем, что действия участников онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» остаются действительными спустя время.

Важным показателем любого онлайн-сообщества является количество размещаемых в нем публикаций и репостов к ним. За период с 2014 по 2021 гг. в онлайн-сообществе было размещено 17 933 публикаций и 17 122 репоста.

Однако с 2016 по 2021 гг. в онлайн-сообществе было размещено только 732 публикации и участники сделали 2 790 репостов этих публикаций, в то время как с 2014 по 2016 гг. — 8 761 публикация и 12 775 репостов. Таким образом, максимальные показатели онлайн-сообщества «Подслушано/VOLUNTEERS» были зафиксированы с 2014 по 2016 гг., то есть на протяжении непосредственно проведения Олимпийских и Паралимпийских игр и спустя 2 года после них.

Остановившись на других показателях действий участников онлайн-сообщества волонтеров, отметим, что с 2014 по 2021 гг. количество лайков и комментариев участников сообщества многократно возросло. Это свидетельствует о том, что данное сообщество функционирует и участники этого онлайн-сообщества активны. Количество комментариев в онлайн-сообществе олимпийских волонтеров выросло с 34 502 в 2014 году, до 217 518 в 2021 году, количество лайков — с 34 162 в 2014 году, до 700 010 в 2021 году. Если рассматривать отображение изменения числа лайков, то можно заметить, что наибольшее изменение зафиксировано в 2015 году: с 122 000 18 марта 2014 года, до 334 686 16 марта 2015 года, из чего следует, что именно в этот период по данному показателю наблюдается максимальная активность участников сообщества.

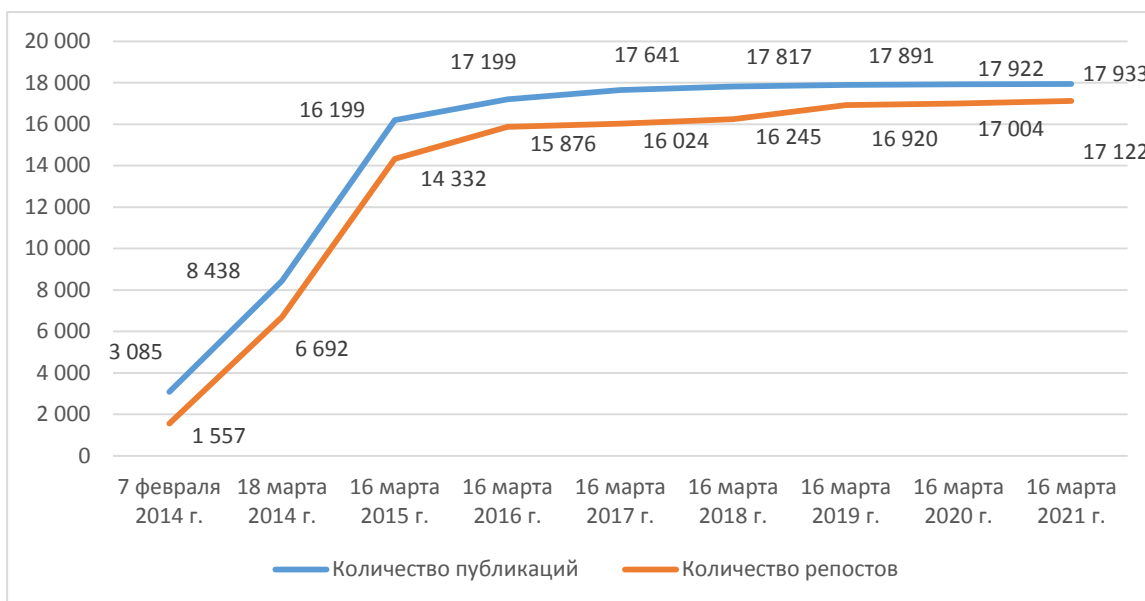

Рисунок 2. Показатели действий (количество публикаций и репостов) участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

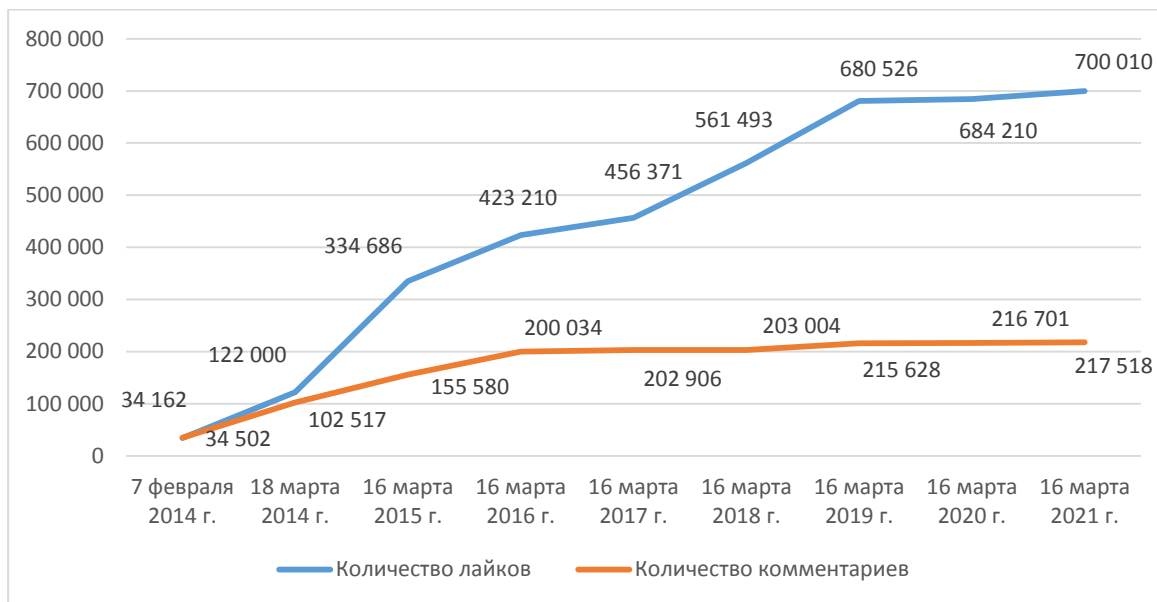

Рисунок 3. Показатели действий (количество лайков и комментариев) участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

Изучая действия участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров, мы узнали, что онлайн-сообщество, созданное самими волонтерами, является активной

площадкой для взаимодействия участников как во время игр, так и после. Так, спустя 6 лет после мероприятия волонтеры используют сообщество для общения и обмена информацией, также со стороны волонтеров проявляется интерес к данному сообществу, хотя этот интерес и снижается по прошествии времени после мероприятия.

Участникам онлайн-опроса предлагалось выделить интенсивность взаимодействий с коллегами по олимпийской волонтерской работе в социальных сетях. На вопрос: «Если Вы поддерживаете контакты с коллегами и знакомыми по волонтерской работе в социальных сетях, то как часто общаетесь?» 47 % волонтеров ответили, что они общаются с коллегами примерно несколько раз в год; 27 % — не чаще одного раза в год; 8 % — не чаще одного раза в месяц.

Отдельно отметим ответы олимпийских волонтеров на вопрос: «Если Вы поддерживаете общение с коллегами и знакомыми по волонтерской работе в социальных сетях, то по каким поводам или в связи с какими проблемами Вы чаще всего общаетесь?». 89 % участников исследования ответили, что они общаются по самому широкому кругу вопросов; 54 % — обсуждают повседневные темы; 28 % — обсуждают темы, касающиеся профессиональной или учебной деятельности; 21 % — обсуждают темы, касающиеся волонтерской работы на Олимпийских и Паралимпийских играх; 18 % — обсуждают темы, связанные с волонтерством.

Выводы

Целью данной статьи было изучение онлайн-взаимодействий олимпийских волонтеров после игр. При этом в статье не только демонстрируются возможности анализа онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте», но и была предпринята попытка получения информации о взаимодействиях волонтеров после игр. Исследователи доказали, что участие в олимпийских волонтерских программах способствует расширению социального капитала волонтеров. Но возникает вопрос, поддерживают ли волонтеры приобретенные социальные контакты как часть своего социального капитала.

Анализ результатов онлайн-опроса олимпийских волонтеров показал, что волонтеры поддерживают контакты между собой после мероприятия с помощью социальных сетей, также популярными платформами для взаимодействий были специализированные сайты и форумы. Вместе с тем участники исследования общаются со своими коллегами и знакомыми по олимпийской волонтерской работе не так часто (время от времени или несколько раз в год), что свидетельствует о сохранении не особо тесных контактов после мероприятия. Интересно, что волонтеры зачастую общаются между собой по широкому кругу тем или повседневным вопросам и реже обсуждают волонтерство.

На основе анализа таких показателей онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано/VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте», как количество подписчиков и внешних участников сообщества, изменение количественных показателей наиболее активных участников сообщества, количество действий участников сообщества и наиболее популярных публикаций сообщества на протяжении наблюдаемого периода с 2014 по 2021 гг., нами были сделаны выводы о том, что олимпийские волонтеры продолжают взаимодействовать между собой с помощью с онлайн-сообщества «Под-

слушано/VOLUNTEERS» на протяжении всего рассматриваемого периода времени; наиболее высокие показатели активности волонтеров в онлайн-сообществе отмечены с 2014 по 2016 гг., далее активность участников в онлайн-сообществе снижается.

Библиографический список

- [1] Гуреева, Е. А. Социально-экономический эффект и наследие мегаспортивных мероприятий / Е. А. Гуреева. – Текст : непосредственный // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2014. – № 11 (77). – С. 136–144.
- [2] Davies, L. E. Beyond the games : Regeneration legacies and London 2012 / L. E. Davies. – DOI 10.1080/02614367.2011.649779. – Direct text // Leisure Studies. – 2012. – Vol. 31, Issue 3. – P. 309–337.
- [3] Leopkey, B. The governance of Olympic legacy : Process, actors and mechanisms / B. Leopkey, M. M. Parent. – DOI 10.1080/02614367.2016.11419732017. – Direct text // Leisure Studies. – 2017. – Vol. 36, Issue 3. – P. 438–451.
- [4] Якименко, О. Д. Основные проблемы управления наследием Олимпийских игр / О. Д. Якименко. – DOI 10.5930/issn.1994-4683.2014.04.110.p199-203. – Текст : непосредственный // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2014. – № 4 (110). – С. 199–203.
- [5] Baade, R. A. Bidding for the Olympics: fool's gold? / R. A. Baade, V. Matherson. – Direct text // Transatlantic Sport : The Comparative Economics of North American and European Sports / Edited by C.P. Barros, M. Ibrahim, S. Szymanski. – Cheltenham, UK, Northampton, USA : Edward Elgar Publishing, 2003. – P. 127–151.
- [6] Kasimati, E. Assessing the impact of the 2004 Olympic Games on the Greek economy : A small macroeconomic model / E. Kasimati, P. Dawson. – DOI 10.1016/j.econmod.2008.06.006. – Direct text // Economic modelling. – 2009. – Vol. 26, Issue 1. – P. 139–146.
- [7] Preuss, H. The economics of staging the Olympics : a comparison of the Games, 1972–2008 / H. Preuss. – Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2004. – 332 p. – Direct text.
- [8] Brand China : Using the 2008 Olympic Games to enhance China's image / P. Berkowitz, G. Gjermano, L. Gomez, G. Schafer. – DOI 10.1057/palgrave.pb.6000059. – Direct text // Place Branding and Public Diplomacy. – 2007. – Vol. 3. – P. 164–178.
- [9] Gold, J. R. Olympic cities : Regeneration, City Rebranding and Changing Urban Agendas / J. R. Gold, M. M. Gold. – DOI 10.1111/j.1749-8198.2007.00080.x. – Direct text // Geography compass. – 2008. – Vol. 2, Issue 1. – P. 300–318.
- [10] Мишулина, С. И. Наследие Олимпиады 2014 : развитие туристской инфраструктуры / С. И. Мишулина. – DOI 10.12737/6577. – Текст : непосредственный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – Т. 8, № 4. – С. 75–88.

- [11] Cashman, R. *The Bitter-Sweet Awakening : The Legacy of the Sydney 2000 Olympic Games* / R. Cashman. – Sydney, Australia : Walla Walla Press, 2006. – 310 p. – Direct text.
- [12] Hiller, H. H. *Post-event Outcomes and the Post-modern Turn : The Olympics and Urban Transformations* / H. H. Hiller. – DOI 10.1080/16184740601154458. – Direct text // *European Sport Management Quarterly*. – 2006. – Vol. 6, Issue 4. – P. 317–332.
- [13] Truno, E. *Barcelona : City of sport* / E. Truno. – Direct text // *The Keys to Success : The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona'92* / Edited by M. de Moragas, M. Botella. – Barcelona, Spain : DServei de Publicacions de la UAB, 1995. – P. 43–56.
- [14] Strigas, A. D. *Motivating volunteers to serve and succeed : Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism* / A. D. Strigas, E. Newton Jackson, Jr. – Direct text // *International Sports Journal*. – 2003. – Vol. 7, Issue 1. – P. 111–124.
- [15] Zhuang, J. *Volunteer selection and social, human and political capital : a case study of the Beijing 2008 Olympic Games* / J. Zhuang, V. Girginov. – DOI 10.1080/13606719.2012.674397. – Direct text // *Managing Leisure*. – 2012. – Vol. 17, Issue 2–3. – P. 239–256.
- [16] Green, C. *Sport volunteers : Research agenda and application* / C. Green, L. Chalip. – Direct text // *Sport Marketing Quarterly*. – 1998. – Vol. 7, Issue 2. – P. 14–23.
- [17] Daly, J. A. *Volunteers in South Australian Sport : A Study* ; Australian Sports Commission / J. A. Daly. – Canberra, Australia, 1991. – Direct text.
- [18] Strigas, A. *Motivational factors for student volunteers and the development of an incentive typology in sports settings* / A. Strigas. – Direct text // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 2003. – Issue 74. – P. 90.
- [19] Shin, S., Kleiner, B. H. *How to manage unpaid volunteers in organisations* / S. Shin, B. H. Kleiner. – DOI 10.1108/01409170310784005. – Direct text // *Management Research News*. – 2003. – Vol. 26, Issue 2/3/4. – P. 63–71.
- [20] Doherty, A. *The volunteer legacy of a major sport event* / A. Doherty. – Direct text // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. – 2009. – Vol. 1, Issue 3. – P. 185–207.
- [21] Shipway, R. *Sustainable legacies for the 2012 Olympic Games* / R. Shipway. – DOI 10.1177/1466424007077344. – Direct text // *The Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*. – 2007. – Vol. 127, Issue 30. – P. 119–124.
- [22] Bell, B. *Embracing the games? Leverage and legacy of London 2012 Olympics at the sub-regional level by means of strategic partnerships* / B. Bell, K. Gallimore. – Direct text // *Leisure Studies*. – 2015. – Vol. 34, Issue 6. – P. 720–741.
- [23] Zhuang, J. *Volunteer selection and social, human and political capital : a case study of the Beijing 2008 Olympic Games* / J. Zhuang, V. Girginov. – DOI 10.1080/13606719.2012.674397. – Direct text // *Managing Leisure*. – 2012. – Vol. 17, Issue 2–3. – P. 239–256.

- [24] Игнатъева, И. В. Маркетинг социальных сетей как инструмент продвижения / И. В. Игнатъева, И. И. Зедгенизова. – Текст : непосредственный // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 7. – С. 125–129.
- [25] Nichols, G. The 2012 Olympic Ambassadors and sustainable tourism legacy / G. Nichols, R. Ralston, K. Holmes. – DOI 10.1080/09669582.2017.1291648. – Direct text // Journal of Sustainable Tourism. – 2017. – Vol. 25, Issue 11. – P. 1513–1528.
- [26] Nichols, G. The 2012 Ambassadors : Second class Olympic volunteers or the best potential for developing a volunteering legacy from the Games? / G. Nichols, R. Ralston // Event volunteering, international perspectives on the event volunteering experience / Edited by K. Smith, L. Lockstone, K. Holmes [et al.]. – Abingdon : Routledge, 2014. – P. 167–181.
- [27] Lockstone, L. The public face of event volunteering at the 2006 commonwealth games : The media perspective / L. Lockstone, T. Baum. – DOI 10.1080/13606710802551254. – Direct text // Managing Leisure. – 2009. – Vol. 14, Issue 1. – P. 38–56.
- [28] Ветцель, К. Я. Социальные медиа и социальные сети : проблемы терминологии и модели взаимодействия пользователей / К. Я. Ветцель. – DOI 10.23670/IRJ.2020.99.9.023. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 9 (99). – С. 139–141.
- [29] Boyd, D. M. Social Network Sites : Definition, History, and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison. – DOI 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x. – Direct text // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Vol. 13, Issue 1. – P. 210–230.
- [30] Are there social limits to adaptation to climate change? / Adger W. N., S. Dessai, M. Goulden [et al.]. – Direct text // Climatic change. – 2009. – Vol. 93, Issue 3. – P. 335–354.
- [31] Tchurakov, A. M. Analysis of Social Networks / A. M. Tchurakov. – Direct text // Sociological Studies. – 2001. – Vol. 1. – P. 109–121.
- [32] Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году : изучаем инсайты. – Текст электронный. – 2020. – 31 августа. – URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/> (дата обращения: 20.07.2020).
- [33] Вебер, К. С. Сравнительный анализ социальных сетей / К. С. Вебер, А. А. Пименова. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки. – 2014. – Т. 19, № 2. – С. 634–636.
- [34] Онлайн-сообщество «Волонтеры «Сочи–2014». – URL: http://vk.com/sochi2014_volunteers (дата доступа: 21.01.2021). – Текст : электронный.
- [35] Онлайн-сообщество «Подслушано/VOLUNTEERS SOCHI 2014». – URL: http://vk.com/overhear_sochi2014 (дата доступа: 21.01.2021). – Текст : электронный.

References

- [1] Gureeva, E. A. (2014). Social and economic effect and heritage of mega-sports events. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics, (11(77)), pp. 136-144. (In Russian).

- [2] Davies, L. E. (2012). Beyond the games: Regeneration legacies and London 2012. *Leisure Studies*, 31(3), pp. 309-337. (In English). DOI: 10.1080/02614367.2011.649779.
- [3] Leopkey, B., & Parent, M. M. (2017). The governance of Olympic legacy: Process, actors and mechanisms. *Leisure Studies*, 36(3), pp. 438-451. (In English). DOI: 10.1080/02614367.2016.11419732017
- [4] Yakimenko, O. D. (2014). The main problems of post-olympic games legacy and sustainability management. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, (4(110)), pp. 199-203. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.04.110.p199-203
- [5] Baade, R. A., & Matheson, V. (2003). Bidding for the Olympics: fool's gold. *Transatlantic Sport: The Comparative Economics of North American and European Sports*. Cheltenham, UK, Northampton, USA, Edward Elgar Publishing, pp. 127-151. (In English).
- [6] Kasimati, E., & Dawson, P. (2009). Assessing the impact of the 2004 Olympic Games on the Greek economy: A small macroeconometric model. *Economic modelling*, 26(1), pp. 139-146. (In English). DOI: 10.1016/j.econmod.2008.06.006
- [7] Preuss, H. (2004). *The economics of staging the Olympics: a comparison of the Games, 1972-2008*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 332 p. (In English).
- [8] Berkowitz, P., Gjermano, G., Gomez, L., & Schafer, G. (2007). Brand China: Using the 2008 Olympic Games to enhance China's image. *Place Branding and Public Diplomacy*, 3, pp. 164-178. (In English). DOI: 10.1057/palgrave.pb.6000059
- [9] Gold, J. R., & Gold, M. M. (2008). Olympic cities: Regeneration, city rebranding and changing urban agendas. *Geography compass*, 2(1), pp. 300-318. (In English). DOI: 10.1111/j.1749-8198.2007.00080.x
- [10] Mishulina, S. I. (2014). The legacy of the 2014 Olympics: the development of tourist infrastructure. *Service and tourism: current challenges*, 8(4), pp. 75-88. (In Russian). DOI: 10.12737/6577
- [11] Cashman, R. (2006). *The Bitter-Sweet Awakening: The Legacy of the Sydney 2000 Olympic Games*. Sydney, Australia, Walla Walla Press, 310 p. (In English).
- [12] Hiller, H. H. (2006). Post-event outcomes and the post-modern turn: The Olympics and urban transformations. *European Sport Management Quarterly*, 6(4), pp. 317-332. (In English). DOI: 10.1080/16184740601154458
- [13] Truno, E. (1995). *Barcelona: City of sport. The Keys to Success: The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona'92*. Barcelona, Spain, D Servei de Publicacions de la UAB, pp. 43-56. (In English).
- [14] Strigas, A. D., & Newton Jackson, E., Jr. (2003). Motivating volunteers to serve and succeed: Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism. *International Sports Journal*, 7(1), pp. 111-124. (In English).
- [15] Zhuang, J., & Girginov, V. (2012). Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games. *Managing Leisure*, 17(2-3), pp. 239-256. (In English). DOI: 10.1080/13606719.2012.674397
- [16] Green, C., & Chalip, L. (1998). Sport volunteers: Research agenda and application. *Sport Marketing Quarterly*, 7(2), pp. 14-23. (In English).

- [17] Daly, J. A. (1991). *Volunteers in South Australian Sport: A Study*; Australian Sports Commission. Canberra, Australia. (In English).
- [18] Strigas, A. (2003). Motivational factors for student volunteers and the development of an incentive typology in sports settings. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, (74), pp. 90. (In English).
- [19] Shin, S., & Kleiner, B. H. (2003). How to manage unpaid volunteers in organisations. *Management Research News*, 26(2/3/4), pp. 63-71. (In English).
- [20] Doherty, A. (2009). The volunteer legacy of a major sport event. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 1(3), pp. 185-207. (In English).
- [21] Shipway, R. (2007). Sustainable legacies for the 2012 Olympic Games. *The Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*, 127(30), pp.119-124. (In English) DOI: 10.1177/1466424007077344
- [22] Bell, B., & Gallimore, K. (2015). Embracing the games? Leverage and legacy of London 2012 Olympics at the sub-regional level by means of strategic partnerships. *Leisure Studies*, 34(6), pp. 720-741. (In English).
- [23] Zhuang, J., & Girginov, V. (2012). Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games. *Managing Leisure*, 17(2-3), pp. 239-256. (In English). DOI: 10.1080/13606719.2012.674397
- [24] Ignatyeva, I. V., Zedgenizova, I. I. (2019). Social media marketing as a promotion tool. *Innovation & Investment*, (7), pp. 125-129. (In Russian).
- [25] Nichols, G., Ralston, R., & Holmes, K. (2017). The 2012 Olympic Ambassadors and sustainable tourism legacy. *Journal of Sustainable Tourism*, 25(11), pp. 1513-1528. (In English). DOI: 10.1080/09669582.2017.1291648
- [26] Nichols, G., & Ralston R. (2014). *The 2012 Ambassadors: Second class Olympic volunteers or the best potential for developing a volunteering legacy from the Games? Event volunteering, international perspectives on the event volunteering experience*. Abingdon, Routledge, pp. 167-181. (In English).
- [27] Lockstone, L., & Baum, T. (2009). The public face of event volunteering at the 2006 commonwealth games: The media perspective. *Managing Leisure*, 14(1), pp. 38-56. (In English). DOI: 10.1080/13606710802551254
- [28] Wetzell, K. Ya. (2020). Social media and social networking services: terminological problems and user communication models. *International Research Journal*, (9(99)), pp. 139-141. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2020.99.9.023
- [29] Boyd, D. M., & Ellison, N. B. (2007). Social network sites : Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1), pp. 210-230. (In English). DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x
- [30] Adger, W. N., Dessai, S., Goulden, M., Hulme, M., Lorenzoni, I., Nelson, D. R.,... Wrexford, A. (2009). Are there social limits to adaptation to climate change? *Climatic change*, 93(3), pp. 335-354. (In English).
- [31] Tchurakov A. M. (2001). Analysis of Social Networks. *Sociological Studies*, (1), pp. 109-121. (In English).

- [32] Auditoriya shesti krupneyshikh sotssetey v Rossii v 2020 godu: izuchaem insayty. (In Russian). Available at: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/>
- [33] Veber, K. S., & Pimenova, A. A. (2014). Comparative analysis of social networks. Tambov University Reports. Series: Natural and Technical Sciences, 19(2), pp. 634-636. (In Russian).
- [34] Onlayn-soobshchestvo "Volonteriy "Sochi-2014". (In Russian). Available at: http://vk.com/sochi2014_volunteers
- [35] Onlayn-soobshchestvo "Podslushano/VOLUNTEERS SOCHI 2014". (In Russian). Available at: http://vk.com/overhear_sochi2014

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 26/08/2021

Принята к публикации / Accepted: 27/08/2021

УДК 316.75

**Применение технологий виртуальной реальности в обучении:
ценностный аспект (по результатам социологического исследования)**

Светлана Владимировна Толмачева, Лидия Алексеевна Толмачева

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Смена парадигм общественного развития в постиндустриальную цифровую реальность и проблемы индустриализации 4.0 активизировались в период пандемических ограничений 2020/2021 гг. Все возрастающее использование технологий виртуальной реальности требует осмысления их роли в общественном развитии. Наиболее часто искусственная реальность используется в игровой индустрии, но за последний год ниша виртуальной реальности активно развивается в сфере образования как инструмент для оперирования большим количеством информации и новыми способами ее представления, а также для коммуникаций в социуме. Поэтому исследование роли отношения людей в современном российском обществе к технологиям виртуальной реальности, ценностные аспекты реализации предлагаемых технологий в обучении актуализируются в настоящее время. В статье представлены результаты авторского исследования восприятия ценности обучения с применением технологий виртуальной реальности в современном российском социуме. Применение авторского подхода, основанного на методах научного обобщения, сравнительного анализа и выборочного социологического исследования, позволило установить, что большинство респондентов знакомы с технологиями виртуальной реальности, однако менее половины из числа опрошенных рассматривают обучение с применением технологий искусственной реальности как ценность. Практическая значимость представленного исследования заключается в определении основ дальнейших научных изысканий в области применения технологий виртуальной реальности в образовательной сфере.

Ключевые слова: индустрия 4.0, технологии виртуальной реальности, ценность образования.

**Application of virtual reality technologies in learning: the value aspect
(according to the results of a sociological study)**

Svetlana V. Tolmacheva, Lidiya A. Tolmacheva

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Russia

Abstract. The paradigm shift of social development into a post-industrial digital reality and the problems of industrialization 4.0 intensified during the 2020/2021 pandemic restrictions. The increasing use of virtual reality technologies requires an understanding of their role in social development. Artificial reality is most often used in the gaming industry, but over the past year, the virtual reality niche has been actively developing in the field of education as a tool for handling a large amount of infor-

mation and new ways of presenting it, as well as for communication in society. Therefore, the study of the role and attitude of people in modern Russian society to virtual reality technologies, the value aspects of the implementation of the proposed technologies in training is currently being updated. The article presents the results of the author's study of the perception of the value of learning using virtual reality technologies in modern Russian society. The use of the author's approach, based on the methods of scientific generalization, comparative analysis and selective sociological research, allowed us to establish that the majority of respondents are familiar with virtual reality technologies, but less than half of the respondents consider learning using artificial reality technologies as a value. The practical significance of the presented research lies in defining the foundations of further scientific research in the field of application of virtual reality technologies in the educational sphere.

Keywords: industry 4.0, virtual reality technologies, value of education.

Введение

В настоящее время все больше внимания в профессиональном сообществе, средствах массовой информации и социуме уделяется проблеме индустриализации 4.0, которая активно использует такое сложное понятие, как «виртуальная реальность». Становление индустриализации 4.0 предполагает развитие и использование виртуальной реальности (VR) как одной из ключевых технологий, формирующих будущее сектора промышленности, сферы услуг и образования [1]. Виртуальная реальность научным сообществом трактуется как искусственная среда, которая воспринимается посредством сенсорных стимулов (таких как образы и звуки), предоставляемых компьютером, и в которой действия человека частично определяют то, что происходит в окружающей среде [2]. Применение технологий искусственной реальности наиболее активно охватило индустрию развлечений, а именно рынок видеоигр [3]. Обусловлено это тем, что виртуальная реальность погружает пользователей в виртуальную среду, созданную с помощью компьютерного моделирования, а развитие технических и программных разработок позволяет пользователям самостоятельно задавать исходные параметры, которые необходимы для создания комфортной обстановки в процессе игры.

Виртуальная реальность предполагает одновременно и компьютерное моделирование, в котором человек может взаимодействовать в искусственной трехмерной среде с помощью электронных устройств. Однако, несмотря на то что компании используют программы САД и ВМ (информационная модель), предназначенные для 3D-моделирования, часто ограничения по визуализации не дают возможность раскрыть все особенности проектируемого объекта. Интеграция виртуальной реальности на предприятиях, в организациях позволяет производителям упростить процессы производства, обучения, а также повысить качество производства и стандарты безопасности во всем обществе [4; 5].

Промышленность и образовательная сфера стали одними из отраслей, научившихся наиболее эффективно использовать высокотехнологичные решения. Современные компьютерные технологии, а именно технологии дополненной и виртуальной реальности достаточно активно внедряются на производстве для снижения издержек, оп-

тимизации процессов, повышения уровня безопасности и улучшения качества корпоративного образования [6; 7].

В настоящее время производственные предприятия, как правило, представляют собой чрезвычайно сложные конгломераты различного оборудования, механизмов, работников, включенных в единый производственный процесс, которые никогда не должны останавливаться. Потоки и процессы продолжаются постоянно, и даже кратковременная, секундная задержка может иметь большое значение для производственного процесса. В таких условиях достаточно сложно организовать испытания, обучение и техническое обслуживание, так как они часто связаны, с одной стороны, с прерыванием производственного процесса, а с другой — с опасностью для работников. Именно в этих условиях трехмерная компьютерная среда или виртуальная реальность показывает свою ценность. Перенос некоторых сложных и опасных процессов в виртуальную реальность, производственные компании могут оптимизировать свою деятельность, а иногда даже сэкономить затраты в долгосрочной перспективе [8; 9].

Из вышесказанного следует, что наиболее актуальной, возможной и одновременно проблемной частью сложного современного процесса профессионального образования является перевод процесса обучения в виртуальную реальность. Внедрение иммерсивного обучения в виртуальной реальности позволяет получить необходимые практические навыки, делая процесс получения знаний доступным [10–13]. Моделирование виртуальной реальности создает ощущение эффективной навигации в реальном мире для лучшего практического обучения. Все это обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

В настоящее время условно выделяют четыре направления использования VR-технологии в производстве: дизайн и прототипирование; управление производственными запасами; инструктаж сотрудников в режиме реального времени; предотвращение несчастных случаев и сбоев производственного процесса [14]. Первое направление использования технологий виртуальной реальности на начальном этапе разработки продукта может действительно продемонстрировать, как будет выглядеть продукт без создания физического прототипа. Решения дополненной и виртуальной реальности помогают опустить промежуточные этапы производственного процесса, такие как, например, создание физического прототипа, и быстро запускать новые продукты в производство. Хотя в трехмерном моделировании дизайна изделий нет ничего нового, так как они не передают фактическое видение промышленных дизайнеров — следовательно, отнимают больше времени на пересмотр и повторение. Но с помощью виртуальной реальности дизайн переносится в виртуальную среду, позволяя разработчикам увидеть, как в мельчайших деталях будет выглядеть будущий продукт. Если разработчики-конструкторы смогут видеть свои модели под разными углами, то это даст им лучшее представление о том, как их требуется усовершенствовать. С помощью виртуальной реальности потребители и производители могут более тщательно изучить дизайн, рассматривая его с целостной точки зрения, которая позволяет разместить будущий продукт в реальных условиях. Это не только экономит время, но и повышает общее качество конечного продукта. От концепции до детального дизайна, VR создает открытую

среду, в которой фактическое качество продукта может соответствовать визуализированным моделям [15; 16].

Второе направление использования технологий виртуальной реальности заключается в управлении производственными запасами. Сложный процесс управления базами данных при инвентаризации и процесс выбора нужного продукта со склада по-прежнему требуют достаточно много ручного труда. VR-технология помогает устранить путаницу и сделать этот процесс наиболее быстрым и точным. Человек с помощью уже спроектированной 3D-модели склада получает инструкции о точном местонахождении определенного предмета и направляется к месту его хранения. Таким образом минимизируются издержки хранения продукции и увеличивается скорость обработки запроса при инвентаризации складских помещений [17].

Особым и важным преимуществом использования виртуальной реальности является возможность предотвращения несчастных случаев при производстве и обучении. VR помогает прогнозировать и, таким образом, потенциально избегать опасностей и рисков сбоев, связанных с использованием, например, сборочной линии. Моделируя производственную среду, производственные компании, организации сферы образования смогут выявлять потенциальные угрозы и устранять их задолго до их возникновения, проецируя в обучающем комплексе. Ценность этого направления использования технологий виртуальной реальности невозможно переоценить, поскольку оно помогает сократить время простоев, травматизм, а также расходы на ремонт и техническое обслуживание, повышает безопасность сотрудников организаций [18]. На современном предприятии производственные линии в идеале должны работать непрерывно круглосуточно и без выходных, без простоев. Моделируя ключевые процессы и выполняя виртуальные испытания производственных линий и оборудования, VR-технология помогает выявлять ошибки, которые могут привести к потенциальным сбоям, и устранять их до того, как они остановят работу.

В быстро меняющейся промышленной и образовательной среде обучение технике безопасности важно для всего персонала. Огромным преимуществом является то, что сотрудники могут получить реальный практический опыт с помощью обучения с использованием технологий виртуальной реальности, прежде чем войти в критически важную для безопасности среду. VR в настоящее время широко используются для обучения сотрудников, поскольку они могут моделировать все возможные процессы в режиме реального времени. Например, технология создания среды цифрового двойника помогает сотрудникам при прохождении обучения технике безопасности ориентироваться в пространстве, понимать, где расположены различные компоненты, и использовать критически важное для безопасности оборудование. Этот опыт обучения виртуальной реальности — прекрасная возможность убедиться, что сотрудники организации получают реалистичное представление о проблемах промышленной безопасности, с которыми они будут сталкиваться повседневно, без ущерба для своего здоровья или благополучия. Работник в процессе обучения получает виртуальные инструкции, проецируемые на устройство. Это помогает организации сэкономить недели, а то и месяцы длительного обучения, а также позволяет устранить общеизвестный человеческий фактор и избежать ошибок [19].

Однако при разработке, внедрении и использовании технологий виртуальной реальности в процессе обучения существуют ряд ограничений, и не только экономических, например, высокие первоначальные издержки временные и материальные, затраты на обслуживание и функционирование технологических комплексов. Основные препятствия внедрения данных технологий обучения могут лежать в плоскости социальной ценностной значимости использования технологий виртуальной реальности в сфере образования в противовес традиционным технологиям. И вопрос этичности иммерсивного обучения со стороны профессионалов уже ставится как один из важнейших и требующих своего решения [20; 21]. Поэтому целью данного исследования можно определить анализ восприятия ценности обучения с применением технологий виртуальной реальности в современном российском обществе.

Материалы и методы

В работе в соответствии с поставленной целью использованы общенаучные методы изучения проблемы и достижения цели, такие как системный, синергетический, формально-логический, а также и специальные методы, такие как выборочное социологическое исследование методом опроса с использованием инструментария анкетирования в электронном формате, моделирования. Метод системного анализа позволил выявить основные направления развития и применения технологий виртуальной реальности в современном российском обществе. Синергетический метод позволил определить, что интерес к осмыслению влияния использования в различных сферах технологий виртуальной реальности активизируется со стороны научного сообщества, об этом свидетельствуют работы Э. Купер, Е. Беркли, С. Мистакидиса, М. Л. Белоножко, Н. Н. Трофимовой, А. В. Замкова, Е. В. Шестаковой и других [1; 2; 8; 12; 16]. Различным аспектам обучения посредством технологий виртуальной реальности посвящены труды Н. Бабич, Н. Пеллас, С. А. Грязнова, К. И. Олешкевич, И. В. Павловой, О. П. Довгер и др. [3; 6; 10; 11; 13; 18; 19].

Непосредственно социологическое исследование ценности обучения с использованием технологий виртуальной реальности проводилось в марте – апреле 2021 года. Исследование выборочное. Произведена квотная выборка от генеральной совокупности по такому параметру, как пол. Были опрошены с помощью электронного анкетирования 242 респондента, из них 58,7 % составили женщины и 41,3 % — мужчины, что в целом соответствует структуре современного российского общества [22]. Это позволило рассматривать выводы, полученные в результате выборочного исследования, как тенденции формирования ценности обучения с использованием технологий виртуальной реальности в современном российском обществе.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов исследования позволил выявить осведомленность респондентов о технологиях виртуальной реальности в современном российском обществе (рис. 1). Большинство (60,3 %) респондентов знакомы с технологиями виртуальной реальности, слышали об этих технологиях — 29,8 % и лишь ≈ 1 % являются их активными пользователями. Если рассматривать возрастную структуру положительно ответивших на вопрос о знакомстве с технологиями виртуальной реальности, то следует отметить, что

преимущественно данные ответы поступили от молодых респондентов (в возрасте от 16 до 45 лет), учащихся вузов или имеющих высшее образование квалифицированных специалистов и руководителей подразделений организаций. Такое распределение ответов может косвенно свидетельствовать о новаторском характере разрабатываемых и внедряемых технологий и, следовательно, о недостаточной изученности, возникающих в процессе освоения данных технологий социальных проблем общественного развития.

Рисунок 1. Осведомленность респондентов о технологиях виртуальной реальности

Не знакомы с технологиями виртуальной реальности и никак не связаны с этими технологиями 2,5 и 5 % респондентов соответственно. Еще для ≈ 1 % опрошенных эти технологии не представляют интереса (см. рис. 1). При этом не знакомы и не интересуются технологиями виртуальной реальности женщины старшего возраста (46–60 лет) и, как ни парадоксально, незамужние девушки (16–30 лет). Мужчины не столь категоричны: 28 % что-то слышали о данных технологиях, 64 % знакомы в той или иной мере с технологиями виртуальной реальности. Никак не связаны с технологиями виртуальной реальности и затруднились ответить в совокупности только 8 % респондентов-мужчин, причем старших возрастов (46–60 лет и старше).

Рисунок 2. Осведомленность респондентов об обучении

посредством технологий виртуальной реальности

Одним из важных направлений развития технологий виртуальной реальности является обучение посредством использования данных технологий. Знают о новых направлениях обучения с использованием технологий виртуальной реальности 43 % респондентов и еще 22,3 % что-то слышали об этих технологиях (рис. 2). Однако можно выделить, что почти треть респондентов не сталкивалась с обучением посредством технологий виртуальной реальности.

Анализируя ответы респондентов, следует отметить, что женщины оказались более осведомленными об обучении посредством технологий виртуальной реальности, чем мужчины. Это показывает некую противоречивость соотношения результатов по вопросу знакомства с технологиями виртуальной реальности и с обучением посредством данных технологий: в целом знакомы с технологиями виртуальной реальности больше мужчины, чем женщины, а уже осведомлены об обучении посредством данных технологий более женщины, чем мужчины. Можно предположить, что данный парадокс в результатах объясняется традиционно большим вниманием женщин к процессам, происходящим в образовательной сфере. Осведомленными об обучении с применением технологий виртуальной реальности в большей степени оказались учащиеся вузов, руководители организаций, подразделений и квалифицированные специалисты, что может быть обусловлено большим объемом информации о возможностях нововведений в производственной сфере и повышением квалификации работников.

Почти треть респондентов ничего не знает о новых направлениях обучения посредством использования технологий виртуальной реальности: из них 62,8 % составляют женщины и только 37,2 % — мужчины. Настораживает и факт большой численности респондентов — учащихся вузов, которые не знают об обучении посредством технологий виртуальной реальности (при условии, что элементы данных технологий вынужденно использовались в процессе обучения почти весь 2020 год и в начале 2021 года высшей школой). Видимо, таким образом молодые люди пытаются выразить свое негативное отношение к обучению с использованием технологий виртуальной реальности в противовес традиционным технологиям обучения, которые предполагают значительный элемент межличностных групповых коммуникаций в процессе обучения (определенная форма социального протеста и выражение неприятия обучения посредством только виртуальных технологий). В связи с этим особую значимость приобретает исследование оценки респондентами новых возможностей при обучении с использованием технологий виртуальной реальности (рис. 3).

Анализ ответов респондентов выявил основные возможности, на которые рассчитывают обучающиеся при использовании технологий виртуальной реальности, а именно: облегчение понимания за счет визуализации сложных функций и механизмов, получение опыта взаимодействия и за счет этого лучше запоминать информацию, возможность познавать новое в действии в противовес пассивному усвоению информации, легкое вовлечение учащегося в процесс обучения и, конечно, возможность «связать» теорию и практику в едином процессе. При этом анализ ответов респондентов по гендерному признаку выявил больший оптимизм со стороны женщин по оценке возможностей виртуального обучения, чем у мужчин. Можно предположить, что на оптими-

стичную оценку новых возможностей женской части респондентов повлияла большая вовлеченность в сферу образования как таковую, а также вследствие традиционного распределения ролей в процессе воспитания и обучения детей в семье. Однако следует отметить, что среди тех, кто затрудняется ответить на этот вопрос, также большинство составляют женщины, а не мужчины.

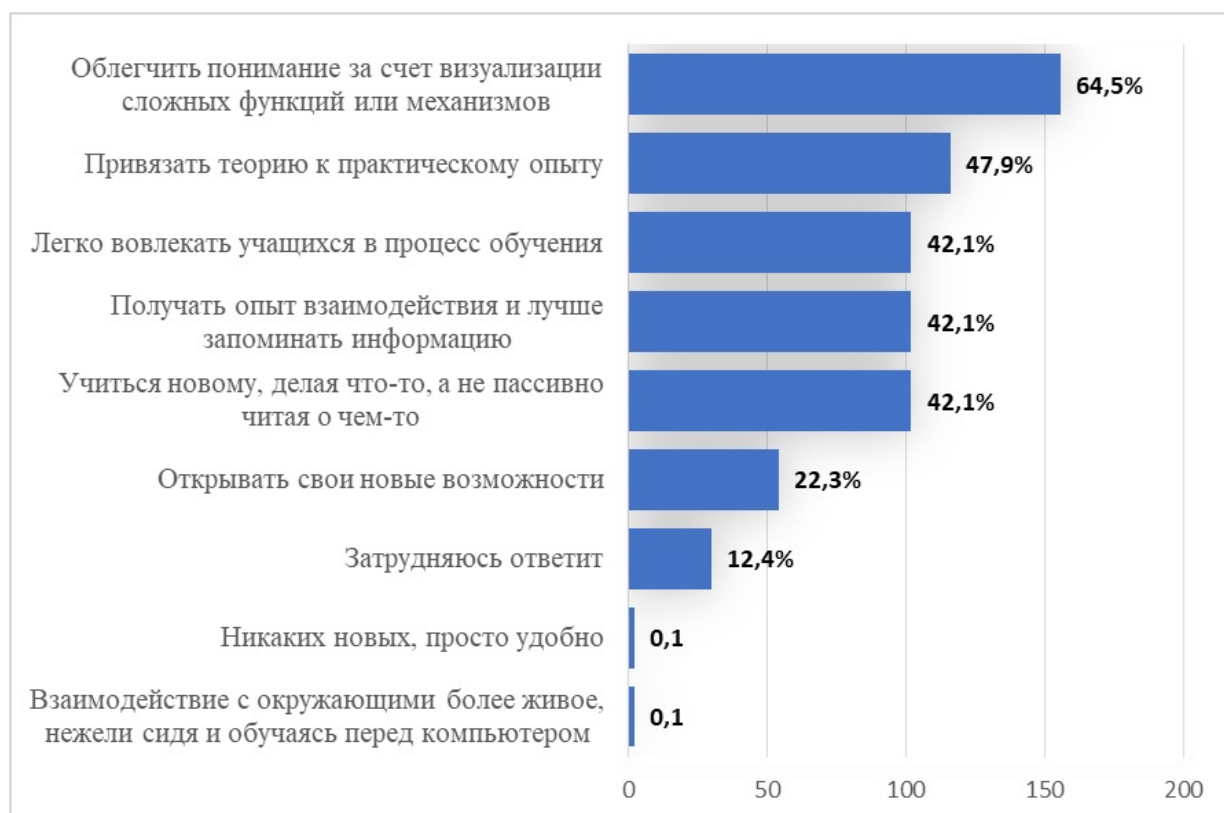

Рисунок 3. Оценка возможностей обучающихся с применением технологий виртуальной реальности

Оценка преимуществ и недостатков, которые возможны при применении обучения с использованием технологий виртуальной реальности позволяет выявить не только ожидания от данных технологий, но и отношение к ним со стороны опрошенных. Так, например, 52,1 % респондентов выделяют в качестве преимущества ощущение «присутствия» в предмете («проживание» в виртуальной реальности), 47,9 и 42,1 % ценят возможности взаимодействия в созданном виртуальном пространстве и возможности общаться с трехмерным изображением или виртуальным миром, созданным машиной (рис. 4). На оценки, возможно, повлияло активное использование сетевых компьютерных игр молодыми респондентами и освоение возможностей виртуального общения. Гибкий график обучения, мобильность, пространственная свобода обучающегося являются значимыми преимуществами почти для половины респондентов. Однако если рассматривать гендерные различия в оценках, то они разнятся: для женщин дан-

ные преимущества обучения с применением технологий виртуальной реальности более значимы, чем для мужчин. И уже традиционно больше преимуществ от применения обучения с использованием технологий виртуальной реальности ждет молодежь, чем люди более старших возрастов.

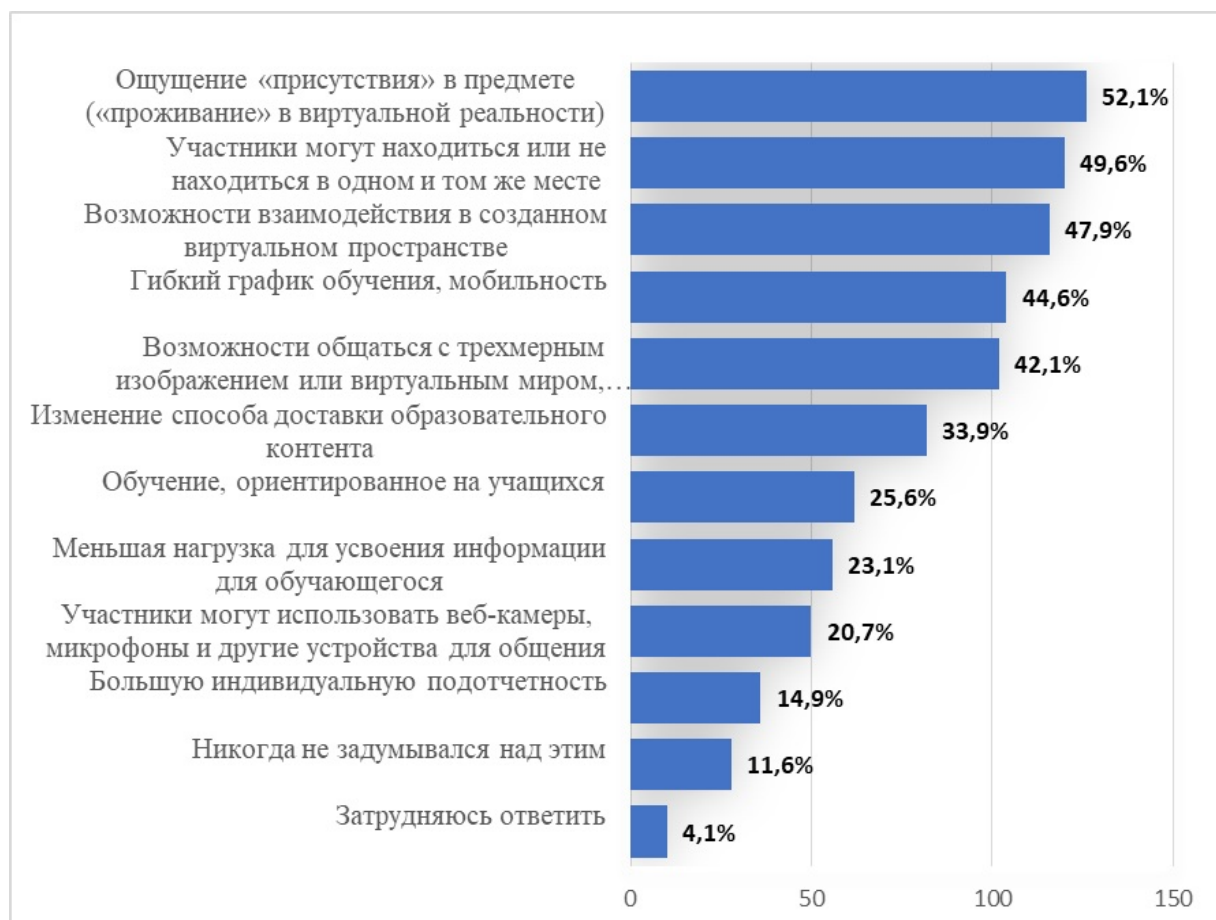

Рисунок 4. Оценка респондентами преимуществ обучения с применением технологий виртуальной реальности

Процесс обучения с применением технологий виртуальной реальности, как видится с позиции современного познания, пока не имеет возрастных ограничений и может быть реализован практически с уровня начального обучения, когда уже в детском возрасте посредством виртуальных технологий в игровой форме происходит обучение/выбор профессий (например, «детский город профессий» и т. д.). Но отношение в обществе к данным виртуальным технологиям демонстрируется скорее как к развлекательно-игровым, а не обучающим. В связи с этим необходимо определить ценность обучения посредством технологий виртуальной реальности по отношению к уровням профессионального образования, то есть с какого уровня профессионального образования применение технологий виртуальной реальности в обучении уже рассматривается как ценность в настоящее время.

Более половины респондентов считают, что технологии виртуальной реальности необходимо внедрять в практико-ориентированное высшее образование, в подготовку и переподготовку рабочих профессий и в процесс повышения квалификации специалистов (рис. 5). Но, следует отметить, что для процесса обучения в магистратуре и для среднего специального образования, по мнению опрошенных, не так важны технологии виртуальной реальности в обучении — 43 и 37,2 % соответственно. При этом женщины оценивают значительно выше необходимость внедрения в образовательный процесс на всех уровнях профессионального образования технологий виртуальной реальности, чем мужчины.

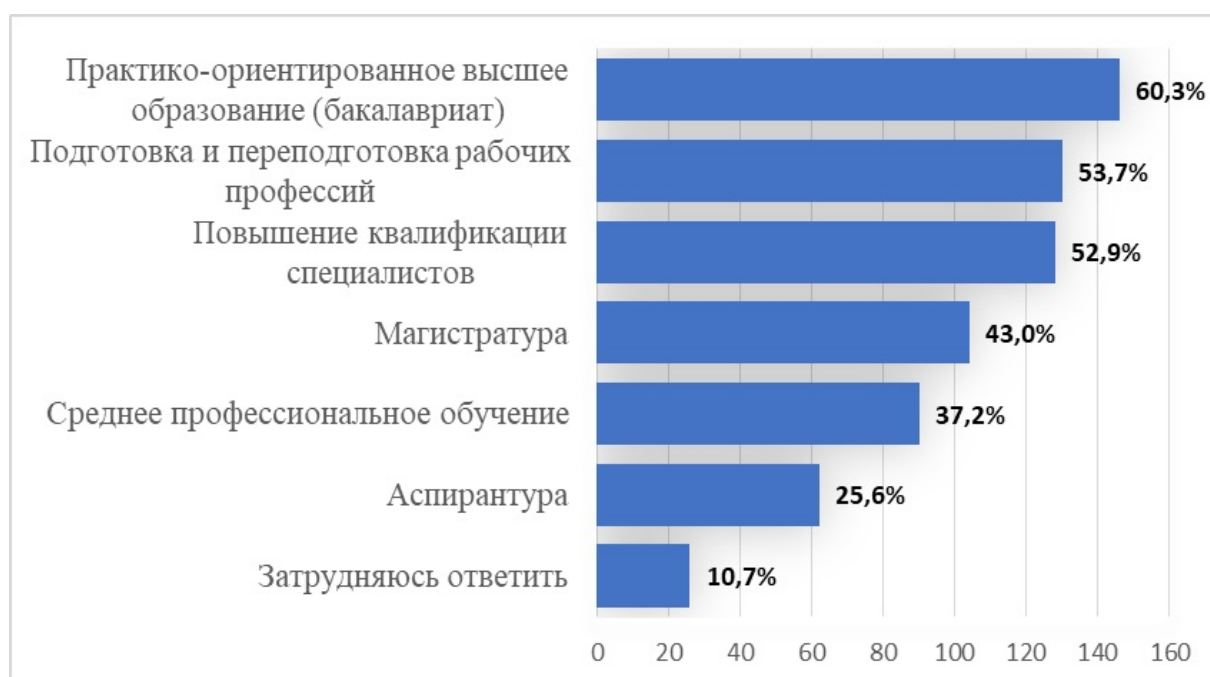

Рисунок 5. Оценка респондентами необходимости внедрения обучения с применением технологий виртуальной реальности на разных уровнях обучения

Эти оценки коррелируются с отношением женщин к преимуществам и возможностям, которые предоставляет обучение с применением технологий виртуальной реальности. Традиционно выше ценность образования с применением технологий виртуальной реальности на всех уровнях профессионального образования среди молодежи, учащихся вузов и квалифицированных специалистов, что и подтвердили ответы респондентов.

Ценность обучения с применением технологий виртуальной реальности необходимо рассматривать не только с позиции преимуществ и возможностей, предоставляемых данным видом обучения, но и оценки респондентами ограничений при его внедрении (рис. 6).

Рисунок 6. Оценка респондентами ограничений внедрения обучения посредством технологий виртуальной реальности

41,3 % опрошенных отмечают значительные первоначальные материальные затраты при внедрении обучения с использованием технологий виртуальной реальности. При этом мужчины склонны больше обращать внимание на необходимость первоначальных материальных затрат, чем женщины. Аналогично респонденты-мужчины критичнее, чем женщины, подходят к ограничениям внедрения обучения с применением технологий виртуальной реальности из-за совместимости с устаревшим производственным оборудованием. Молодые респонденты видят меньше ограничений по внедрению обучения с применением технологий виртуальной реальности, чем люди более старших возрастов. Можно предположить, что оптимизм молодежи в оценке ограничений применения VR-обучения обусловлен недостатком знаний и информации о процессах промышленного производства и профессионального обучения, а определенный пессимизм респондентов старших возрастов выражает неполные знания о возможностях современных виртуальных технологий. Следует отметить, что менее чем 7 % респондентов отметили сложности восприятия метода обучения. Это может косвенно свидетельствовать о готовности к освоению и, главное, возможному одобрению социумом VR-обучения.

Требование постоянной «технической поддержки» процесса как ограничение ценности внедрения VR-обучения отметили 19,8 % респондентов, при этом и женщины, и мужчины были тождественны в своих оценках.

Выводы

Проведенное исследование ценности обучения с применением технологий виртуальной реальности в современном российском обществе выявило проблемы восприятия как самих технологий виртуальной реальности (ограниченная информированность), так и обучения посредством технологий виртуальной реальности в современном российском обществе. В соответствии с ответами респондентов знакомы с технологиями виртуаль-

ной реальности больше мужчины, чем женщины, а уже осведомлены об обучении посредством данных технологий более женщины, чем мужчины. Однако треть респондентов не знакомы или не задумывались об обучении с применением VR-технологий. Столь высокая доля неосведомленных или нежелающих знать об обучении с применением технологий виртуальной реальности может свидетельствовать о низкой ценностной значимости, неприятии данных технологий (и это при условии, что все респонденты являются активными пользователями сети Интернет, так как анкетирование проходило в электронном формате).

Восприятие ценности обучения посредством VR-технологий достаточно сильно различается: от облегчения понимания за счет визуализации сложных функций и механизмов, возможности объединения в одном процессе обучения теории и практики, получения опыта взаимодействия и лучшего запоминания информации, возможности познавать новое в действии в противовес пассивному усвоению информации до отрицания новых возможностей от применения данных технологий обучения. Этот вывод подтверждается при анкетировании и ожиданиями преимуществ от использования технологий виртуальной реальности в процессе обучения: ощущение «присутствия» в предмете, возможности взаимодействия в созданном виртуальном пространстве, гибкий график обучения, мобильность, пространственная свобода обучающегося для большинства респондентов. Однако при этом никогда не задумывались над преимуществами VR-обучения или не видят их более 15 % принявших участие в опросе респондентов. А десятая часть опрошенных оценивает обучение с применением технологий виртуальной реальности только с негативных позиций, отмечая существенные ограничения их использования. Таким образом, проведенное социологическое исследование показало, что необходимо работать не только над технико-экономической составляющей обучения с применением технологий виртуальной реальности, но и, возможно, даже в первую очередь с ценностными аспектами восприятия данных технологий в современном российском социуме. Без восприятия и осознания ценности обучения с применением технологий виртуальной реальности большинством членов общества развитие данных технологий будет все более ограничиваться отдельными компаниями и локальными сферами применения.

Библиографический список

- [1] Трофимова, Н. Н. Инновационные способы иммерсивного обучения работников предприятий с использованием технологий виртуальной реальности : зарубежный опыт / Н. Н. Трофимова – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2020. – № 4 (28). – С. 143–147.
- [2] Mystakidis, S. Deep and Meaningful E-Learning with social virtual reality environments in higher education : A systematic literature review / S. Mystakidis, E. Berki, J.-P. Valtaten. – Text : electronic // Applied Sciences (Switzerland). – 2021. – Vol. 11, Issue 5. – URL: <https://doi.org/10.3390/app11052412>. – Published: 09.03.2021.

- [3] Pellas, N. A Systematic Review of Research about Game-based Learning in Virtual Worlds / N. Pellas, S. Mystakidis. – Direct text // Journal of Universal Computer Science. – 2020. – Vol. 26, Issue 8. – P. 1017–1042.
- [4] Beknazarova, S. S. 3D modeling and the role of 3D modeling in our life / S. S. Beknazarova, M. A. Maxammadjonov, S. N. Ibodullayev. – Direct text // International scientific and practical conference world science. – 2016. – Vol. 3, Issue 7 – P. 28–31.
- [5] Белоножко, М. Л. Роль инновационных образовательных технологий в формировании человеческого потенциала в условиях неоиндустриального освоения Арктической зоны РФ / М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков – Текст : непосредственный // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2018. – № 4 (101). – С. 91–95.
- [6] Павлова, И. В. Совершенствование инновационной подготовки специалистов для химической промышленности Республики Татарстан / И. В. Павлова. – Текст: непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4 (141). – С. 113–120.
- [7] Дмитриева, К. К. Применение иммерсивного обучения в корпоративном образовании / К. К. Дмитриева, Д. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов всероссийской научной и учебно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27–29 мая 2020 г.). В 3 частях. Часть 1 / Под редакцией С. В. Широковой. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. – С. 31–37.
- [8] Шестакова, Е. В. Приоритетные направления развития сферы сервиса в условиях цифровой трансформации / Е. В. Шестакова. – DOI 10.34925/EIP.2020.118.5.126. – Текст : непосредственный // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5 (118). – С. 622–627.
- [9] Светкина, И. А. О рисках, обусловленных цифровизацией российских промышленных предприятий / И. А. Светкина, А. А. Чудаева – Текст : непосредственный // Российская наука : актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции (Самара, 15 марта 2020 г.) / Под редакцией С. И. Ашмариной, А. В. Павловой. – Самара : Самарский государственный экономический университет. – С. 220–224.
- [10] Грязнов, С. А. Использование технологий виртуальной реальности при подготовке сотрудников правоохранительных органов / С. А. Грязнов. – DOI 10.37523/SUI.2021.42.1.015. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского юридического института – 2021. – № 1 (42). – С. 101–105.
- [11] Довгер, О. П. Формирование дискурсивной иноязычной компетентности у студентов экономических специальностей в контексте иммерсивной образовательной среды / О. П. Довгер, К. М. Лопата. – Текст : непосредственный // Региональный вестник. – 2019. – № 10 (25). – С. 24–26.
- [12] Иммерсивная журналистика : подходы к теории и проблемам образования / А. В. Замков, М. А. Крашенинникова, М. М. Лукина, Н. А. Цынарева. – Текст : непосредственный // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2017. – Т. 13, № 1. – С. 166–172.

- [13] Олешкевич, К. И. Внедрение дистанционных форм обучения в образовательный процесс студентов вузов культуры / К. И. Олешкевич. – DOI 10.34897/IAECS.2020.2.62536. – Текст : непосредственный // Педагогика искусства. – 2020. – № 2. – С. 8–13.
- [14] How Virtual Reality is Changing the Manufacturing Game. – Text : electronic // California Manufacturing Network. – 2020. – URL: <https://www.cmtc.com/blog/how-virtual-reality-is-changing-the-manufacturing-game> (data of application: 20.12.2020).
- [15] How Virtual Reality is impacting industrial design and engineering. – Text : electronic // Mbryonic. – 2020. – URL: <https://mbryonic.com/vr-engineering/#:~:text=From%20concept%20to%20detail%20design,immersive%20creation%20of%203D%20model> (data of application: 20.12.2020).
- [16] For US manufacturing, virtual reality is for real. – Text : electronic // PricewaterhouseCoopers International Limited. – 2020. – URL: <https://www.pwc.com/us/en/industries/industrial-products/library/augmented-virtual-reality-manufacturing.html> (data of application: 20.12.2020).
- [17] How VR in education will change how we learn and teach. – Text : electronic // Mbryonic. – 2020. – URL: <https://xd.adobe.com/ideas/principles/emerging-technology/virtual-reality-will-change-learn-teach/> (data of application: 19.12.2020).
- [18] AR and VR in manufacturing : use cases and benefits. – Text : electronic // Smart Tek : solution and service. – 2020. – URL: <https://smartteksas.com/arvr-manufacturing-use-cases-benefits/> (data of application: 19.12.2020).
- [19] Professional development and certification for lifelong learning. – Text : electronic // Autodesk: design academy. – 2020. – URL: <https://academy.autodesk.com/certifications-professional-development> (data of application: 25.12.2020).
- [20] Москвич, Ю. Н. Этические проблемы университетов в условиях вынужденного удаленного обучения : взгляд преподавателей / Ю. Н. Москвич, Е. Н. Викторук. – Текст : непосредственный // Ведомости прикладной этики. – 2021. – № 57. – С. 147–158.
- [21] Massenov, K. Distance education : new opportunities, new looks / K. Massenov, A. Abubekirova, A. Tungysh. – Text : electronic // The Scientific Heritage. – 2021. – № 63–1 (63). – P. 3–5.
- [22] Росстат : Демография : Численность населения : [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.08.2021). – Текст : электронный.

References

- [1] Trofimova, N. N. (2020). Innovative ways of immersive training of employees using virtual reality technologies: foreign experience. Actual problems of economics and management, (4(28)), pp.143-147. (In Russian).
- [2] Mystakidis, S., Berki, E., & Valtaten, J.-P. (2021). Deep and Meaningful E-Learning with social virtual reality environments in higher education: A systematic literature review. Applied Sciences (Switzerland), 11(5). (In English). Available at: <https://doi.org/10.3390/app11052412>

- [3] Pellas, N., & Mystakidis, S. (2020). A Systematic Review of Research about Game-based Learning in Virtual Worlds. *Journal of Universal Computer Science*, 26(8), pp. 1017-1042. (In English).
- [4] Beknazarova, S. S., Maxammadjonov, M. A., & Ibodullayev, S. N. (2016). 3D modeling and the role of 3D modeling in our life. *International scientific and practical conference world science*, 3(7), pp. 28-31. (In English).
- [5] Belonozhko, M. L., & Barbakov, O. M. (2018). The role of innovative educational technologies in the formation of human potential in the context of neo-industrial development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, (4(101)), pp. 91-95. (In Russian).
- [6] Pavlova, I. V. (2020). Improvement of innovative training of specialists for the chemical industry of the Republic of Tatarstan. *Kazan Pedagogical Journal*, 4 (141), pp. 113-120. (In Russian).
- [7] Dmitrieva, K. K., & Tikhonov, D. V. (2020). *Primenenie immersivnogo obucheniya v korporativnom obrazovanii. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v oblasti upravleniya, ekonomiki i trgovli. Sbornik trudov vserossiyskoy nauchnoy i uchebno-prakticheskoy konferentsii* (St. Petersburg, May, 27-29). St. Petersburg, pp. 31-37. (In Russian).
- [8] Shestakova, E. V. (2020). Priority areas for the development of the service sector in the context of digital transformation. *Economy and entrepreneurship*, (5(118)), pp. 622-627. (In Russian). DOI: 10.34925/EIP.2020.118.5.126
- [9] Svetkina, I. A., & Chudaeva, A. A. (2020). riskakh, obuslovlennykh tsifrovizatsiy rossiyskikh promyshlennykh predpriyatii. *Rossiyskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki. Sbornik nauchnykh statey IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Samara, March, 15). Samara, State University of Economics Publ., pp. 220-224. (In Russian).
- [10] Gryaznov, S. A. (2021). The use of virtual reality technologies in the training of law enforcement officers. *Bulletin of the samara law institute*, (1(42)), pp.101-105. (In Russian). DOI: 10.37523/SUI.2021.42.1.015
- [11] Dovger, O. P., & Lopata, K. M. (2019). Formirovanie diskursivnoy inoyazychnoy kompetentnosti u studentov ekonomicheskikh spetsial'nostey v kontekste immersivnoy obrazovatel'noy sredy. *Regional bulletin*, (10(25)), pp. 24-26. (In Russian).
- [12] Zamkov, A. V., Krashennnikova, M. A., Lukina, M. M., & Tsynarev, N. A. (2017). Immersive journalism: approaches to theory and problems of education. *Modern information technologies and IT education*, 13(1), pp. 166-172. (In Russian).
- [13] Oleshkevich, K. I. (2020). Introduction of distance learning in the educational process of students of higher education institutions of culture. *Pedagogy of art*, (2), pp. 8-13. (In Russian). DOI: 10.34897/IAECS.2020.2.62536
- [14] How Virtual Reality is Changing the Manufacturing Game. (In English). Available at: <https://www.cmtc.com/blog/how-virtual-reality-is-changing-the-manufacturing-game>
- [15] How Virtual Reality is impacting industrial design and engineering. (In English). Available at: [https://mbryonic.com/vr-engineering/#:~:text=From %20concept %20to %20detail %20design,immersive %20creation %20of %203D %20models](https://mbryonic.com/vr-engineering/#:~:text=From%20concept%20to%20detail%20design,immersive%20creation%20of%203D%20models)

- [16] For US manufacturing, virtual reality is for real. (In English). Available at: <https://www.pwc.com/us/en/industries/industrial-products/library/augmented-virtual-reality-manufacturing.html>
- [17] How VR in education will change how we learn and teach. (In English). Available at: <https://xd.adobe.com/ideas/principles/emerging-technology/virtual-reality-will-change-learn-teach/>
- [18] AR and VR in manufacturing: use cases and benefits. (In English). Available at: <https://smartteksas.com/arvr-manufacturing-use-cases-benefits/>
- [19] Professional development and certification for lifelong learning. (In English). Available at: <https://academy.autodesk.com/certifications-professional-development>
- [20] Moskvich, Yu. N., & Viktoruk, E. N. (2021). Ethical problems of universities during forced remote learning: the view of the university teachers. *Bulletin of Applied Ethics*, (57), pp. 147-158. (In Russian).
- [21] Massenov K., Abubekirova A., & Tungysh A. (2021). Distance education: new opportunities, new looks. *The Scientific Heritage*, (63-1(63)), pp. 3-5. (In English).
- [22] Rosstat: Demografiya: Chislennost' naseleniya. (In English). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 10/08/2021

Принята к публикации / Accepted: 26/08/2021

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога «**Пресса России**»: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке»:
<https://www.akc.ru/itm/izvestiy-a-vy-iss-hih-uc-hebny-ih-zavedeniy-sot-siologiy-a-y-ekonomika-politika/>

Подписано в печать 07.10.2021. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,11. Усл. печ. л. 17,3. Тираж 500. Заказ № 2273.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.